

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КОМИ КРАЯ

Выпуск 3

Сыктывкар 2009

УДК 947.07/084.6 (470.13)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КОМИ КРАЯ. Сыктывкар, 2009. Вып. 3. 124 с.
(Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН).

В сборник статей вошли материалы, посвященные различным сторонам повседневной истории крестьян и горожан Коми .

Сборник подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Повседневная жизнь сельского и городского населения Коми края в XIX–XX веках».

Редакционная коллегия

А.Ф.Сметанин (председатель), И.Л.Жеребцов (зам. председателя), М.В.Таскаев (отв. секретарь), О.В.Золотарев, А.Д.Напалков, В.А.Семенов, А.И.Таскаев

Ответственный редактор и составитель выпуска
доктор исторических наук И.Л.Жеребцов

Рецензенты

доктор исторических наук А.К. Гагиева
кандидат исторических наук В.В. Якоб

ISBN 978-5-89606-376-6

© И.Л.Жеребцов, составитель, 2009
© Авторский коллектив, 2009
© ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2009

М. А. Мацук

**«...Почести несли ему 20 алтын»
(Повседневные реалии взаимодействия выборных лиц
местного самоуправления и представителей уездной
администрации Яренского уезда в XVII веке)***

В XVII столетии в Яренском уезде в волостях, не выделенных в разряд «отхожих» [1], обычным явлением были периодические контакты выборных лиц волостного самоуправления и высших представителей уездной администрации. Напомню, что в указанное время общие интересы этих представителей двух ветвей власти находились, в основном, в сфере централизованной ренты, т.е. платежа государственных налогов и выполнения государственных повинностей черносошными тяглецами. Воевода обязан был следить за своевременным выполнением черносошными крестьянами своих обязанностей перед государством. Целовальник же сталкивался с реальной обстановкой в волости (неурожай; отсутствие на месте постоянного проживания плательщиков, ушедших, например, на охотничий промысел; злостное противодействие сбору денег со стороны отдельных «огурников» и т.д.). Необходимо было урегулировать все возникавшие вопросы, и целовальник вынужден был ехать на встречу с воеводой. В литературе уже отмечены факты весьма больших затрат волостных целовальников при данных встречах. В этой статье я на примере одной волости за один год покажу, насколько часто приходилось встречаться целовальнику и другим представителям этой волости и воеводе, и выявлю, насколько затратно это было для волостной общины.

* Статья подготовлена и публикуется при поддержке РГНФ (грант № 06-01-41104 а/с «Эволюция системы местного самоуправления в Коми крае в XVII–XVIII вв.») и Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Повседневная жизнь сельского и городского населения Коми края в XIX–XX веках».

Достаточно хорошо сохранились данные, относящиеся к волости Ляльской трети Вымской земли за 187 (1678/79) год [2]. Напомню, что в то время год начинался 1 сентября и заканчивался 31 августа.

Первый раз Ляльский земский целовальник Иван Евсеев сын Ятюнев поехал в Яренск для того, чтобы решить вопрос о так называемом посошном хлебе для уезжающего со службы воеводы князя В.И. Шаховского. «Посошный хлеб» («посошные деньги») – это традиционный денежный платеж, собираемый с населения уезда, подведомственного воеводе, в качестве своеобразного «корма».

И.Е. Ятюнев приехал в Яренск 19 декабря 1678 г. Сразу после приезда он и два целовальника других Вымских третей (Княжпогостской и Турецкой) пришли на прием к воеводе. «Почести несли ему тремя третями 20 алтын. Итого на треть по 6 алтын по 4 деньги. Княгине 10 алтын. Итого на треть по 3 алтына по 2 деньги. Людям ево и верховым жильцам на весь двор 15 алтын. Итого на треть по 5 алтын». Почему выборные люди несли подношение родственникам и дворне воеводы? Потому что те могли замолвить слово в пользу решения вопроса.

В тот же день целовальники посетили подьячего Яренской приказной (съезжей) избы (т.е. руководителя уездной администрации, фактического заместителя воеводы) Афанасия Курсина. «Почести несли тремя третями 10 алтын. Да сыну ево 2 алтына. Итого на треть по 4 алтына».

Через день, 21 декабря, воевода вызвал приехавших со всего уезда целовальников «для посошного хлеба». Опять не обошлось без подношения «в почести». «Князю почести несли 10 алтын. На треть по 3 алтына по 2 деньги. Княгине 5 алтын. Итого на треть по 10 денег». Целовальники сделали попытку уклониться от платежа этого побора. Но воевода был человек опытный, знал пределы своей власти и поставил целовальников на правеж. Деньги быстро нашлись. А в отчете появилась фраза: «Посошные деньги с правежу платили по полутора рубли» (с волости). Кроме того, что пришлось терпеть побои, еще и пристав, проводивший правеж, взял «правежного» по 4 деньги с каждого.

Поскольку со всех волостей с правежа уплатили одинаково, а экономическая и демографическая ситуации в волостях были разные, то обычно все целовальники собирались «на счет», чтобы определить долю каждой волости в затратах и какой-то волости возместить убытки, а с какой-то волости взыскать в пользу других плательщиков. В этот раз решили провести «счет» 24 декабря. Но в этот день «низовские» целовальники (целовальники волостей Вычегодской земли от Усть-Выми до Туглима) «на счет не сели и разъехались». Вымским целовальникам ничего не оставалось, как тоже ехать домой. Поэтому они пошли «триа третими к князю о отпуске бити челом». Почести

воеводе и его жене понесли по 5 алтын с трети соответственно 10 и 5 алтын человеку. Кроме того приставам «ставили тремя третьми ставец вина. Итого на треть по 1 алтыну по 2 деньги».

Кроме «посошного хлеба» и «почестей» волостной целовальник И.Е. Ятунев отметил в отчете свои командировочные издержки. «От двора до двора (т.е. выехал из дома и приехал домой – М.М.) ходил я, целовальник Иван, 11 дней. Ел по 3 выти (трехразовое питание – М.М.) на день. Итого 11 алтын. Подворное (расходы на наем жилья в Яренске – М.М.) 6 денег». Вместе с целовальником ездил волостной дьячек (писарь) О. Лапшиков. Ему «дано найму по приговору (мира – М.М.) понедельное за езд и за подводы, и за хлеб на 2 недели и на один день 9 алтын 4 деньги». Общий расход тяглецов Ляльской волости на эту командировку целовальника и дьячка составил 3 р. 8 к.

10 января 1679 г. И. Ятунев второй раз приехал в Яренск. Приехал по нескольким делам. Во-первых, в уезд приехал новый воевода стольник Р.А. Яковлев. Надо было представиться воеводе и постараться наладить с ним нормальные отношения. Во-вторых, в волости несколько человек отказывались платить налоги и нужен был воеводский наказ приставам о принудительном привлечении этих крестьян к платежу. В Яренске площадные подьячие написали от лица целовальника и всех крестьян волости на имя воевод челобитные и от их лица наказные памяти. Кузьма Тархов (площадный подьячий, написавший память – М.М.) взял «за письмо от первые наказные памяти о подымовных деньгах 8 денег». Сразу по приезде пошел на прием к новому воеводе. «Нес стольнику Роману Аристарховичу ковригу хлеба. Цена 4 деньги. Да калачей на 6 денег. Да полтину. Итого поносу 18 алтын 2 деньги. Да людям ево на весь двор 3 алтына 2 деньги». Во время приема отдал воеводе челобитную.

Старый воевода князь В.И. Шаховской в это время еще не уехал из Яренска и передавал дела новому воеводе. Поэтому И. Ятунев и к нему пошел на прием. «Нес почести 3 алтына 2 деньги. Княгине 8 денег. Да людям ево на весь двор 8 денег». И ему тоже отдал аналогичную прежней челобитную.

Естественно, что сразу после посещения воевод целовальник пошел на прием к подьячему А. Курсину. «Нес почести 3 алтына 2 деньги». Отдал всеильному подьячему челобитные и наказные памяти для дальнейшего решения вопроса.

Во время приема новый воевода Р.А. Яковлев пригласил И. Ятунева в воскресенье на обед («хлеба есть звал стольник в воскресной день»). Придя на обед целовальник нес почести воеводе 3 алтына 2 деньги.

На следующий день бил челом новому воеводе об отпуске из Яренска и об утверждении им наказной памяти (путем приложения личной печати

воеводы). Тогда же воевода и целовальник простились. Во время приема целовальник дал почести воеводе 3 алтына 2 деньги. И людям его «на весь двор» 8 денег.

После посещения нового воеводы целовальник пошел на прием к старому воеводе. У него он также просил разрешения уехать домой и поставить личную печать на наказной памяти. Князь В.И. Шаховской разрешил И. Ятюневу ехать домой и поставил свою печать на листе с наказной памятью. Воеводе целовальник преподнес в почесть 3 алтына 2 деньги.

Перед отъездом он рассчитался с площадными подьячими К. Тарховым и П. Орловым. Им он дал «от наказных памятей от письма и от челобитных, и от рук (подписей – М.М.) 4 деньги».

Кроме всего целовальник взял из мирских доходов себе на командировочные расходы. «Я, целовальник, ходил 8 дней. Итого 8 алтын. Да подворного 4 деньги. От сего письма 2 алтына 4 деньги».

Итак, второе посещение Яренска обошлось Ляльским крестьянам в 1 р. 67 к.

В начале февраля в Яренск был послан Анисим Никифоров сын Поповцев, чтобы сдать собранные с крестьян трети деньги «подымовные и данные, и оброчные, и полоняничные». 3 февраля он приехал в Яренск. В тот же день пошел к старому воеводе князю В.И. Шаховскому. Рассказал о порученном ему деле и результатах сбора денежных средств (налогов) в волости. «Нес почести 5 алтын» самому князю, 4 алтына 2 деньги княгине, «дворовым верховым» (т.е. приближенным к воеводе слугам) 8 денег. «На весь двор дворяне взяли 8 денег».

После этого посыльщик А.Н. Поповцев пошел на прием к новому воеводе Р.А. Яковлеву. Ему почести вручил 5 алтын. Людям его 2 алтына 4 деньги. Третьим Поповцев посетил подьячего А. Курсина. Подьячему было дано в почесть 3 алтына 2 деньги.

4 февраля А.Н. Поповцев сдавал собранные деньги. В Москву деньги посылались с сопроводительным документом, называемом отписью. Эту отпись писал сам руководитель Яренской приказной избы подьячий А. Курсин. «За отпись от письма» взял подьячий 3 алтына 2 деньги. Отписи запечатывались восковыми печатями. Для изготовления такой печати нужен был воск. Воск предоставил некий Костюня, взяв за это «восковые» в размере 2 денег. Отпись посылалась от лица уездного воеводы и изготовленная восковая матрица запечатывалась личной печатью воеводы. Деньги должен был отправить старый воевода князь В.И. Шаховской. Поэтому посыльщик понес ему отпись для постановки печати. Князь печатного взял 3 алтына 2 деньги. Запечатанную отпись посыльщик ходил показать новому воеводе стольнику Р.А. Яковлеву. В качестве почести отнес воеводе 3 алтына 2 деньги.

После решения дела о сдаче денег в счет уплаты налогов посыльщик Ляльской трети А.Н. Поповцев собрался в обратный путь домой. «К князю ходил на прощание. Нес 3 алтына 2 деньги. Княгине 10 денег. Людям ево 10 денег. Да к стольнику ходил на прощание об отпуске бить челом. Нес 5 алтын. Да людям ево 8 денег».

Перед отъездом А.Н. Поповцев рассчитался с площадным подьячим К. Тарховым. За то, что он писал в Вымские волости три наказные памяти о скорейшем сборе денег ему полагалось взять с каждой трети по 10 денег. Однако посыльщик отметил: «Моих денег 8 денег». Денежные приемщики «на пиво взяли за пождание трое 3 алтына». «Да приставы на артель взяли 8 денег».

В конце росписи (финансового отчета) посыльщик отметил: «Да моего найму 3 алтына 2 деньги. От сего письма 4 деньги».

Всего в этот раз было израсходовано 1 р. 68 к.

Вскоре после поездки Поповцева надо было опять ехать в Яренск сдавать собранные стрелецкие деньги. На сей раз поехал сам целовальник И. Ятюнев. 9 марта он приехал в Яренск. В тот же день пришел на прием к воеводе Р.А. Яковлеву. Нес почести ковригу хлеба и калач. «Цена 2 алтына». Да деньгами 3 алтына 2 деньги. К тому времени к воеводе приехали родственники. Поэтому целовальник понес почести «боярыне» 10 денег, да детям его 3 алтына 2 деньги, да людям его дворовым 5 алтын.

Прежний воевода князь В.И. Шаховской к тому времени уже уехал из Яренска, поэтому целовальник сэкономил мирские деньги.

После посещения воеводы И. Ятюнев пошел на прием к подьячему А. Курсину. Нес ему в почесть 3 алтына 2 деньги.

На следующий день, 10 марта, целовальник несколько раз посетил воеводу. Сначала Р.А. Яковлев пригласил к себе целовальника и поставил вопрос о срочной уплате посошных денег. Лишних денег с собой у И. Ятюнева не было, и он просил отсрочки в платеже. За положительное решение вопроса целовальник дал воеводе в почесть 3 алтына 2 деньги. Но воевода был неумолим. Поэтому И. Ятюневу пришлось занять необходимую сумму под проценты («в кабалу на мирской расход занял денег»). За написание заемной кабалы и за подписи поручителей он уплатил 6 денег.

Через некоторое время целовальник И. Ятюнев опять пошел на воеводский двор. На этот раз поводом был отъезд сына воеводы в Москву. «На проводины» нес 2 алтына 2 деньги и ковригу хлеба и калач общей ценой в 6 денег. И «на артель люди ево взяли 10 денег».

После отъезда сына воеводы целовальник уплатил стольнику Р.А. Яковлеву «посошного» 16 алтын 4 деньги и пошел в приказную (съезжую) избу к подьячему А. Курсину. Надо было получить годовую наказную память и

приемные отписи по факту сдачи привезенных стрелецких и ранее сданных А.Н. Поповцевым «подымовных» денег. «От годовой наказной памяти Афанасий Курсин от письма взял 8 алтын 2 деньги. Воскового взял Костюня 2 деньги. Ис приказу от письма приемной отписи в подымовных деньгах и стрелецких Афанасий Курсин взял от двух отписей 7 алтын 2 деньги. Да Костюне воскового 4 деньги».

После написания этих документов А. Курсин отправил целовальника опять к воеводе, чтобы тот распорядился выдать просителю «ис приказу» приемные отписи. Целовальник пошел к Р.А. Яковлеву. Опять нес ему 3 алтына 2 деньги. И дворецкому дано было 10 денег. Воевода приказал приставу Оське передать устный приказ подьячему А. Курсину выдать просителю требуемые документы. И. Ятюнев с приставом пошли в приказную избу, где А. Курсин по приказу выдал целовальнику подготовленные документы. Но эти документы без утверждения воеводской печатью были не действительными. Поэтому целовальник еще раз пошел на воеводский двор к Р.А. Яковлеву, чтобы тот поставил свою печать на полученных документах. В почесть нес 3 алтына 2 деньги. Воевода, просмотрев представленные документы, обнаружил, что в отписях отмечены завышенные суммы, поскольку «денежные приемщики взяли за отвоз лишнего с рубля по полушке». Он распорядился переписать отписи и указать там законные суммы. Обе платежные отписи переписали в приказной избе, взяв за это «от письма» 6 денег. После этого целовальник опять пошел на прием к воеводе. Тот поставил свою печать на документах и Иван Ятюнев «от того дела» дал в почесть воеводе 10 денег. Денежные приемщики не забыли себя и взяли «на калачи да на квас, да на вино» 2 алтына 4 деньги.

Наконец, все дела были сделаны, и 14 марта целовальник Иван Ятюнев пошел к воеводе на прием просить разрешения на отъезд из Яренска. Нес почести воеводе 3 алтына 2 деньги. «Боярыне» его – 10 денег. Детям воеводы – 2 алтына. Племяннику его – 4 деньги, да людям его – 6 денег.

После прощания с воеводой, его родней и слугами целовальник ходил на прощание к подьячему А. Курсину. Нес ему в почесть 10 денег. Кроме того целовальник представил свои командировочные расходы. «Да я, целовальник, жил на Еренском 8 дней. Корм мирской. Того 8 алтын. Да подворного 6 денег. От сего письма (финансового отчета – М.М.) 6 денег. От двух наказных памятей от письма 2 алтына 4 деньги. Челобитную писали на огурщиков, которые данных денег не платят. Того 6 денег». За эту поездку всего было израсходовано мирских денег, без суммы процентов по заемной кабале, 2 р. 99 к.

Кроме уплаты налогов черносошные крестьяне должны были выполнять государственные повинности. Одной из них была ямская гоньба, т.е. перевоз

государственных грузов и пассажиров, едущих по официальным делам и имеющим специальную подорожную. Подробно об условиях выполнения этой повинности крестьянами Яренского уезда смотри мою книгу «Крестьяне Коми края в конце XVI – XVII в. Феодальная эксплуатация» [3]. Сейчас же скажу, что ежегодно крестьяне волостей, выполняющих эту повинность должны были встречаться для подведения итогов года и взаимных расчетов. В 1679 г. такой совет должен был состояться в Яренске в июле месяце. На счет с крестьянами волостей Вычегодской земли с Ляльской трети были посланы Анисим Поповцев и Даниил Терентьев.

Сначала посыльщики трех Вымских волостей собрались, чтобы выработать единую позицию в Серегово. «На Серегове издержали, приходили для совету, на храм и на хлеб, и от письма 5 алтын». После совещания поехали в Яренск. Приехав сразу пошли на прием к воеводе стольнику Р.А. Яковлеву. «Почести несли ему 16 алтын 4 деньги и с рыбою. Боярыне ево 5 алтын. Детям его 3 алтына 2 деньги. Людям ево на двор – 5 алтын. За рыбу платили, что сопча (вместе с посыльщиками других Вымских волостей – М.М.) несли 12 алтын».

Ко времени приезда посыльщиков в Яренск в приказной избе появился еще один подьячий Иван Григорьев. Поэтому посланные понесли почесть обоим подьячим по 6 алтын по 4 деньги, итого 13 алтын 2 деньги.

В июле месяце в волости уже прошли выборы нового целовальника, который должен был заменить И. Ятунева в конце сентября – начале октября после сдачи дел и подробного отчета старого целовальника перед мирской общиной. Посыльщики, заодно с выполнением своего поручения, привезли воеводе «выборы» на целовальника и «несли воеводе, что впреж водилось, как выборы положили на целовальников, чтоб не переменял, 6 денег». Вероятно, в документе допущена описка, так как сумма поставлена чисто символическая для уровня воеводы. Тем более, что от того же дела было дано «боярыне ево и детям ево 16 алтын 4 деньги. Да воеводским людям 3 алтына 2 деньги». В итоге я буду считать, как указано в документе, имея в виду то, что сказал выше.

Воспользовавшись случаем приезда посыльщиков подьячий А. Курсин хотел их «поручить» по кабале мирской, сроки платежа по которой, видимо, уже прошли. И «от того несено ему, чтоб посрочил (то есть еще подождал срок расплаты – М.М.) 6 алтын 4 деньги».

После посещения первых лиц уездной администрации началась конкретная работа по межволостным расчетам. Работа велась, видимо, в непригодной обстановке. Поскольку «вина покупали для счетного дела живучи в Еренском на 6 алтын на 4 деньги».

Как и в другие годы возник вопрос о составе делегации от Яренского уезда на съезде с представителями Сольвычегодского уезда, с которыми вместе выполняли ямскую гоньбу. С ними тоже надо было урегулировать спорные вопросы о затратах на выполнение повинности. Вычегжане настаивали на участии и Ляльских посыльщиков в работе этой делегации. Те отказывались. Тогда вычегжане обратились к воеводе, что бы тот заставил вымских посыльщиков принять их условия. Для урегулирования этого дела потребовалось издержать 12 алтын мирских денег. На что пошли деньги – не расшифровывается.

После этого посыльщики пошли на прием к воеводе «бить челом, чтоб домой отпустил». «И от того на прощание несли ему 8 алтын 2 деньги, боярыне ево 5 алтын, детям ево 3 алтына 2 деньги, людям ево 3 алтына 2 деньги». Воевода разрешил им отправляться домой. Перед отъездом ходили попрощаться с подьячими приказной избы. Старшему подьячему А. Курсину несли 5 алтын, другому подьячему дано 4 алтына.

Командировочных расходов было тоже немало. «В Еренском живучи издержали на харч и на хлеб в 9 дней 19 алтын 4 деньги, подворного платили 2 алтына 2 деньги». Кроме того по мирскому приговору специального найма дано некоему Елизарке 6 денег и посыльщику Анисиму 6 денег. Всего в этот раз израсходовано мирских денег 4 р. 79 к.

Последний раз в этом году делегация Ляльской волости посетила Яренск в августе. Надо было решить несколько вопросов. Во-первых, необходимо было доделать то, что не смогли сделать в июле посыльщики, т.е. окончательно рассчитаться по ямским делам. Во-вторых, приближался срок смены целовальников в волости, и надо было, чтобы воевода все-таки не препятствовал вступлению в должность новому целовальнику. Первоначальное согласие по этому вопросу было достигнуто, но надо было окончательно решить вопрос.

Начали с того, что собрались с представителями других вымских волостей в Серегово. Там в течение нескольких дней, начиная с 1 августа, сверяли ямские книги волостей, рассчитывая, кто больше потратил денег и кто кому должен. 6 августа стали собираться в Яренск. В этот день купили «рыбы семги в Еренской на гостинцы на 20 алтын на 4 деньги». Срок расчетов с вычегжанами прошел, поэтому 7 августа послали воеводе челобитную с просьбой пока не разрешать взимать деньги, насчитанные во время июльской встречи посыльщиков. К челобитной прилагались деньги в почесть стольнику Р.А. Яковлеву. Всего на почесть и «за отвоз найму» израсходовано 5 алтын.

8 августа сами (старый целовальник И. Ятунев, вновь выбранный на следующий год целовальник Р. Арихин, посыльщики от волости) приплыли

в Яренск «для ямского дела». Это дело было тяжелым и затратным, поэтому надо было найти союзников. Сразу по приезде отправились на прием к воеводе. «Почести несено ему и боярыне и на весь двор 21 алтын 2 деньги». После воеводы И. Ятунев посетил подьячих приказной избы. Афанасию Курсину «почести несено, и **жене ево и детям** (выделено мною – М.М.) всего 16 алтын 4 деньги». «Другому подьячему Ивану Григорьеву також несено с приезде **на весь двор ево** (выделено мною – М.М.) 8 алтын 2 деньги». Не забыли даже некоего Ивана Матвиева. И ему дали 10 денег. Но также действовали и конкуренты Ляльских должностных лиц. Поэтому результат не получился очень хорошим.

Вычегжане 9 августа били челом воеводе, чтобы помог им взыскать с вымичей, с трех волостей, 150 рублей, которые по расчетам должны были крестьяне Ляльской, Княжпогостской и Турецкой волостей-третей внести в общий объем на выполнение ямской гоньбы. Воевода распорядился изъять ямские книги вымских волостей и пересчитать затраты в приказной избе. Вычегжане тратили на ямскую гоньбу больше вымичей, потому что через их волости пассажиро- и грузопоток был гораздо больше. Поэтому ляльские посыльщики особенно и не спорили. Но денег не было, громадную сумму (150 р.) надо было еще собрать. И потому они опять пошли к воеводе с просьбой, чтобы отсрочил своей властью платеж и в Яренске сразу не велел править насчитанные на них деньги. «И от того несено с нашей Ляльской трети против иных третей 22 алтына. Для того ж дела ходили к подьячему к Офонасью (Курсину – М.М.) и к Ивану (Григорьеву – М.М.). Несено обоим 21 алтын 4 деньги».

11 августа делегация всех вымских волостей пошла к воеводе, чтобы дал распоряжение отдать из приказной избы ямские книги и поручную вычегжан, просивших воеводу заставить вымичей войти в состав делегации уезда на встречу по расчетам с сольвычегодцами. Воевода Р.А. Яковлев распорядился ямские книги из приказной избы просителям отдать, так как им надо было опять производить взаимные расчеты с вычегжанами. Но поручную не отдал. Мало того. Роман Аристархович Яковлев взял с них письменную сказку, что представители вымских волостей «последним водяным путем» приедут вместе с вычегжанами в Соль Вычегодскую для межуездных расчетов в ямской гоньбе. «И от того от всего несено воеводе и от сказки, и от письма, и от рук (подписей – М.М.) издержано 18 алтын 2 деньги».

Несколько дней продолжалась работа по взаимным расчетам с вычегжанами. Это также было время напряженного ожидания дальнейшей реакции воеводы. Однако опытный воевода стольник Р.А. Яковлев решил не портить отношения с представителями волостей и сменил гнев на милость.

16 августа он позвал к себе обедать не только целовальников, но и посыльщиков. Видимо, представители Ляльской делегации облегченно вздохнули. Можно было решить все остававшиеся вопросы. Поэтому «несено на весь двор 16 алтын 4 деньги». Тут же был решен очень важный для волости вопрос. «Для Романа Арихина целовальника несено воеводе, чтоб ево не переменял, дано 2 рубля».

После встречи за обедом и восстановления хорошего отношения воеводы с целовальниками вымских волостей можно было подумать об отъезде домой. Заодно надо было взять в волость наказную память. И «от наказные памяти и на прощанье поезжаючи несено на весь двор 16 алтын». Целовальником и его помощниками в Яренске «издержано на хлеб и на харч 14 алтын 2 деньги. Подворного плачено 3 алтына». Всего за этот раз было израсходовано мирских денег 7 р. 57 к.

Итак, волостной целовальник и специальные посыльщики волостного мира встречались с высшими чинами уездной администрации (воеводой и подьячими приказной избы) по государственным (платеж налогов и выполнение повинностей) и мирским делам минимум 6 раз. В этих поездках было израсходовано денег в сумме 21 р. 78 к. Это весьма большие деньги. Рабочая лошадь или хорошая корова стоили обычно в это время около 2 рублей [4]. Справедливости ради надо сказать, что на подношения воеводе и подьячим расходовалась не очень значительная часть денег, идущих на оплату мирских нужд. Так, в указанном 1678/79 г. весь расход крестьян Ляльской волости-трети составил 410 р. 33 к. Из них на налоги и повинности пошло 275 р. 43 к., а на другие нужды – 134 р. 90 к. [5]. Таким образом, расходы на поездки в Яренск составили 6,2 %.

Однако дело не в том, сколько именно тратили черносошные крестьяне на необходимые встречи своих представителей и лиц уездной администрации. Это были встречи, необходимые как одной, так и другой стороне, и они составляли весьма значимую страницу функционирования системы земского самоуправления на Европейском Севере России в целом и Коми крае в частности, являясь повседневной реальностью жизни.

Литература и источники

1. Подробно о них см., напр.: Мацук М.А. Коми край от Бориса Годунова до Петра I. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. С. 13-32; История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 1. С. 138-143.
2. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Соликамск № 2. Л. 669-679.
3. Мацук М.А. Крестьяне Коми края в конце XVI – XVII в. Феодальная эксплуатация. М.: Наука, 1990. С. 63-74.
4. Очерки русской культуры XVII века. М.: Изд-во МГУ, 1979. Ч. 1. С. 54.
5. Мацук М.А. Крестьяне Коми края... С. 109.

**Полезные советы губернской газеты
(По страницам «Вологодских губернских ведомостей»
1838–1839 гг.) ***

О предохранении мяса

В жаркое летнее время насекомые, привлеченные во множестве к говядине, высасывают из нее множество лучших соков и оставляют в ней нечистоту. Сообщаем средство к устранению этого неудобства на кухнях, и даже, при продаже этого говядины, на рынках.

Как поставы торговцев, так и кухонные столы, на которых кладется мясо, должно натирать лавровым маслом. Запах этого масла, не сообщаясь мясу, имеет свойство отгонять от него всех незваных гостей из царства насекомых. Этот способ употребляется лучшими мясниками во Франции и Германии.

(Здесь и далее – Прибавления к «Вологодским губернским ведомостям». 1838 г., 19 марта).

Испытанное средство для истребления известных насекомых

Что это за известные насекомые? – Это клопы... Кто не согласится с нами, что ничто не может быть так незанимательно, как речь о клопах; но если выбирать из двух зол меньшее, то не правда ли, что лучше выслушать такую речь, нежели дать себя кусать этим несносным насекомым, которые пробираются даже в самые опрятные дома? – Думаем, что лучше выслушать, и потому мы говорим, что надобно взять два фунта не гашенной извести, только что вынутой из печи, и один фунт поташу, положить эту смесь в чугунный горшок, или таз желтой меди (без полуды, в противном случае полуда сойдет); потом налить два штофа сырой холодной воды и варить до тех пор, пока, до половины не укипит. – Дать смеси устояться, чистое разлить в бутылки, а остальное выбросить, жидкость полученную, мазать кистью малярной все те места, где эти насекомые бывают: даже прусаков и тараканов

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 09-01-41104а/С «История повседневной жизни населения Коми края в XIX – первой трети XX века»).

этим средством можно истребить. Чрез долгое время повторять, если опять покажутся; самая же жидкость может храниться долгое время и не теряет своих свойств.

(1838 г., 4 июня)

Средство прожить до ста лет

В Париже живет столетний старик, удивительно сохранивший все способности, несмотря на поздние лета. Не желая скрывать способа, посредством которого дожил до столь счастливой старости, он обнародовал следующие гигиенические правила, для тех, которые хотят прожить до ста лет. Мы поспешаем сообщить их нашим подписчикам и просим их следовать строго благодетельному наставлению.

Правило 1. Вставать в семь часов утра.

Правило 2. стакан чистой воды в девять часов.

Правило 3. В два часа по полудни легкий обед, состоящий из супа, жаркого и компота; при этом стакан вина старого.

Правило 4. В четыре часа прогулка, без усталости.

Правило 5 и последнее. стакан воды с сахаром, в девять часов вечера, и потом ложиться спать.

(1838 г., 6 августа)

Средство против мух

Мухи несносны летом, наиболее для людей занятых; которым оне надоедают беспрерывно и мешают заниматься; стало быть вовсе не смешно испытывать все возможные средства избавляться от них. Вот одно, которого мы не пробовали, но которое рекомендуется людьми, заслуживающими доверенность. Нужно иметь запас самого чистого и свежего лаврового масла и намазать им створы окон и дверей, спаи рам, все места, в которые мухи могут проникать, и некоторые вещи и предметы, находящиеся около того места, где привычно сидишь и работаешь. Мухи не терпят этого духа и удаляются от ест, где слышат его.

(1838 г., 10 сентября)

Способ узнавать поддел сахара

Для подделки и одобрения сахара, большей частию, вмешивают в него большее или меньшее количество поваренной соли. Чтоб открыть этот обман, стоит только положить кусок сахара в рюмку и налить на него спирту, для медленного разложения сахарного вещества и осаждения соли, которая разлагается в алкоголь. Иногда смешивают сахарный песок с мукою, мелом

и алебастром. Чтоб удостовериться в обмане, стоит развести малое количество в стакане или рюмке водою: примешанное все осядет на дно.

(1838 г., 8 октября)

Как спасать угоревших

1) Угоревших людей тотчас надо вынести на свежий воздух и положить их на спину, с приподнятою вверх головою;

2) Расстегнуть платье, обнажив шею и грудь;

3) Спрыскивать лицо и грудь холодною водою простою, или с уксусом;

4) Примачивать или обливать голову холодною водою, либо обкладывать снегом или кусочками льда;

5) Тереть тело суконками или щетками, подносить к нему крепкий уксус, нашатырный спирт и т.п.;

6) Вдуть в рот воздух;

7) Когда больной придет в чувство, давать ему пить воду с уксусом;

Словом, поступать с ним так, как с опьяненным.

(1839 г., 21 января)

Средство против зубной боли

В народно-врачебной газете Друг Здравия, нашли мы следующее средство против зубной боли, извлеченное из письма помещика Белозерского уезда А.В. Лескова: «Страдая издавна зубами с чрезмерною болью и ломом в деснах и голове, и с колотьем в ушах, я недавно заболел этим так, что ожидал смерти, но нижеследующее средство, о котором я недавно узнал, излечило меня так, что зубы перестали тут же болеть, да несколько и других зубною же болезнию чрезвычайно страдавших, совершенно исцелились им. Средство это состоит в следующем: в чистый горшок или какой-либо другой глиняный сосуд накласть дубовой коры доверху, и налить в это чистой простой воды, тот горшок налить сверху другим горшком и обмазав по швам тестом, поставить его в только что истопившуюся печь, и дать вытопиться и упреть до того, чтобы жидкость стала так густа, как пиво; потом сцедив ее в бутылку, положить туда же чайную ложку обыкновенных квасцов и дать настояться, взбалтывая; после этого смесью во рту зубы полоскать по несколько раз в день. Мне никакие средства и лекарства не помогали, а это совершенно излечило меня и других от зубной боли».

(1839 г., 18 февраля)

О способе высушивать в доме сырые стены

Сколь ни предпочтительна постройка домов каменных пред деревянными, но первые часто от небрежения при работах, или от особенных не-

благоприятных обстоятельствах, подвергаются сырости, которая долгое время оставаясь в стенах, делает величайший вред здоровью живущих в доме. Это побуждает меня сделать известным способ осушения стен самый дешевый, какой только придумать можно, и что всего важнее, многократно испытанный с наилучшим успехом. Каждое утро надобно приготовить мешок, или более, смотря по величине стен, чистого песка, велеть нагреть его так, чтоб был довольно горяч и потом рассыпать этот песок на полу у самой стены, где есть сырость; толщина этой насыпи может быть произвольна: опыт тотчас покажет, какой пропорции держаться. Через несколько часов песок не только охладет, но сделается сырым и наконец мокрым. Тогда он снимается и высушивается, а новый вновь рассыпается на тех же местах. Стены начнут мало помалу высыхать сверху, так что в короткое время высохнут совершенно. При известных опытах песок обыкновенно бросали поутру, а снимали ввечеру: успех был удовлетворителен.

(1839 г., 25 марта)

Картофельный клейстер

Клейстер этот гораздо дешевле приготовляемого из хлебной муки, а при значительных количествах для обойщиков, напр., и т.п. разница выйдет довольно важная. От 8-9 фунтов картофеля достаточно для приготовления 38 фунтов клейстеру, которой делается следующим образом: возьмите, напр., фунт картофеля, вымойте его и разотрите в двух или трех фунтах воды, и смесь эту оставьте кипеть столько времени, сколько будет показывать пена, потом снимите с огня и прибавляйте к ней понемногу мелко истолченных квасцев, которых на фунт картофеля должно быть употреблено половина унца. Клейстер этот прозрачен и очень хорош для употребления. Нехудо однако употребляя его заметить, что он не берется так ровно, как клейстер из хлебной муки, почему и требует внимательнейшего обращения при наклеивке.

(1839 г., 8 апреля)

Способ распознать медь от золота

Чистое золото почти вдвое тяжелее меди, и потому оное можно отличать от последней посредством его удельной тяжести. Но для надлежащего удостоверения, стоит только дотронуться до изведываемого металла стеклянною или деревянною палочкою, обмоченною в селитрянную кислоту (крепкую водку). Если то место металла, до которого дотронулась кислота, посинеет или позеленеет, то это признак, что к металлу примешена медь; но ежели он не изменится от кислоты, то это означает чистое золото.

(1839 г., 29 апреля)

Способ печь хлебы

Некто Джемс получил недавно от Английского Правительства привилегию на изобретенный им способ печения хлеба. Способ сей состоит в том, что он сперва кипятит воду, назначенную для замеса, и подбавляет к ней небольшое количество лучшей муки. От того вода так хорошо соединяется с мукою, что при печении весьма мало испаряется и оттого хлеб делается не только питательнее, но и легче для желудка.

(1839 г., 27 мая)

Картофельный сыр

Это здоровое, питательное, вкусное и экономичное блюдо, готовится весьма удобно; превратив в тесто сваренный и облупленный картофель, в то же время готовят столько же творогу и мешают его с картофелем, прибавив немного перца, соли и пряностей; массу разделяют на маленькие хлебики, завертывают их бумагою; а сверху сеном и оставляют перебродить; после чего получают сыр прекрасного вкуса.

(1839 г., 3 июня)

Средство против загара от солнца

Загар от солнца, или истемна-желтоватый цвет кожи на лице и на шее, происходит от сильного удара солнечных лучей на эти части. Загару весьма содействует ношение черных шейных платков; напротив того, лучше всего сбережешься от него, если будешь хорошенько покрывать голову, и носить белые, тонкие полотняные шейные платки. В случае небольшого загара помогает и одно частое умывание свежю ключевою водою, с мылом, молоком, отваром пшеничной муки, льняного семени.

(1839 г., 22 июля)

Публикация И.И.Лейман

*Летопись Нившерской церкви**

В данной работе публикуется фрагмент приходской летописи Нившерской Воскресенской церкви Усть-Сысольского уезда. Церковные летописи представляют собой весьма интересный исторический источник, содержащий сведения о различных сторонах жизни местного населения. Они велись причетниками в соответствии с определенным планом, изложенным в «Вологодских епархиальных ведомостях» (1864 г., № 2).

Согласно установленному порядку, летопись начиналась с введения, в котором излагалась история храма и прихода. Затем следовало вести собственно летопись событий по годам, месяцам и числам, начиная с января 1865 г. (для существовавших к этому времени церквей), указывая данные о храме, церковнослужителях, приходе и прихожанах. Кроме того, в летописи могли быть зафиксированы различные природные и общественные явления, происходившие в приходе и, в отдельных случаях, за его пределами, «выходящие из ряда обыкновенных, например: необыкновенные роды или смерть, случаи редкого долголетия, ...затмение солнца или луны, метеоры, кометы, северное сияние, сильные бури и грозы, ...повальные болезни и моровые язвы, ...необычайное появление хищных и вообще диких зверей, общественные смуты в народе, ...знамения особенного промысла Божьего о людях и небесного покровительства и т.п.».

На исходе каждого года полагалось записывать сведения о родившихся, умерших и сочетавшихся браком, бывших и не бывших на исповеди и причастия, о движении церковных денег и др.».

Рекомендовалось «излагать все сие в летописи сколь можно ясно и проще, без всякой изысканности, таким языком и слогом, кто каким владеет и говорит. При этом вносить в оную одни только факты, а где возможно и прилично, то и причины оных; но излагающий не должен присовокуплять

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Повседневная жизнь сельского и городского населения Коми края в XIX–XX веках»).

к тому собственных размышлений и чувствований по поводу излагаемого им». Обязанность писать летопись должна была лежать на всех членах причта; но руководить надлежало священнику.

Особо указывалось, что «книга для летописи должна быть из белой хорошей бумаги, в листе за скрепою местного Благочинного, но без шнура и печати его. Писать четко, прямо, крепкими чернилами и по возможности одной рукой, которой без нужды не переменять особенно часто. По истечении каждого года всем членам причта подписывать летопись на последней писанной страницы оной. Благочинные при обозрении церкви вменять себе в обязанность просматривать приходские летописи и в случае смотра в оной каких-либо недостатков или неверностей, исправлять оные, и причтам давать нужные наставления, и затем утверждать оные своим подписом, который делать на той же странице под таковым же причта».

Причту Нившерской Воскресенской церкви книга для ведения летописи была выдана 31 декабря 1864 г. Благочинным Усть-Сысольского уезда Небдинской Спасопреображенской церкви священником Александром Захариным на основании указа Вологодской Духовной консистории от 6 ноября 1864 г. (№ 8432). С сообщения об этом и начинается летопись. Далее в ней излагаются сведения о постройке церкви, ее освящении, организации прихода, имевшихся в приходе часовнях, составе и содержании причта, приходском училище, кладбище, жителях и местных легендах. Сама летопись описывает события с 1865 по 1879 г. Книга в твердом переплете насчитывает 66 пронумерованных листов, на обороте последнего листа надпись: «Итого пронумерованных и прошнурованных шестьдесят шесть листов. Благочинный священник Александр Захарин», сохранились остатки печати. В настоящем сборнике публикуется фрагмент летописи, относящийся к 1865–1869 гг. (листы 17–37). Публикатор выражает искреннюю признательность Евгению Владимировичу Мостивенко за этот ценный исторический документ, безвозмездно переданный им для научной работы.

* * *

От Рождества Христова 1865 год
От сотворения мира 7373 г.

Января 1 дня в субботу. В день Св. Василия вел., празднуемый в Нившере древней иконе сего Святителя, в сей год народу было много, так что здешние жители говорили, что давно уже столько посторонних не было на праздник. В церковную казну поступило деньгами до десяти рублей серебром.

Апреля 26 дня в понедельник. Река Нившера вскрылась при ясной и жаркой погоде.

Мая 20 дня в четверг. Получено письменное известие о кончине Государя Наследника цесаревича В. Кн. Николая Александровича в городе Ницце в 12 день апреля, после тяжелой болезни.

Мая 21 дня в пятницу. По литургии пета большая панихида по новопреставшему наследнику Николае Александровиче при довольно многочисленном стечении народа.

Июня 7 дня в понедельник. Начато устройство деревянной ограды вокруг церкви.

Июня 28 дня в понедельник. Устройство церковной ограды кончено. Церковный староста Кирило Михайлов во все продолжение сего устройства работал безденежно.

Августа 9 дня в понедельник. Был сильный иней, продолжавшийся до 10 часов утра; хлеба позябли.

Октября 1 дня в пятницу. Река Нившера покрылась льдом, при ясной погоде и северном ветре.

В сем 1865 году хлеб не уродился. Цена хлебу была от 80 до 90 коп. серебром. Промышленники с февраля по март месяц настреляли белок от 100 до 150 штук на человека; продали по 71 $\frac{1}{2}$ коп. сер. десяток.

Осенью того же года с сентября до последних чисел ноября месяца настреляли белок от 100 до 150 штук, продали по 90 коп. сер. десяток; рябков от 60 до 100 пар, продали по 11 и 12 коп. сер. пару.

В исповедных ведомостях сего года значится: бывших у исповеди и святого причастия мужского пола 74, женского 107; исповедавшихся, но не причастившихся муж. 12, жен. 16; не бывших у исповеди по малолетству муж. 63, жен. 56; по отлучкам муж 44, жен. 40; по опущению муж. 80, женск. 64, итого в приходе жителей муж. 273, жен. 283, обоего 556; дворов 84.

По приходу-расходным книгам к сему году от прошедшего оставалось наличных денег 6 руб. 82 $\frac{3}{4}$ коп., к тому поступило за проданные свечи 7 р. $\frac{1}{2}$ к., от подаяния в кошелек и кружку 24 руб. 99 $\frac{1}{4}$ к., всего с остатками 38 р. 82 $\frac{1}{2}$ к. Израсходовано на покупку свеч 4 р. 23 $\frac{1}{2}$ к., на починку церкви и другие предметы 27 р. 32 $\frac{1}{4}$ к., внесено свечной прибыльной суммы 2 р. 77 к. всего расходу 38 р. 32 $\frac{3}{4}$ к., к следующему году осталось 4 р. 49 $\frac{3}{4}$ к. сер. По особым распоряжениям правительства выдано Благочинному кружечного сбора на бедных духовного звания 10 коп., в пользу православных поклонников в Палестине 8 к., на восстановление православного христианства на Кавказе 4 к., на сооружение и содержание церквей и школ в западных губерниях 2 $\frac{1}{2}$ к., всего 24 $\frac{1}{2}$ коп. серебром.

В приходской школе обучалось 6 мальчиков. В сем году родилось мужского пола 9, женского 14, умерло мужского 4, жен. 2; браком сочеталось 8 пар.

Все показанное здесь справедливо, в том подписуюсь.
Нившерской Воскресенской церкви священник Александр Попов.

От Рождества Христова 1866 г.
От сотворения мира 7374 г.

Января 1 дня суббота. По случаю неурожая хлеба на праздник Св. Василия вел. Постороннего народа было мало; в казну церковную поступило 3 руб. сер.

Мая 5 дня четверг. Река Нившера вскрылась при ясной и теплой погоде.

Июня 12 дня, в воскресенье отправлен благодарственный Господу Богу молебен по случаю спасения 4 апреля жизни Государя императора Александра Николаевича О. Ив. Комисаровым от руки злодея Каракозова, который оказался 24 лет, сын незначительного помещика Саратовской губернии, Сердобского уезда. В ту минуту, когда государь император, в сопровождении герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского и его сестры принцессы Марии Максимилиановны Баденской, выходил из ворот Летнего сада у Невы, Каракозов, дотоль неизвестный, в простом платье, направил пистолет на Государя и готовился выстрелить почти в упор. Это заметил находившийся вблизи городской; он вскрикнул, а крестьянин, случившийся подле преступника, толкнул его руку. Выстрел раздался, но пуля вылетела, не причинив Государю никакого вреда. Крестьянин Осип Иванов Комиссаров, уроженец Буйского уезда Костромской губернии, села Молвитино, 25 лет. Преступник задержан тотчас в самом месте преступления, с двухствольным пистолетом в руке; одна пуля в нем еще осталась. Государь император, сохранив свойственное его неустрашимости спокойствие духа, приказал отправить арестованного к шефу жандармов, а сам тотчас посетил Казанский собор для принесения молитвы о своем спасении.

Июня 21 дня, вторник. Был крестный ход вокруг поскутины, при ясной и тихой погоде.

Августа 14 и 15. Были иньи порядочные, но как ранее погода была сухая, жаркая, то хлебы не повредились.

Августа 16 дня, вторник. Кончена раздача магазинного хлеба Нившерским жителям, доставленного из Вятской губернии и Вологодского уезда. Начиная с декабря месяца прошлого 1865 года выдано им на продовольствие 2518 пудов 33 фунта, и на посев 54 пуд. 10 ф.

Августа 21 дня, в воскресенье в Нившерском приходе, по приговору Богородского волостного схода от 11 июля сего года, составленному в присутствии Мирowego посредника 2-го участка, Усть-Сысольского уезда, А.Д. Кишкина, с утверждения начальства, открыто Сельское Управление.

Октября 7 дня, в пятницу река Нившера покрылась льдом.

Октября 14, в пятницу получено письменное известие о рукоположении 21 августа Архимандрита Павла, бывшего ректора Вятской семинарии, в епископа Вологодского, совершенном преосвященными: Исидором, митрополитом Новгородским и С. Петербургским, Архиепископами: Василием и Филофеем, епископами: Нектарием Нижегородским, Аполлосом Ладозским и Иоанном Выборгским. Преосвященный Павел прибыл в Вологду сентября 14 дня.

Октября 20 дня, в пятницу в реке Нившере в ста верстах от погоста выше утонул крестьянин Иван Осипов Ларуков, от неосторожности при переходе через нее по льду.

Ноября 2 дня в среду получено письменное известие об увольнении, по Указу Св. Синода, от 5 октября бывшего епископа Вологодского Христофора, переведенного в Вятскую епархию, по его прошению, на покой, с пребыванием в Тотемском Спасо-Суморине монастыре и выдачей ему пенсии по тысяче руб. сер. в год из капитала, на пенсии духовенству определенного.

В 1866 году хлеб уродился очень хорош, особенно рожь; сена мало.

Промышленники с последних чисел января до конца марта месяца постреляли белок от 120 до 150 на человека; продали по 70 и 71 $\frac{1}{2}$ коп. сер. Осенью настреляли белок от 100 до 120, продали по 63 к. сер. десяток; рябков от 40 до 60 пар, продали по 30 к. сер. за пару.

По исповедальным ведомостям 1866 года значится: бывших у исповеди и святого причастия мужского пола 79, женского 106; исповедавшихся, но не причастившихся муж. 10, жен. 16; не бывших у исповеди: по малолетству муж. 55, жен. 55; по отлучкам муж 56, женск. 51; по опущению муж. 75, жен. 64. Всех жителей в Нившерском приходе с духовенством и военными муж. 275, жен. 292, дворов 85.

По приходе-расходным книгам к сему году от прошедшего оставалось наличных денег церковных 4 руб. 49 $\frac{3}{4}$ коп., к тому поступило за проданные свечи 8 р. 10 $\frac{1}{2}$ к., от подаяния в кошелек и кружку 24 руб. 65 $\frac{3}{4}$ к., всего с остатками 37 р. 26 к. Израсходовано на покупку (воска) свеч 5 р. $\frac{1}{2}$ к., на церковные предметы 22 р. 8 $\frac{3}{4}$ к., внесено свечной прибыльной суммы 3 р. 10 к. всего расходу 30 р. 19 $\frac{1}{4}$ к., к следующему году осталось денег 7 р. 6 $\frac{3}{4}$ к. сер. По особым распоряжениям правительства выдано местному

Благочинному кружечного сбора на бедных духовного звания 20 коп., в пользу православных поклонников в Палестине 10 к., на восстановление православного христианства на Кавказе 7 к., на сооружение и содержание церквей и школ в западных губерниях 5 к., на распространение православия между язычниками в империи 10 к.; всего 52 коп. сер.

В приходской школе обучалось 7 мальчиков. По метрическим книгам в сем году родившихся мужского пола 10, женского 5, умерло мужского 11, жен. 5; браком сочетавшихся 3 пары.

Из болезней, хотя и слабо, появились тифозная горячка зимой и натуральная оспа весной. По приговору местных прихожан, составленному 26 ноября прошлого 1865 года, вступил с утверждения епархиального начальства в должность церковного старосты на трехлетие с 1866 по 1868 год сего 23 июня крестьянин деревни Ягвиль Савватий Иванов Подоров после такового Кирилла Максимова Михайлова.

Все показанное здесь справедливо, в том подписуюсь
Нившерской Воскресенской церкви священник Александр Попов

От Рождества Христова 1867 г.

От сотворения мира 7375 г.

Февраля 17 дня, в субботу задохся в снегу от падения под дерево крестьянин деревни Ягвиль Герасим Прохоров Подоров, в верстах двух от сей деревни вверх по ручью Лым-Шор.

Января 12 дня в четверг умер достойный памяти крестьянин Андрей Алексеев Михайлов, после непродолжительной болезни колотьем в боках, на 68 году от рождения. Он был главным попечителем и строителем при сооружении Нившерской церкви, и служил при ней старостой, по выбору прихожан и собственному усердию с 25 августа 1850 до 29 июня 1863 года, с одобрительным отзывом об нем как Духовного начальства, так в особенности местных жителей.

Мая 15 дня, в понедельник пошел лед на реке Нившере, при ясной и теплой погоде.

16 дня, во вторник был первый гром с молнией.

31 дня, в среду по полудни с 6 до 9 часов был сильный гром с молнией, какого не запомнят старики; немного появлялся град с каленый орех.

Июня 9 дня, в пятницу разнеслась молва о покушении на жизнь государя императора поляком посредством пистолета в Париже.

13 дня, во вторник была гроза с сильнейшим дождем и отчасти градом с горох.

Июля 16 дня, воскресенье. По получении (14 июля) формального известия о спасении жизни Государя Императора Александра Николаевича от выстрела в Париже в 25 число мая, отправлено благодарственное Господу Богу молебствие с коленопреклонением и крестным ходом, на площади близ дома крестьянина Ивана Петрова Михайлова. 25 мая в день Вознесения Господня, около 5 часов по полудни, на возвратном пути чрез Булонский парк после военного осмотра выстрел из пистолета был направлен на экипаж, в котором находились оба императора всероссийский и французский и великие князья наследник Александр Александрович и Владимир Александрович. Выстрел никого не коснулся. Преступник схвачен и едва не растерзан народное толпой. Он уроженец Волынской губернии, поляк Антон Березовский, проживавший в Париже и несколько дней искавший случая для покушения на жизнь Государя Императора. Он сделал полное признание. Его двуствольный пистолет разорвало от сильного заряда, что и уклонило направление пули. В Париже тогда была всемирная выставка.

Августа 3 дня, в четверг был иней небольшой.

Августа 4 дня, в пятницу опять был иней, довольно сильный. По мнению народному, хлеба повредились в низменных местах.

Августа 6 дня в воскресенье после литургии отправлено благодарственное Господу Богу молебствие по случаю исполнения (5 августа) пятидесятилетия Митрополиту Филарету Московскому, в сане иерарха Российской церкви.

Октября 7 дня, в субботу, в 8 часу вечера, при пасмурной погоде был сильный удар грома с молнией, который слышали в Лымве, в Оче, Лопье и Сыв-Ю Парме; после чего ночью пошел снег, продолжавшийся до вечера 9 числа; снегу выпало на 1 ¹/₂ четверти.

Ноября 6 дня, в понедельник река Нившера покрылась льдом, при тихой и холодной погоде.

Ноября 18, в субботу, в первом часу по полудни при немного пасмурной и довольно холодной погоде был порядочный удар грома по направлению с юго-востока к северо-западу; а завтра в то же время снег. По зимним громам народ надеется на хороший урожай в будущее лето.

Декабря 4 дня. По определению епархиального начальства от 21 сентября сего года, здешней Нившерской Воскресенской церкви дьячок Андрей Попов выбыл к Пожегодской Троицкой церкви тоже во дьячка.

Декабря 21 дня, в четверг прибыл дьячок Николай Алексеев Пономарев, переведенный к здешней церкви от Пожегодской Троицкой по определению Епархиального начальства от 21 сентября сего года. Он родом города Никольска, Сретенского СОБРа умершего пономаря Алексея Иванова Пономарева сын; по исключении из высшего отделения Никольского духовного

училища, в 1842 году 15 октября определен в пономаря к Лальской градской Спасской церкви с посвящением в стихарь. В 1859 году 31 марта, по его прошению, переведен преосвященным Христофором Усть-Сысольского уезда к Пожегодской Троицкой церкви во дьячка, от каковой по резолюции преосвященного Павла от 21 сентября 1867 года, вследствие неудовольствий с тамошним священником Федором Прозоровским, из снисхождения к многочисленному его семейству, из 6 человек состоящему, перемещен к сей Нившерской Воскресенской во дьячка же.

Декабря 24 дня, в воскресенье отслужена заупокойная литургия и по оной большая панихида по новопреставившемся (19 ноября) Филарете, митрополите Московском и по Евгении, митрополите Киевском, рождению коего исполнилось столетие 18 декабря. Филарет, в мире Василий Михайлович Дроздов, родился в 1782 году, в Москве; рукоположен во епископа Ревельского (Викария С.Петербургской епархии) 5 августа 1817 года; в сан митрополита возведен августа 22 дня 1826 года. Митрополит Евгений родился декабря 18 дня 1767 года, в Воронеже; был епископом Вологодским.

Продолжительной весной сего 1867 года скот сильно голодовал; кормили соломой, осиновой корой и боровым мохом (ягелем); небольшой воз сена доходил до 2-х руб. сер., сноп ржаной соломы до 1 $\frac{1}{2}$ коп., но из крупного скота не погибло с голоду нисколько, из овец же, кормленных мохом, осенью пропало очень значительное количество.

Цена хлеба весной доходила до 1 р. 14 $\frac{1}{4}$ к. сер., осенью же была 60 коп. сер. пуд.

Хлеб от бывших инеев позяб, особенно в низменных местах и около ручьев, в более же удобных и в Русановской деревне уродился довольно хорош; рожь и ячмень и многих годятся на семена. Картофель у многих осенью сгнил.

Сена уродилось очень достаточно.

Лето отличается постоянными и сильными громами и дождями; редкое облако проходило без грома и молнии, даже при северном ветре.

Весной сего 1867 года роздано нуждающимся крестьянам ржи 140 пудов, купленной на продовольственный капитал по 74 коп. сер. пуд, и на казенные деньги 40 пудов; семян ячменя 87 пудов 24 фунта – тоже на продовольственный капитал, по 83 $\frac{1}{4}$ коп. сереб., с условием уплатить по означенной цене.

В весенние промыслы белок настреляно от 120 до 200 на человека; продали по 50 к. сер. десяток. Осенью белок – от 70 до 100, продали по 71 $\frac{1}{2}$ к. десяток. Тогда же рябков – от 40 до 50 пар, продали по 25 к. пару.

Осень была продолжительна и тепла. В 10-х числах августа месяца медведь и волк не мало истребили овец, но крупного скота не трогали.

По исповедальным ведомостям сего года значится: бывших у исповеди и святого причастия мужского пола 82, женского 120; исповедавшихся, но не причастившихся муж. 5, жен. 2; не бывших у исповеди по малолетству муж. 62, женск. 51; по отлучкам и другим препятствиям муж 45, жен. 43; по опущению муж. 86, жен. 78; итого разных сословий жителей в Нившерском приходе муж. 280, жен. 294; в том числе проживающих по паспортам и без оных в Тамбовской, Тобольской, Пермской и Вятской губерниях мужского пола 48, женск. 46. — Дворов 85.

По приходо-расходным книгам к сему году от прошедшего 1866 оставалось наличных денег церковных 7 руб. 6 $\frac{3}{4}$ коп., к тому поступило за проданные свечи 10 р. 51 $\frac{1}{2}$ коп., от подаяния в кошелек и кружку 27 руб. 57 $\frac{3}{4}$ коп., всего с остаточными 45 р. 16 коп. Из того числа израсходовано на покупку (воска) свеч 6 р. 36 коп., на починку церкви и другие церковные предметы 24 р. 79 $\frac{3}{4}$ коп., внесено свечной прибыльной суммы 4 р. 15 $\frac{1}{2}$ коп.; за тем к следующему году осталось 9 руб. 83 $\frac{3}{4}$ коп. сереб.

По особым распоряжениям правительства выдано местному Благочинному собранных в кружки: на призрение бедного духовенства 21 коп., в пользу православных поклонников в Палестине 11 $\frac{1}{4}$ коп., на восстановление православного христианства на Кавказе 5 к., на сооружение и содержание церквей и школ в западных губерниях 6 коп., на распространение православия между язычниками в империи 11 коп.; всего 54 $\frac{1}{4}$ к. сер.

В приходской школе обучалось 6 мальчиков. По метрическим книгам в сем году родившихся мужского пола 16, женского 13, умерло мужского 5, женск. 4; браком сочетавшихся 1 пара.

В ноябре и декабре месяцах очень многие из здешних жителей жаловались на боль в животе и головокружение; причиной сему полагали употребление ржаного хлеба с рожками, коих в сем году во ржи было много.

В справедливости всего вышесказанного подписуемся:

Нившерской Воскресенской церкви священник Александр Павлов
Попов.

Той же церкви дьячок Николай Алексеев Пономарев.

От Рождества Христова 1868 год
От сотворения мира 7376

Января 1 число в понедельник. Ночью и днем тихо, облачно и не холодно. Такая погода ночью на этот день по примете неурожай ягод и вообще плодов древесных в наступающее лето. В сей праздник постороннего народу

здесь было немного; в церковную казну поступило до шести рублей серебром.

С 11 по 19 января был мороз сильный, при ясной погоде и слабом северном ветре. Такого морозу в сей год еще не бывало. Сороки и воробьи замерзали.

С 23 по 28 января опять очень холодно, при западном ветре.

Февраля 20 дня во вторник умер приходской дьячок Николай Алексеев Пономарев, после девятидневной болезни простудной горячкой, впрочем и прежде бывший нездоров удушьем и болью с груди с 30 сентября прошлого 1867 года. Сведения о нем помещены в сей летописи под 21 числом декабря 1867 года. После него осталось сиротствующее семейство: жена его Анна Павлова 38 лет, дети: Пелагея 18, Елизавета 14, Александр 11, Глафира 9, Григорий 5 и Анна 3 г.

Марта с 18 по 22 был сильный юго-западный ветер при ясной и теплой погоде, а

с 22 по 25 марта северный ветер со снегом, – это было на вербной неделе. По старинной примете, если на вербной неделе будет северный ветер хотя бы на один час, то урожай хлеба будет хорош.

Марта 27, в среду, дьяческая вдова Анна Пономарева отправилась отсюда с семейством, кроме Пелагии и Александра, для приискания просфирнического места.

Апреля 18 в четверг прилетали утки и гуси.

22 в понедельник при тихой и жаркой погоде, на р. Нившере лед, не много подвинувшийся еще 19 числа, пошел настоящим образом; около полудня с юго-востока слышали раскат грома порядочный.

Апреля 25 дня зачали сеять ячмень.

Мая 16 посев ячменя кончен.

27 мая была видима первая молния вдали, на северо-западе с едва слышным громом.

Июня 2 дня, в воскресенье – праздник иконе Свят. Чудотворца Николая Великорецкой, был порядочный иней, картофельные ветки немного позябли.

Июня 17 дня в понедельник, при значительном стечении местных жителей, совершен был крестный ход по полям, где отслужено местным причтом довольно молебнов простых по просьбе прихожан, также при поставленных крестах, и в часовнях Ягвыльской и Тистовской – с водосвятием святым Николаю Чудотворцу и Пророку Божию Илии. В обратный путь к церкви, при кресте, стоящем близ дома крестьянина Ивана Петрова Михайлова отслужен Божией матери молебен с акафистом и с коленопреклонным чтением молитвы ей в конце оногo, что произвело особенно умильное впечатление на участвовавших при сем.

Июня 19 дня в среду день освящения Нившерской Воскресенской церкви (в 1855 году), по литургии при значительном стечении народа, отпета панихида по строителе сей церкви крестьянине Андрее Алексееве Михайлове, на его могиле в церковной ограде.

С 23 июля началась жатва ячменя, 27 ржи.

8 августа был иней порядочный.

9 августа опять иней крепкий, повредивший картофельные листья, но не подействовавший на хлебы, по зрелости их и по бывшей до того довольно времени сухой погоде.

29 августа с полудня до вечера был сильнейший дождь с громом и молнией.

4 сентября были в погосте Нившерском Г.Г. Посредник 2-го участка Усть-Сысольского уезда Александр Дмитриевич Кишкин, Губернский землемер Федор Ларионович Степанов и Депутат с Духовной стороны Пезмогской Прокопьевской церкви священник Александр Щетинин. Землемер, в присутствии сего депутата, местного священника Александра Попова, сельского старосты Филипа Михайлова и 12-ти понятых из прихожан, согласно составленному в сей же день приговору, копия с коего помещается ниже*, произвел нарезку земель сенокосной вблизи погоста за рекой Нившерой и пахотной в месте, известном под именем «Вавил керös». <...>

6-го сентября был сильный иней, и 7-го еще сильнее.

10 сентября утром был первый снег в настоящую осень.

12 сен. был снег с перевалами во весь день до вечера.

20 сентября в пятницу, с полудня был довольно сильный гром с молнией, около часа; по направлению с запада к востоку; дождь большой, отчасти с градом; ветер сильнейший западный, так что с кровель домов тесины побросало. И

21 сен. опять сильнейший ветер юго-западный, вываливший очень много лесу в верховьях речки Одью Водзес Йоль, по р.р. Лопи, Одью и Лымве выше Кыдзь Лёпта начиная.

1 ноября река Нившера покрылась льдом, при тихой и пасмурной погоде.

11 ноября вечером сгорела от неосторожного обращения с огнем мукомольная деревянная об одном поставе мельница на реке Көдзя Йоль (Одь-Ю Водзесь Йоль), бывшая с 1865 года под арендой крестьянина Ивана Петрова Михайлова; хлеба на ней сгорело до 120 пудов.

14 ноября в четверг прибыл в Нившерский погост вновь определенный по Укзау Вологодской Духовной Консистории 2-го октября сего года за № 8831 дьячок Виталий Арсеньев Сумароков, родом Важкурской Богород-

* Копия приговора не публикуется.

ской церкви дьячка Аресения Максимова Сумарокова сын, который по окончании курса учения в Яренском Причетническом классе в 1862 году был послушником в Устюжском Николаево-Прилуцком монастыре с 1864 по 1867 год, в каковом 9 августа посвящен в стихарь; от роду ему 22 года.

28 ноября в четверг, по полуночи скончался мирно церковный староста Савватий Иванов Подоров, приобщенный Св. Тайне и елеопомазанный, после семидневной болезни горячкой, на 70-м году от рождения. Избранный по приговору местных прихожан, составленному 23 ноября 1865 года на трехлетие с 1866 по 1868 год, он вступил в должность церковного старосты 23 июня 1866 года. В сем году, в ноябре месяце сделаны вторые рамы к церковным окнам Вомынским крестьянином Андреем Даньшиковым, а в 1867 году заведена хорошая риза из желтой штофной материи с красными цветами и две эпитрахили, на пожертвованные деньги.

В сем 1868 году хлеб уродился хорош; сена достаточно. Цена хлебу весной была 1 р. 14 $\frac{1}{4}$ к., осень 60 коп. сер. за пуд.

Лето и осень отличались постоянно благоприятной погодой как для поставки сена, так и для уборки хлеба с полей.

В весенние промыслы сего года здешние промышленники настреляли белок от 100 до 220 штук, продали по 71 $\frac{1}{2}$ к. сер. десяток; осенью – от 150 до 250, продали по 90 к. сер. Рябков осенью настреляли от 60 до 100 пар, продали по 17 к. пару; горностаев наловили от 10 до 20 штук, продали по 37 к. сер. штуку, а в г. Усть-Сысольске во время ярмарки цена горностаю доходила от 50 до 60 к. сер. за шкурку, чему и крестьяне удивлялись.

По случаю недостаточного урожая в прошлом 1867 году, в феврале и марте месяцах сего 1868 года куплено с Вычегды для здешних крестьян на частный продовольственный капитал 92 пуда ржи, 128 пуд. семян ячных по цене от 1 р. До 1 р. 15 к. с пуда. Силою правительства приобретено ячных семян 153 п. по 1 р. 38 $\frac{3}{4}$ к. с пуда на сумму 212 р. 28 $\frac{3}{4}$ к., озимого семени 40 пуд. По 1 р. 27 к. на 52 р. 99 $\frac{1}{2}$ к. Ржи на продовольствие 180 пуд. по 1 р. 14 $\frac{3}{4}$ к.

По исповедальным ведомостям сего года значится: в сем приходе бывших у исповеди и святого причастия мужского пола 75, женского 101; исповедавшихся, но не причастившихся муж. пола 29, женского 19; не бывших у исповеди по малолетству муж. 58, женск. 52; по отлучкам и другим препятствиям муж 41, жен. 39; по опущению муж. 81, жен. 78; итого разных сословий жителей в Нившерском приходе муж. 284, жен. 289; дворов 81.

По приходу-расходным церковным книгам к сему году от прошедшего 1867 оставалось наличных денег при церкви 9 руб. 84 $\frac{3}{4}$ к., к тому в 1868

году поступило в приход за проданные свечи 10 р. 51 $\frac{1}{2}$ к., от подаяния в кошелек и кружку 34 р. 50 к., всего с остаточными 54 р. 86 $\frac{1}{4}$ к. Из того числа израсходовано на покупку свеч 6 р. 36 к., на починку церкви и другие расходы церковные 36 р. 80 $\frac{1}{2}$ к., внесено свечной прибыльной суммы 4 р. 15 $\frac{1}{2}$ к. За тем к следующему 1869 году осталось денег 7 р. 54 $\frac{1}{4}$ к. сер.

По особым распоряжениям правительства выдано местному Благочинному собранных в кружки: на призрение бедного духовенства 22 коп., в пользу православных поклонников в Палестине 12 к., на восстановление православного христианства на Кавказе 7 к., на сооружение и содержание церквей и школ в западных губерниях 7 к., на распространение православия между язычниками в империи 10 к.; всего 58 копеек серебром.

В приходской школе обучалось 9 мальчиков и 1 девочка. По метрическим книгам в сем году родившихся мужского пола 13, женского 8, умерло муж. 9, жен. 9; браком сочетались 2 пары.

В справедливости всего вышесказанного подписуемся:

Нившерской Воскресенской церкви священник Александр Павлов

Попов

Дьячок Виталий Сумароков

От Рождества Христова 1869 год

От сотворения мира 7377

Января 12. Избранный в церковные старосты по приговору крестьян, составленному 17 ноября 1868 года крестьянин Кирило Максимов Михайлов, на трехлетие с 1869 по 1871 год, вследствие указа Вологодской духовной Консистории от 18 декабря за № 11621, с утверждения Его Преосвященства, введен в сию должность, по принятии им присяги и поверки церковного имущества по описи. Этот Кирило Михайлов ранее сего служил церковным старостой с 1863 по 1865 год.

Января с 22 по 23 число ночью, видимо, было поразительное северное сияние на севере и северо-востоке. С 8-ми часов вечера начали являться огненные столбы, радужного цвета с сиянием, которые поднимались почти до горизонта, исчезали и заменялись новыми, такими же, что продолжалось до 4 часов утра.

С 7 до 11 апреля, что было на вербной неделе, погода была сперва дождливая при южном ветре, потом очень снежная при северном ветре. Северный ветер на вербной неделе, по народной примете, предвещает хороший урожай хлеба и трав.

Апреля 17 дня, в четверг на страстной неделе, лед на реке Нившере немного отошел.

20 числа, в день святой Пасхи, пошел лед на реке Нившере, при немного облачной погоде.

25 числа начали сеять ячмень.

Мая 10 дня посев ячменя кончился.

14 числа, в день преполовления пятидесятницы, утром шел снег небольшой; ветер северный холодный. После освящения воды на р. Нившере, с хоругвями и иконами совершен был местным причтом крестный ход по погосту.

18 числа слышали первый несильный удар грома на западе, при теплой погоде.

Июня 6 дня, в пятницу, на месте с давних времен бывшей во имя Святого Василия Великого часовни поставлен деревянный крест, на четвероугольном подножии, усердием прихожан, уговоренных церковным старостой Кириллом Михайловым. Бывшая тут часовня разобрана весной 1855 года, когда и Св. иконы Василия Велик. и прочие перенесены в сооруженную церковь, ныне существующую.

Июня 9 дня, в понедельник, в день сошествия Святого Духа на Апостолов, совершен был местным причтом, при значительном стечении приходских людей, крестный ход по полям, по примеру прошедшего года (см. летопись] 1868 г. июня 17), с той только разницей, что сперва отслужен водосвятный молебен Св. Василию Вел. у вновь поставленного креста на месте бывшей во имя сего святителя часовни. Причем замечено неусердное участие женского пола в сем ходе.

Июня 15, в воскресенье, по исполнение распоряжения Преосвященного Павла, Епископа Вологодского и Устюжского от 7 мая сего года, напечатано в Епархиальных ведомостях в №10, совершена пред литургией панихида по Бозе почившем Архиепископе Псковском Феофане в ночь с 21 на 22 апреля в нынешнюю Пасху. В бытность его в сане Епископа Вологодского, освящена по его распоряжению Нившерская церковь 19 июня 1855 года (см. лет[опись] стр. 6 на обор[оте]).

Июня 26, в среду был иней, довольно сильный, повредивший картофельные листья.

Июня 7, в понедельник, в 1-м часу пополудни разразилась гроза над пожней, под названием Од-Вислыва Видзь. Из числа сидевших у огня, разложенного между двумя пихтовым деревьями, убило молнией крестьянскую жену Матрону Измаилову по мужу Михайлову, которая тогда держала очаг, на коем в котле была горячая вода; при ней бывшего сына семилетнего Александра опалило правую щеку, шею и грудь, немного

коснулась волос, который бывши около четверти часа в беспамятстве, поправился. Прочих бывших тут менее коснулась молния: крестьянина Егора Кондратьева Габова ранила в обе ноги; его успели едва оттащить от места, куда в ту же минуту упало пихтовое дерево, разбитое молнией; жену его Стефаниду Прокопьеву поранило в правую ляшку и дочерей их возрастных Агафену и Елену слегка ранило в ноги.

Августа 18, в понедельник был иней порядочный и затем прохладно и дождь, продолжавшийся по 7 сентября.

Сентября 20, ночью, при восточном ветре пал снег, продолжавшийся и в следующие три дня; пробыл до 4 октября, когда стало теплее и снег растаял.

Октября 31, под вечер был сильный удар грома, подобный пушечному выстрелу, на северо-востоке с продолжавшимися после того тихими раскатами около часа.

Ноября 19 р. Нившера покрылась льдом.

В сем 1869 году хлеб уродился хорош, и сено поставлено хорошее, но в меньшем против прошедшего года количестве. Цена хлебу весной доходила до 90 коп. и даже до 1 рубля, осенью 60-63 к. Картофелю уродилось мало.

Лето отличается сильным жаром, необыкновенными громами и молнией, от чего лесу выгорело много кругом. Комаров почти не было; зато мух было множество; в конце июля месяца они были злы, кусались.

В весенние промыслы сего года здешние промышленники настреляли белок от 50 до 120 штук, продали по 80 коп. десяток; в осенние – от 100 до 150 штук, продали здесь по 1 руб.; а в городе Усть-Сысольске по 1 р. 28 $\frac{1}{2}$ коп. сер. десяток; рябков от 40 до 60 пар, продали по 17 и 20 коп. пару; горностаев от 10 до 20 штук, продали по 60 и 50 коп. штуку.

По исповедальным ведомостям сего года значится в сем приходе бывших у исповеди и святого причастия мужского пола 76, женского 105; исповедавшихся, но не причастившихся муж. 4, женск. 6; не бывших у исповеди по малолетству муж. 46, женск. 52; по отлучкам и другим препятствиям муж 49, женск. 44; по опущению муж. 103, женск. 91; итого разных сословий в Нившерском приходе жителей, кроме духовенства, муж. 273, женск. 294, дворов 84.

По приходо-расходным книгам к сему году от прошедшего 1868 оставалось наличных денег при церкви 7 руб. 54 $\frac{1}{4}$ коп. сер. К тому в 1869 году поступило за проданные свечи 10 р. 51 $\frac{1}{2}$ коп., от подаяния в кошелек и кружку 32 руб. 9 $\frac{3}{4}$ коп., всего с остаточными 50 р. 15 $\frac{1}{2}$ коп. Из того числа израсходовано на покупку свеч 6 р. 36 коп., на церковные предметы 30 р.

11 $\frac{1}{4}$ коп., внесено свечной прибыльной суммы 4 р. 15 $\frac{1}{2}$ коп.; в почтовый доход 2 к. К следующему 1870 году осталось 9 руб. 52 $\frac{3}{4}$ коп. серебр.

По особым распоряжениям правительства выдано местному Благочинному собранных в кружки: на призрение бедного духовенства 23 к., в пользу православных поклонников в Палестине 12 $\frac{1}{4}$ коп., на восстановление православного христианства на Кавказе 8 к., на сооружение и содержание церквей и школ в западных губерниях 7 $\frac{1}{2}$ к., на распространение православия между язычниками в империи 11 коп.; всего 61 $\frac{3}{4}$ коп. серебром.

По метрическим книгам в сем году родившихся мужского пола 9, женского 11, браком сочетавшихся 9 пар, умерших муж. 7, женск. 5. В приходской школе обучалось в сем году мальчиков 8 и девочка 1; между первыми нельзя оставить без замечания деревни Лымвы крестьянских детей Андрея и Архипа Ивановых Поповых, как первых в дальней деревне, пожелавших обучаться грамоте.

В сем году 26 октября в деревне Тисте появлялась белая горячка. Проживающие в одном доме солдатская жена Параскева Филиппова и крестьянка Евдокия Иванова Габова обе в одну ночь оказались не в полном уме, из коих первая в сильной степени, и она 10 ноября после страшных мучений умерла, вторая подает надежду на выздоровление. На том же месте в прежде бывшем доме, этою же болезнью в 1829 году была нездорова крестьянская жена Агафья Иовлева Габова, которая почти через год умерла.

В справедливости всего вышесказанного подписуемся:
священник Александр Попов.
Дьячок Виталий Сумароков.

Публикация И.Л.Жеребцова

И. И. Лейман

***Ярмарки: как считали и как обсчитывали
(охрана правопорядка и статистика на ярмарках
в XIX в. на примере Европейского Севера России)****

Зарождались ярмарки стихийно. Однако со временем процесс организации и проведения ярмарок все больше подчинялся строгой букве закона. Основная ответственность в этом деле возлагалась на плечи местной администрации. Проведение ярмарки было заданием не из легких и требовало большой предварительной работы. Но и с началом ярмарочного торга заботы только прибавлялись. Теперь на первый план выдвигались задачи по охране правопорядка и сбору статистических данных относительно количества и качества привезенного на ярмарку товара.

Меры по охране правопорядка на ярмарках возлагались на уездные и волостные органы управления. Со второй трети XIX в. их обязанности в отношении ярмарок прописывались в законодательстве достаточно конкретно. «Бдительный надзор за исполнением установленных для торговли правил, и пресечением всякого, в противность оным торга» входил в сферу обязанностей земского суда и подчиненных ему лиц. Члены земского суда, кроме земского исправника, старшего заседателя и двух сельских заседателей, постоянно находящихся в земском суде, приписывались к участкам (или станам) и именовались станowymi приставами [1]. Становые приставы возглавляли земское полицейское управление [2]. В обязанности становых приставов входило следить за безопасностью на дорогах и ярмарках лично или через подчиненных членов земской полиции. Непосредственный надзор за ярмарками становой пристав поручал «надежнейшим тысяцким, пяти-

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Повседневная жизнь сельского и городского населения Коми края в XIX–XX веках».

сотским и сотским». Но, по крайней мере, иногда он должен был лично посещать наиболее крупные в стане ярмарки [3].

Тысяцкие, пятисотские, сотские и десятские должны были присутствовать во время больших скоплений народа – праздников, ярмарок и винных выставок – и стараться «разводить и мирить» возникающие ссоры, драки и «другое буйство» [4]. Они выявляли торговцев, «производящих торг, исключительно купечеству предоставленный, без надлежащих свидетельств» или «продающих гнилые и вообще до такой степени испортившиеся съестные припасы, что от употребления их может произойти вред для народного здоровья», например, «испорченные жизненные припасы, дурной хлеб, гнилое мясо или рыбу, масло, овощи, фрукты» [5]. Также в круг их обязанностей входило наблюдение «за верностью весов и мер», чтобы торгующие на ярмарках «никого не обмеривали и не обвешивали» и пользовались мерами и весами с соответствующим клеймом [6]. Кроме того, в ходе ярмарок члены земского полицейского управления занимались поддержанием общественного порядка, а именно «чтобы не обращались и не продавались на ярмарках, рынках и в лавках товары, к продаже недозволенные, а равно книги и эстампы, изданные без одобрения цензуры и вообще запрещенные правительством, а также ругательные и возмутительные рукописи, соблазнительные картины и тому подобное» [7].

В ряде случаев на ярмарки в помощь полиции направлялись и жандармские команды. Например, на Евдокиевскую ярмарку в с. Благовещенском Шенкурского уезда Архангельской губернии в 1867 г. для надзора за порядком наряду с уездной полицией из числа корпуса жандармов был назначен один унтер-офицер и двое рядовых, поступающие на время ярмарки в распоряжение шенкурского уездного исправника. Кроме того, в с. Благовещенское ежегодно для наблюдения за порядком на ярмарке присылали отряд конных казаков или солдат численностью до 20-30 человек [8]. На менее крупные ярмарки, не имевшие особого экономического значения, специальные охранительные отряды могли и не высылаться. Например, пинежская Никольская ярмарка, как отмечал в 1856 г. ее очевидец С.В. Максимов, «не была обставлена казаками и жандармами» [9].

Штаб-офицер корпуса жандармов в продолжение ярмарки мог быть назначен комендантом [10]. К коменданту поступали все сведения о приезжих торговцах, собранные городской думой и полицией. В обязанности временного коменданта входило следить, чтобы торговля не начиналась до того времени, как все торговцы не предъявят в полицию паспорт и не получат «на прожитие в городе и свободную торговлю особенную записку». Кроме того, комендант наблюдал за тем, чтобы «съестные припасы были в надлежащей доброте» и перекупщики «в предупреждение монополии» не

осуществляли покупок до 12 часов дня, «доколе жители закупают все нужное». По просьбе коменданта на ярмарку мог быть командирован медицинский чиновник для осмотра «доброты» продуктов [11].

На уровне сельского самоуправления особым кругом обязанностей в отношении ярмарок обладали сельские старосты. Со второй трети XIX в., согласно законодательству, в обязанности сельского старосты входило наблюдение за порядком во время ярмарок, происходящих в подведомственных ему селениях. Сельский староста должен был следить, чтобы торг не начинался до официально установленного срока и не продолжался по его окончании. Необходимо было обращать внимание на то, чтобы «питейные выставки, временно учреждаемые по случаю ярмарок и базаров, не были открываемы преждевременно и продолжаемы далее установленного для них срока, и чтобы с наступлением онаго, питья непременно были вывезены из селения». В случае нарушения установленных правил староста докладывал об этом земской полиции и сельскому старшине [12].

В целом, сфера обязанностей полиции в области ярмарочной торговли на протяжении всего XIX в. существенных изменений не претерпевала и заключалась в контроле за осуществлением торговли по всем предписанным правилам товарами надлежащего качества и вида [13]. На уровне сельского самоуправления начиная с последней трети XIX в. обязанности в сфере ярмарочной торговли специально не выделялись [14].

Особых происшествий на ярмарках Европейского Севера России не происходило. На ярмарках были «как и везде, все мелкие и крупные плутни и обманы, через которые только и продается и покупается, клятвы и всевозможные божбы торговца, предлагающего покупателям свой гнилой товар за здоровый» [15]. Вследствие этого между торговцами и покупателями периодически случались ссоры, которые в большинстве случаев были «маловажными» [16].

В ходе проверок торговли, полицией периодически выявлялись торговцы, использовавшие неклеяные или несоответствующие эквивалентам гири. Например, в ходе Георгиевской ярмарки 1873 г. в г. Усть-Сысольске Вологодской губернии полицейским надзирателем был обнаружен крестьянин Орловской губернии Трофим Зонов, применявший в торговле неклеяные заржавевшие гири. В ходе разбирательства было установлено, что гири отличаются от установленного образца, вследствие крестьянину был назначен штраф [17].

Все судебные разбирательства, касавшиеся споров между ярмарочными торговцами, происходили в словесном суде, состоявшем при магистратах и ратушах. В тех населенных пунктах, где магистратов и ратуш, и соответственно, словесного суда, не существовало, на время ярмарки из ближайших

городов определялся один член магистрата или ратуши и двое выборных из купеческого сословия. Например, на Евдокиевской ярмарке в с. Благовещенском Шенкурского уезда Архангельской губернии в состав словесного суда входили член уездного суда и двое выборных от г. Шенкурска [18]. В случае недовольства действиями выборных торговцы могли подать на них жалобу в магистрат и ратушу. По усмотрению губернского начальства на ярмарку могли быть командированы специальные чиновники «с подтверждением, в разбирательство слушающихся там споров не входить, но отсылать спорящих без малейшего задержания в торговый словесный суд» [19].

Все дела в словесном суде на основании действовавшего законодательства разбирались «в самой высокой скорости». Однако торговцы прибегали к услугам словесного суда нечасто во избежание лишних расходов, связанных с уплатой пошлины, и предпочитали решать возникающие споры на месте [20].

Как и при любом скоплении народа, на ярмарках «вовсю» работали карманники, которые вытаскивали у «зазевавшихся покупателей» кошельки [21]. На ярмарке в г. Пинега Архангельской губернии в 1863 г. даже произошел грабеж, однако виновный был пойман и «вместе с дознанием препровожден к исполняющему должность Пинежского судебного следователя» [22]. Случались кражи лошадей [23]. Например, в 1864 г. на Пинежской ярмарке произошли три кражи лошадей, однако все виновные были найдены [24].

Не типичным, но ярким событием была драка, произошедшая в 1834 г. на ярмарке при погосте церкви Покрова Пресвятой Богородицы Раменской волости [25]. Согласно письму помещика майора Иконникова, в чьем селе и случилась драка, на эту ярмарку ежегодно приезжало большое количество народа из различных уездов – Вологодского, Пошехонского и Череповского, и «прежде в день сей важного ни чего не случалось». Однако в 1834 г. «буйный народ» Череповского уезда, «богатые напившись сами пьяны и бедных напоивши», разобрав огород местного священника, пошел с «кольями, поленьями и кистенями» на «всей народ сотен домшинской, угольской и южной и других», собравшийся «на сию ярмарку кому что надобно купить или продать». Часть местных крестьян, «оставя лошадей своих и возы на поле битвы», убежала в лес, и тем спаслась «от побой и увечий». Как писал майор Иконников, затем «никто не смел показаться, ...так ярмарка и кончилась». О жестокости произошедшей драки свидетельствуют увечья, нанесенные местным крестьянам: «Максим Федоров так бит, что едва ли не на век урод, ибо несколько недель после побой едва мог ходить... да и ныне тяжелой ручной работы не может делать»; «Стефан Павлов изувечен и обезображен»; «Аввакум Данилов служил хорошего поведения и всех

вообще качеств, которой только что приехал и сошел с лошади, тотчас обезображен и изувечен поленьями и кольями и без памяти закатился под лошадей» [26]. Такие тяжелые последствия драки стали возможны в силу того, что ярмарка проводилась в частном помещичьем селении и не контролировалась государственными стражами порядка.

Помимо охраны правопорядка важным этапом в процессе организации и проведения ярмарок был сбор сведений о товарооборотах ярмарки, числе участников, ассортименте товаров. Основная работа при этом также возлагалась на местные полицейские управления.

Еще в 1817 г. был издан указ, согласно которому губернаторы должны были предоставлять императору ведомость о ярмарках, «с означением времени, где и когда оные бывают, на какую сумму оборотов в каждой, где устроены гостиные дворы» [27]. Отчеты губернаторов поступали в Министерство внутренних дел, где обобщением всех данных занимались выделенные в особую группу чиновники. Сбором и обработкой статистической информации ведали также Министерство финансов и Министерство государственных имуществ, однако доминирующая роль Министерства внутренних дел в организации статистики сохранялась на протяжении всего XIX в. В 1834 г. статистическое отделение Министерства внутренних дел было расширено, при нем была создана сеть корреспондентов. В 1852 г. отделение было реорганизовано в статистический комитет, который до 1857 г. действовал как временный, а в 1857 г. было издано положение, по которому он был переименован в Центральный статистический комитет. Органами Центрального статистического комитета на местах были губернские статистические комитеты, которые должны были составлять статистические таблицы, требующиеся Центральному статистическому комитету, и статистические приложения к губернаторским отчетам. Непосредственно сбор данных возлагался на полицейские ведомства, которые действовали через волостные правления [28].

Механизм сбора сведений о ярмарках действовал следующим образом. Министерство внутренних дел предписывало губернатору и губернскому статистическому комитету предоставлять сведения о происходящих в губернии ярмарках. Например, в 1849 г. Министерство внутренних дел предписало Архангельскому губернскому статистическому комитету сделать отчет о ходе Благовещенской ярмарки в г. Пинеге, ежегодно проходившей с 23 по 31 марта [29]. Губернские власти, в свою очередь, действовали через уездные органы управления. Например, в 1863 г. Архангельский губернский статистический комитет предписал шенкурскому уездному исправнику собрать сведения о Евдокиевской ярмарке, в с. Благовещенском; в 1872 г. архангельский губернатор и архангельский губернский статистический

комитет предписали городскому полицейскому управлению Архангельска предоставить сведения о Маргаритинской ярмарке [30].

По окончании ярмарки уездные полицейские управления посылали губернатору ведомость о ее торговых оборотах, ассортименте товаров, количестве участников, а также информацию о том, из каких губерний и уездов приезжали торговцы [31]. Для сбора информации полицейские чины использовали специальные анкеты – «листки», в которые необходимо было вписывать ценность и наименование всех проданных и купленных за время ярмарки товаров. Анкеты раздавались в начале ярмарки торговцам и лицам, в чьих домах останавливались приезжие. Когда отведенное для ярмарки время подходило к середине, представители полиции обходили торгующих, напоминая о необходимости заполнить розданные ранее «листки». В конце ярмарки анкеты собирались. Однако часть торговцев еще до окончания ярмарки уезжала, а некоторые к тому времени теряли розданные «листки» в дни ярмарочной суеты.

Согласно рапорту шенкурского уездного исправника Архангельской губернии, в ходе Сретенской ярмарки 1877 г. из розданных им 182 «листочков» обратно было получено только 40, а в ходе Евдокиевской ярмарки в с. Благовещенском из 266 «листочков» было возвращено лишь 42 [32]. В подобных случаях сведения о торговых оборотах указывались приблизительно, например, записывались со слов домохозяев, у которых останавливались на постой торговцы. Однако и сведения анкет не были точны, так как торговцы нередко указывали несоответствующие действительности объемы привезенного и приобретенного товара, боясь уплаты больших пошлин [33].

Параллельно с представителями местных властей сведения о ярмарках собирали действительные члены губернского статистического комитета: учителя, врачи. Так, информацию об упомянутой Евдокиевской ярмарке в с. Благовещенском Шенкурского уезда в 1863 г. наряду с шенкурским земским исправником собирал учитель уездного училища – член губернского статистического комитета [34].

Члены статистических комитетов работали при помощи других методов. В первый день ярмарки они обходили торговцев и в ходе беседы с ними выясняли необходимые сведения о привезенном товаре. Однако и эти данные нельзя считать объективными. Во-первых, торговцы не всегда могли правильно указать объем имеющегося у них товара, так как не производили специальных подсчетов. К тому же в ярмарочной суматохе им было не до бесед со статистиками, и поэтому часто они отвечали наугад. Во-вторых, торгующие нередко умышленно завышали или занижали реальные цены и объемы своих товаров. Происходило это не только из-за боязни пошлин, но и в силу законов рынка: постоянно окруженные в ходе ярмарки покупа-

телями, торговцы стремились прилюдно назвать ту цену и тот объем товара, которые позволят его сбыть наиболее выгодно и быстро. В-третьих, в ходе ярмарки торговцы периодически выставляли на продажу новый товар, который не всегда успевали фиксировать члены статистического комитета [35].

В итоге, сведения об одной и той же ярмарке, собранные разными инстанциями, часто существенно различались, что объяснялось несовершенной системой сбора информации. Член Архангельского статистического комитета даже утверждал, что «верные сведения собрать невозможно» [36]. Однако хотя сведения о динамике ярмарочного торгова и не являлись полностью достоверными, тем не менее они давали представление об общих тенденциях развития ярмарочной торговли, позволяли получать сведения об основных предметах торгова различных ярмарок губерний, давать общую оценку динамики торгова. Благодаря этой информации губернские и центральные власти могли своевременно принимать эффективные меры по улучшению торгово-экономической жизни региона.

Но всё же основная, требующая большой скрупулезности работа и весь груз ответственности относительно охраны правопорядка и статистической отчетности по ярмаркам на протяжении XIX в. лежали на плечах полицейских управлений. И уже от степени радения и аккуратности последних зависело, насколько был соблюден порядок осуществления торгова и насколько собранные по ярмаркам сведения соответствовали действительности.

Литература и источники

1. Свод Учреждений государственных и губернских // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 2. Ст. 2337-2338.
2. Там же. Ст. 2340, 3942.
3. Там же. Ст. 2575.
4. Там же. Ст. 2595, 2607.
5. Там же. Ст. 2608, 2609.
6. Там же. Ст. 2611.
7. Там же. Ст. 2364, 2511, 2512.
8. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 4. Оп. 15. Т. 1. Д. 617. Л. 1; Веревкина Г.А. Указ. соч. С. 262.
9. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 492.
10. ГААО. Ф. 4. Оп. 15. Т. 1. Д. 617. Л. 3об.; О ярмарках / Свод учреждений и уставов торговых // Свод законов Российской Империи. Т. 11. Ст. 2565, 2566. СПб., 1842. С. 381.
11. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 1031.
12. Свод Учреждений государственных и губернских. Ст. 2337-2339 // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 2. Ст. 4982.

13. Свод Учреждений государственных и губернских. Ст. 812-815 // Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 2; Там же. Ст. 2146, 2164, 215.
14. Свод Учреждений государственных и губернских. Ст. 2191, 2196, 2212, 2213 // Свод законов Российской империи. СПб., 1876. Т. 2.
15. Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 г. Архангельск, 1864. С. 118-119.
16. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1 Д. 960. Л. 112.
17. Национальный архив Республики Коми. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1702.
18. Веревкина Г.А. Евдокиевская ярмарка в Благовещенском // Крестьянская живопись Поважья. Из собраний музеев Архангельской области. М., 2003. С. 264.
19. Устав торговый. Ст. 2562-2563 // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 2855-2857 // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11. Ч. 2.; Устав торговый. Ст. 2855-2857 // Свод законов Российской империи. СПб., 1870. Т. 11. Ч. 2.
20. Устав торговый. Ст. 2564-2566 // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 11. Ч. 2.; Устав торговый. Ст. 2858-2560 // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 2858-2560 // Свод законов Российской империи. СПб., 1870. Т. 11. Ч. 2; Устав торговый. Ст. 603 // Свод законов Российской империи. СПб., 1887. Т. 11. Ч. 2.; Устав торговый. Ст. 603 // Свод законов Российской империи. СПб., 1893. Т. 11. Ч. 2.
21. Ярмарка // Архангельск. 1913. 11 окт. С. 4.
22. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 17, 22-23, 26 об., 29.
23. Максимов С.В. Указ. соч. С. 492.
24. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 15. Л. 4, 16, 20.
25. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 675.
26. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 675. Л. 4.
27. О доставлении сведений о ярмарках. 28 ноября 1817 // ПСЗ-1. Т. XXXIV. СПб., 1830. № 27167.
28. Свод учреждений губернских. Ст. 605-607 // Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 2; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 160, 162, 165, 207; Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М. Источниковедение. М., 2000. С. 429-431.
29. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 130. Л. 1.
30. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 3; Д. 99. Л. 1.
31. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 23; Д. 21. Л. 1-23; Д. 31. Л. 5; Д. 96. Л. 2; Д. 99. Л. 1; ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 2. Д. 2408. Л. 3; Ф. 18. Оп. 1. Д. 1490. Л. 1-26; ГУ РК «НАРК». Ф. 112. Оп. 1. Д. 8.
32. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 31. Л. 5, 31 об.
33. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 15. Л. 20.
34. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 6.
35. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 6, 6 об.
36. ГААО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12. Л. 6.

В.И. Чупров

***Крестьянская община в Коми крае
в начале XX в. и ее роль в организации кооперативно-
благотворительной деятельности****

В последние два десятилетия к проблеме крестьянской общины наметился большой научный интерес, и он вполне закономерен. Община как социальный коллектив непосредственных сельскохозяйственных производителей отличалась многообразием функций, охватывающих по существу все основные стороны жизни крестьянства. Она ведала поземельными и хозяйственными, благотворительными и страховыми делами, выполняла податные, административно-управленческие и судебно-полицейские функции, осуществляла воспитательные, культурно-бытовые и религиозные мероприятия.

По мере социально-экономического и культурного развития, роста классовых противоречий в деревне изменялись функции общины, но, пожалуй, на всех этапах капиталистического общества она была наиболее универсальной и массовой организацией крестьян. Без ее изучения нельзя глубоко и всесторонне понять историю крестьянства, многогранные стороны жизни крестьянского мира. Задачей данной статьи является исследование кооперативно-благотворительной функции общины, которая предполагает взаимопомощь и сотрудничество, оказание продовольственной помощи в случае неурожая, материальную поддержку бедных, призрение сирот, больных и одиноких стариков, содержание школ, больниц, богаделен, хлебозапасных магазинов и других общественных заведений.

Поскольку в одной из наших работ некоторые стороны деятельности общины уже рассматривались, в частности, поддержка и содержание школ, библиотек, больниц и других общественных заведений [1], то в данной статье мы подробнее остановимся на проблемах опекунов и попечительной деятельности крестьянского мира.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 07-01-41101 а/С.

В начале XX в. практически каждая община на своих сельских сходах принимала решения о помощи, опекуновстве и другим благотворительным делам. Можно много говорить о благородстве подобных мероприятий, но тематика сборника требует насыщения его фактическим материалом, что мы и постараемся осуществить.

Во второй половине XIX – начале XX в. в связи с ростом населения и отсутствием достаточного количества пахотных земель крестьяне все острее чувствовали острый дефицит хлеба и семян. Поэтому многие сельские сходы, учитывая продовольственные трудности, принимают решения и обращаются в различные инстанции о помощи. Сельский сход составляет конкретные списки нуждающихся. Так, сход крестьян Богоявленской волости и общества собрался 19 апреля 1901 г., чтобы рассмотреть продовольственный вопрос. Сход составил список нуждающихся в количестве 174 человек и постановил: «Единогласно просить начальство разрешить раздать между нуждающимися крестьянами озимого и ярового хлеба на продовольствие и обсеменение полей сего года по нижеследующему именному регистру...» [2].

8 февраля 1901 г. состоялся сход Устьухтинского общества Печорского уезда, который отметил, что «1898, 1899 и 1900 годы были неурожайными из-за ранних осенних заморозков». Сельский сход исходя из сложившихся обстоятельств постановил просить уездные власти о помощи в выдаче для 308 чел. 900 пудов семян для посева весной 1901 г. [3].

Яркую картину сложившегося малоземелья и отсутствия достаточного продовольствия дает приговор крестьян Деревянской волости и общества Усть-Сысольского уезда от 18 февраля 1906 г. «В нашем Деревянском обществе, – отмечалось в приговоре, – по последней примерке земли в 1903 г. состояло наделной земли пахотной 596 десятин и сенокосной 1108 десятин, а наличное население в 1905 г. состояло обоего пола 3723 человека (мужчин – 1840). Такое количество земли является крайне недостаточным. Население увеличивается, а земли остается столько же, сколько было нарезано 50 лет назад... Такое малоземелье привело нас к большому обеднению, терпя ежегодно недостаток хлеба и корма скота» [4]. В ходе обсуждения наболевшего вопроса крестьяне постановили: «Ходатайствовать перед правительством об увеличении нам площади крестьянской наделной земли для образования новых сенокосов и полей» [5].

Помочь в хлебе, в семенах своим односельчанам считалось одной из главных задач сельских должностных лиц, и деятельность волостного и сельского правлений в этом плане была повсеместной.

Другим направлением сельских обществ явилось попечительство. Крестьянские общины оказывали помощь как в случае острой необходимости, так и планомерно, разработав определенный план своих действий.

В начале XX в. в Коми крае начинают создаваться попечительные комитеты при волостных правлениях, действия которых были направлены на оказание различной помощи. Большое внимание комитеты как представители Красного креста, уделяли больным и раненым солдатам, вдовам погибших в войнах. 6 сентября 1904 г. Ибское волостное правление избрало попечительный комитет. Председателем избрали волостного старшину К.А.Чабанова, а членами – крестьян А.С.Чабанова, Е.К.Муравьева, С.К.Кочева [6]. Попечительный комитет в этот же день принял решение об установлении взноса «в кассу попечительства членами по своему желанию в сумме 10 копеек в месяц» и различных вещей [7]. Для этого предполагалось каждому жертвователю выдать особый подписной лист. Собранные деньги намечалось посылать в г.Вологду, а материальные пожертвования – в г.Усть-Сысольск.

Перед Первой мировой войной в Коми крае развернулось движение за приобретение поминальных досок павшим в русско-японской войне. Один пример. Крестьяне Деревянской волости Усть-Сысольского уезда, собравшись на сельском сходе 18 мая 1914 г. постановили: «На приобретение поминальной доски назначить из остаточных денег мирских волостных сумм 14 руб. для занесения имен воинов павших в Японскую войну: 1. Старшего унтер-офицера 287 пехотного Тарусского полка Н.С.Агиева; 2. Матроса канонерской лодки «Бобр» Е.И.Попова и 3. Рядового 140 Заранского полка Г.А.Тюрнина» [8].

В годы Первой мировой войны крестьяне Коми края проявили инициативу о сборе средств для приобретения коек для раненых воинов при Вологодской общине сестер милосердия. Земский начальник 2-го участка Усть-Сысольского уезда сообщал 7 ноября 1914 г. вологодскому губернатору, что им «получены копии приговоров о пожертвовании на оборудование и содержание коек для раненых воинов при Вологодской общине сестер милосердия Красного креста от нижеследующих волостных правлений: 1) от Межадорского волостного правления о пожертвовании 315 руб. на оборудование и содержание одной койки, в течение 9 месяцев с наименованием койки «койка крестьян Межадорской волости Усть-Сысольского уезда»; 2) от Койгородского волостного правления о пожертвовании 405 руб. на оборудование и содержание койки в течение года, с наименованием койки «койка крестьян Койгородской волости Усть-Сысольского уезда»; 3) от Воронцовского волостного правления о пожертвовании 225 руб. на оборудование и содержание одной койки в течение 6 месяцев, с наименованием койки «койка крестьян Воронцовской волости Усть-Сысольского уезда»; 4) от Гривенского волостного правления о пожертвовании 100 руб. на содержание койки единовременно» [9]. Однако не все крестьянские

общины могли выделить деньги на содержание койки, но желание крестьян и отдельных представителей волостных правлений было велико и они принимают следующие решения. Так, крестьяне Чухломской волости 12 октября 1914 г. на сельском сходе постановили: «Мы вполне сочувствуем и принимаем участие оказать помощь раненым воинам, защищающим нашу Родину, но так как наша Чухломская волость очень небольшая, по сравнению с другими волостями, как всего только 198 дворов и 214 ревизских душ, то для одной нашей волости оборудовать и содержать койку для раненых воинов будет весьма обременительным, но мы соглашаемся дать помощь раненым воинам по силе возможности и оборудовать и содержать койку за все время войны соединившись с другими ближайшими волостями» [10]. Крестьяне Вотчинского общества и волости на общем сельском сходе 26 октября 1914 г. также высказали сожаление о невозможности организовать койку, но тем не менее постановили: «о частными пожертвованиями на пользу больных и раненых воинов мы всегда можем вполне сочувствовать по силе возможности» [11].

Поскольку крестьяне Палаузской волости на общем сельском сходе 12 октября 1914 г. высказались о невозможности оборудовать и содержать койку для раненых, то волостной писарь этой волости В.П.Скрипов принял решение «на содержание койки... из каждого месячного жалованья предоставлять, начиная с декабря месяца сего 1914 г., в следующей сумме: за декабрь месяц 50 копеек и в последующие месяцы по 25 копеек в месяц» [12]. Однако палаузское волостное попечительство, учитывая сложность военного времени, работу по сбору средств не прекращало.

8 февраля 1915 г. попечительство, собравшись в полном составе, произвело подсчет «собранных путем пожертвований на нужды военного времени денег». По подписному листу пожертвований деньгами оказалось 13 руб. 66 коп., а от продажи пожертвованных вещей поступило 46 руб. 34 коп. Всего же поступило 60 рублей. Палаузское волостное попечительство постановило: «1. Эти деньги немедленно пустить в расход на удовлетворение нужд военного времени; 2. Выслать в пользу Главного Управления Российского общества Красного креста на лечение больных и раненых воинов 40 руб. и на пересылку по почте этой суммы 50 коп., а остальную сумму в количестве 19 руб. 50 коп. назначить к выдаче наиболее нуждающимся из членов семьи лиц, призванных на действительную военную службу, а именно: 1) Р.Яркову – 3 руб., 2) П.Яркову – 3 руб., 3) Д.Шишкиной – 3 руб., 4) М.Трифановой – 3 руб., 5) Е.Поповой – 3 руб., 6) М.Богдановой – 1 р. 50 коп.» [13].

Откликались крестьяне Коми края и на различные призывы, исходившие от правительства, царственных особ. Так, 31 мая 1915 г. крестьяне Сло-

бодской волости и общества собрали сельский сход, чтобы рассмотреть предложение земского начальника 1-го участка Усть-Сысольского уезда «об ассигновании из свободных остаточных сельских сумм или же из запасного мирского капитала какую-либо сумму на помощь пострадавшим от военных бедствий». Крестьяне, рассмотрев предложение земского начальника, единогласно постановили: «ассигновать из свободных остаточных мирских сумм по пяти копеек с каждой окладной души, что и составляет с 340 душ семнадцать рублей» [14]. Данную сумму крестьяне направили в специальный комитет для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий, возглавляемой Его Императорским высочеством великой княгиней Татьяной Николаевной. Это же общество 15 сентября 1915 г. на сельском сходе постановило: «Ассигновать денежную сумму из запасного мирского капитала безвозвратно на содержание именной Слободской волости полкойки в г.Вологде в лазарете в размере ста рублей» [15].

Повсеместным во время войны было и оказание помощи крестьянским хозяйствам, мужчины которых были призваны на войну. Так, упомянутое уже Слободское сельское общество, собравшись на сельский сход 18 марта 1915 г., констатировало, что в 70 семьях мужчины призваны на действительную военную службу и 60 из них остались без работников. Общество, проанализировав сложившуюся ситуацию, постановило оказывать «широкое содействие и помощь к своевременному началу и окончанию всяких полевых работ, так и во время по уборке хлебов и трав» [16]. Спустя год, 13 марта 1916 г., крестьяне Слободского общества снова вернулись к вопросу о помощи, констатируя, что «призванных на действительную военную службу по нашему обществу в настоящее время состоит 120 семей» и в помощи в весенних и осенних полевых работах нуждаются 80 семей. И опять принимается решение «о необходимости самого широкого содействия и помощи к своевременному началу как всяких полевых работ, так и во время на уборке хлебов и трав крестьянским хозяйствам» [17].

Крестьяне Коми края откликались на разные житейские беды и трудности не только в военное лихолетье, но и в мирное время. Пожары, наводнения и прочие несчастные случаи вызывали крестьянское сочувствие. В Корткеросе 5 июня 1911 г. пожаром было уничтожено 85 жилых домов с надворными строениями, три здания духовенства, два здания волостного правления. 30 июня 1911 г. земский начальник Усть-Сысольского уезда 1-го участка обратился к крестьянам своего участка с предложением о помощи. И помощь пришла. В начале августа 1911 г. на обращение земского начальника откликнулись практически все сельские общества 1-го участка. Так, крестьяне Благовещенской волости с. Пажгинского «в числе 211 из 298 домохозяев, имеющих право голоса, 21 августа 1911 года постановили:

«назначить вознаграждение в пользу погорельцев, короткросцев в сумме 10 рублей и выслать таковое из свободных сумм мирского капитала» [18]. В начале сентября 1911 г. в пользу «погорельцев короткросцев» Благовещенское волостное правление перечислило земскому начальнику 1-го участка Усть-Сысольского уезда 10 руб. 68 коп. [19].

Весной 1914 г. от наводнения пострадали крестьяне деревни Белозерской Богоявленской волости. Правление этой волости собрало сельский сход 15 августа 1914 г. и обсудило положение крестьян д.Белозерской. В итоге сход постановил: «... Необходимо выдать им в ссуду на обсев озимых полей на продовольствие озимого 20 пудов и ярового 5 пудов, и на обсев озимых полей – 11 пудов для 9 семейств, призванных воинов крестьян д. Белозерской» [20].

В обычную практику деятельности крестьянского мира в начале XX в. вошло рассмотрение вопросов, связанных с ходатайством о назначении пенсии со стороны государства, как правило, бывшим военным и солдатским вдовам. Особенно этот вопрос начал активно крестьянами обсуждаться после выхода закона от 25 июня 1912 г. о пенсиях военным и вдовам. Несколько примеров. В начале января 1914 г. сельский сход Богоявленской волости слушал словесную просьбу запасного бомбандиера-наводчика 4-й батареи 35-й артиллерийской бригады крестьянина д. Койтыбожской И.П. Изъюрова о назначении ему пенсии. И сход принял решение ходатайствовать «о назначении ему на основании закона 25 июня 1912 года пожизненного от казны пособия» [21]. 16 марта 1914 г. сельский сход этой же волости вновь рассмотрел пенсионный вопрос. Сход заслушал «словесную просьбу отставного рядового 112 пехотного Уральского полка из крестьян д.Парчегской Д.Л.Юшкова» и постановил: «ходатайствовать ему пожизненной от казны пособия» [22].

18 августа 1913 г. крестьяне Слободской волости и общества одиннадцатым вопросом рассмотрели ходатайство солдатской вдовы Н.П.Коданевой «о назначении ей от казны пенсии». Сход подтвердил, что Н.П.Коданева «в пенсии действительно нуждается» и единогласно постановили «о ходатайстве от общества о просимой пенсии» [23]. В конце 1913 г. Слободское общество снова ходатайствовало о назначении пенсии отставному нижнему чину С.С.Коданеву, от роду 65 лет, проживающего с женой в своем доме [24]. 1 июня 1914 г. крестьяне Богоявленской волости и общества постановили: «Отставной матрос Л.К.Игнатов, 67 лет от роду, собственных средств к жизни, ни родственников могущих взять его на свое иждивение не имеет. ... Имеет жену и 8 детей от 29 лет до 9 лет. Исходатайствовать ему пожизненное от казны пособие» [25].

В годы Первой мировой войны повсеместно стали образовываться попечительства по призрению семейств нижних воинских чинов в военное время. Они и занялись пенсионными вопросами, вопросами помощи семьям, в которых мужчины призваны на войну и др. Попечительства состояли, как правило, из уважаемых людей волости и ответственных за порученное дело. Так, 3 августа 1914 г. Богоявленский сельский сход избрал членов попечительства. В него вошли местный священник отец П.Попов, диакон Н.Толстиков, псаломщик Н.Авгамов, волостной старшина В.Т.Распутин и 13 крестьян [26].

Откликались крестьяне и на различные предложения, поступающие от государственных служащих. Так, 17 октября 1916 г. крестьяне Ужгинского общества Койгородской волости на сельском сходе ... слушали предложение земского начальника 2-го участка о пожертвовании денег на открытие курсов или мастерских для воинов с увечьями. По добровольному рассуждению между собой постановили: пожертвовать из сумм мирского запасного капитала единовременно 13 рублей» [27].

Особое место в жизнедеятельности крестьянских общин Коми края занимало опекуновство. Все вопросы об опекуновстве: выборы опекуна, его действия в отношении сирот, больных и т.д. рассматривал сельский сход. И только сход крестьян всего общества имел право решать опекуновские вопросы. Конкретные примеры. Крестьяне Сретенского общества Вильгортской волости в составе сельского старосты В.Мальцева и 386 человек домохозяев, имеющих право голоса, собрались 19 ноября 1900 г., чтобы обсудить ряд хозяйственных вопросов, в том числе и опекуновский вопрос. Сход «имел суждение о выборе нового опекуна над малолетними сиротами, оставшимися после смерти крестьянина Сретенского общества К.Д.Сивкова, на место отказавшегося опекуна И.Д.Сивкова, а потому постановили: избрать из среды себя в опекуны крестьянина А.Д.Сивкова и попечителей крестьян А.М.Сивкова и И.В.Налимова» [28].

9 февраля 1903 г. крестьяне Сретенского общества рассмотрели деятельность опекуна А.Д. Сивкова. Сельский сход в приговорной шнуровой книге записал «за время его (А.Д. Сивкова – В.Ч.) управления ... оказалось, что по описи опекуном Алексеем Сивковым выданы в употребление на руки малолетним пальто, два сарафана, 1 пара чулок, 1 пару кожаных сапог. Расход по опекуновской книге за надлежащими подписями опекуна и попечителей за время его управления проведен на необходимые подробности при принятии малолетних опекуном А.Сивковым должно оставаться наличных денег 14 руб. 67 коп. ... Кроме вышеописанных представленных денег у малолетних сирот находятся деньги в сберегательной кассе по книжке за № 1079, всего 109 руб. 56 коп.» [29]. Деятельность опекуна А.Д.Сивкова была одобрена.

На следующее двухлетие был выбран новый опекун И.Д.Сивков, которому были представлены сберегательная книжка и оставшиеся суммы от прежних расходов.

Крестьяне Богоявленской волости и общества собрались на сельский сход 11 апреля 1904 г., чтобы обсудить три вопроса: 1) утвердить призывной список; 2) определить сумму пожертвований в пользу больных и раненых воинов на Дальнем Востоке; 3) заслушать «предписание местного волостного правления от 16 марта сего года о производстве проверки действий опекуна Ф. Лыюрову по опеке учрежденной 1897 г. над имуществом и сиротами Петруневыми...», а потому проверяя действия опекуна Лыюрова, оказалось: 1-е, что вышеозначенный сироты под опекуном Лыюровым воспитываются хорошо и 2-е, имущества, оставшееся в пользу сирот находятся у опекуна Лыюрова в целости и доходы никакой не получает. А потому постановили оставить того же крестьянина Ф. Лыюрова опекуном над сиротами Петруневыми» [30].

Богоявленское общество 11 ноября 1907 г. на сельском сходе утвердило приговор о назначении опекунами С.Д.Распутина и Н.П.Распутиной над имуществом и сиротами Николаем и Евдокией Распутиными [31]. 22 марта 1909 г. крестьяне на сельском сходе слушали «акт составленный сельским старостой Кузивановым, о проверке опекунов Л.В. и Ф.В. Мальцевых над имуществом и над малолетними оставшимися после смерти крестьянина Н.Л.Мальцева». Сход утвердил акт и одобрил деятельность опекунов [32].

В начале июля 1911 г. крестьяне Подъельской волости и общества с. Аныбского постановили: «избрать в опекуны над имуществом и личностями малолетних сирот Петра и Натальи Романовых помощника волостного старшины М.Пименова» [33].

В конце июля 1911 г. собрались на сельский сход крестьяне Селибского общества Яренского уезда и обсудили вопрос об учреждении опеки над оставшимися малолетними детьми. После обсуждения вопроса крестьяне постановили: «учредить опеку над личностью, над имуществом оставшихся малолетних детей, умершего Н.М.Ванеева и избрать к ним опекунов крестьянина дер. Чернутьевской неграмотного вполне благонадежного К.М.Маркина – 40 лет, грамотного и вполне благонадежного В.Н.Ванеева, с тем, что Ванеев и Маркин ежегодно давали отчет обществу» [34]. Опека устанавливалась на 13-летним Андреем и 11-летним Ильей Ванеевыми. Кандидат Селибского волостного старшины составил опись имущества и недвижимости, которые остались у сирот. Оказалось, что хозяйство умершего крестьянина Н.М. Ванеева оказалось довольно солидным: земельный надел на 3 души, дом с двором, два амбара, баня, две лошади, три коровы, десять телят, бык, пять овец и 124 различных предмета сельского

хозяйства, охоты, рыболовства и домашней утвари [35]. Над всем этим имуществом и должны были следить опекуны и использовать их в целях обеспечения нормальной жизни сирот.

Сельский сход села Богоявленского 3 января 1914 г. четвертым вопросом рассмотрел деятельность опекунов над сиротами и постановил: «действия опекунов А.Г. Распутина и И.П. Распутина признать правильными и опекунами оставить тех же» [36]. И еще сход рассмотрел три дела об опекунстве и одобрил действия опекунов [37].

В отчете земского начальника 5-го участка Усть-Сысольского уезда об опеках за 1914 г. по Пожегодской волости даются полные сведения по вопросу об опекунстве. Земский начальник составил таблицу, которую мы приводим полностью.

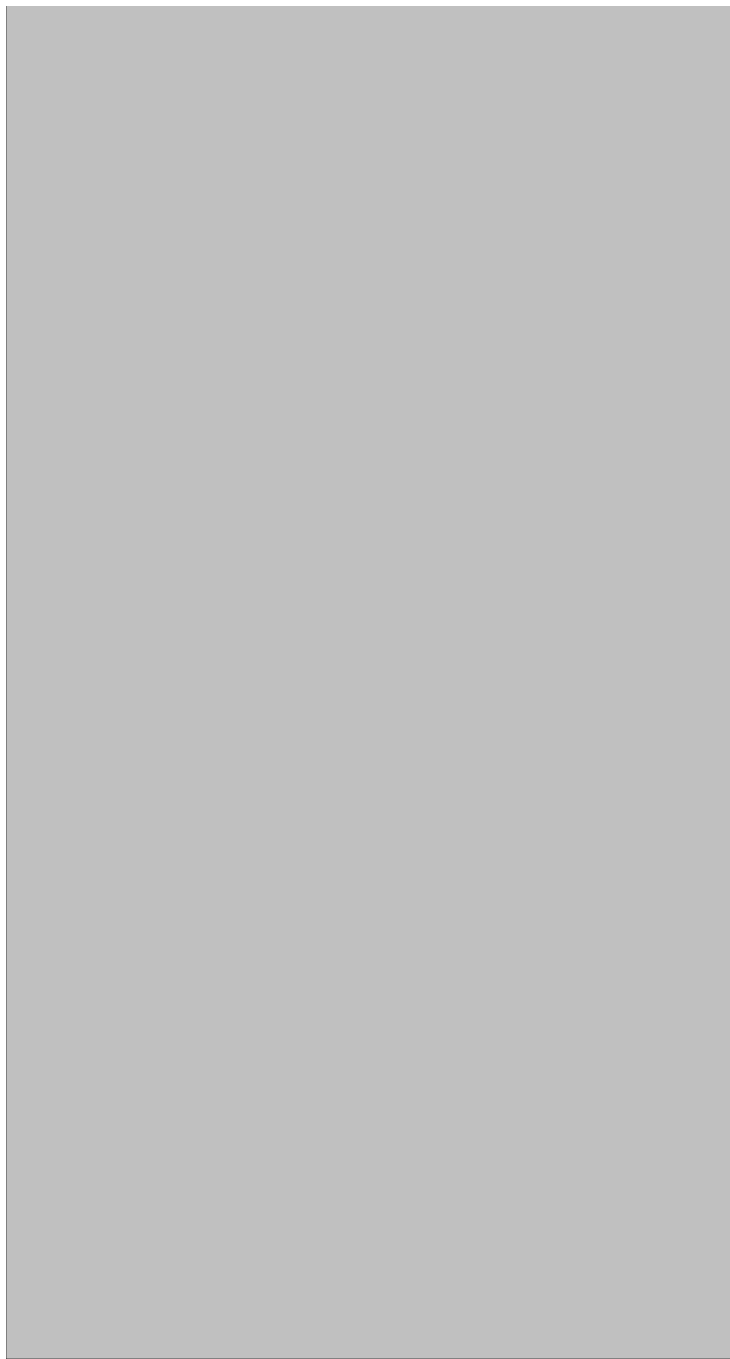
Приведенная таблица наглядно показывает все аспекты опекунства и говорит о внимании к этой деятельности крестьянской общины со стороны государственных служащих.

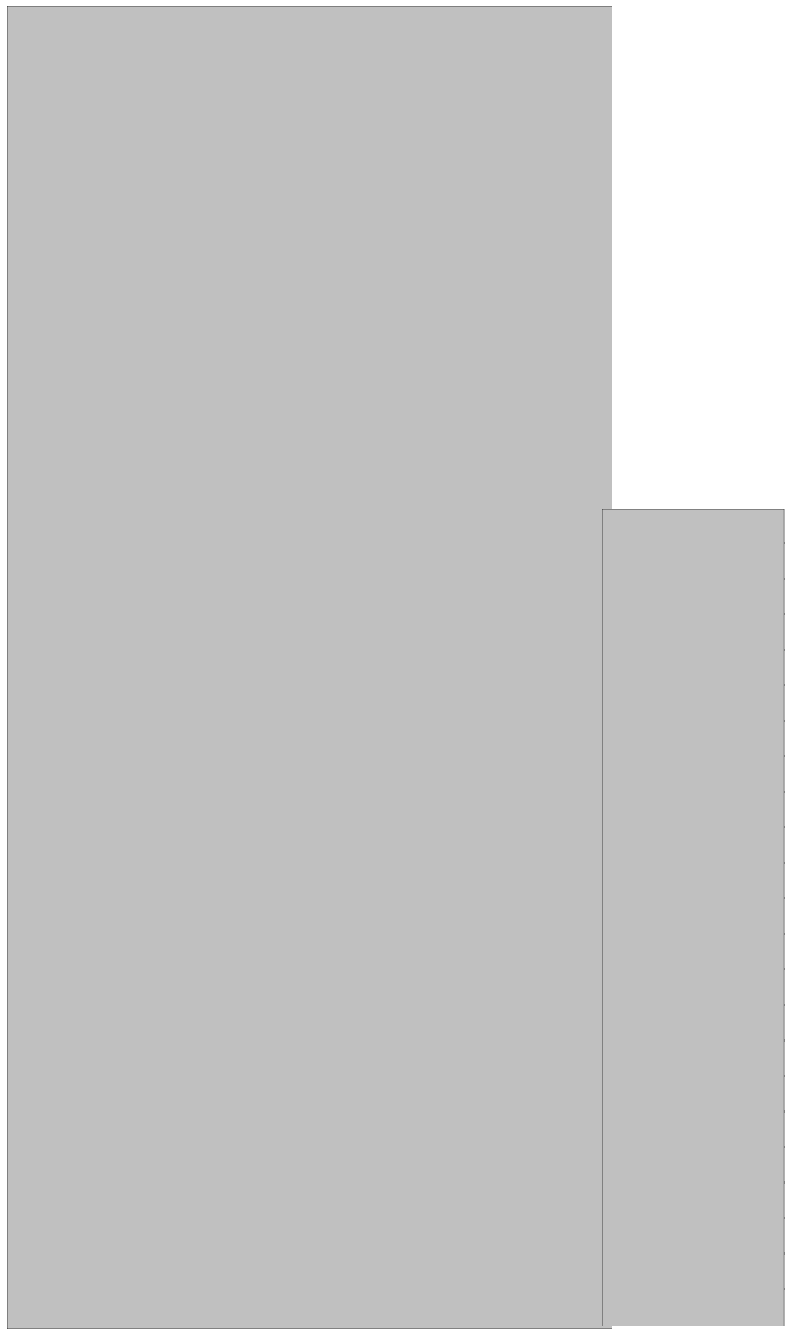
В годы Первой мировой войны, вплоть до 1917 г., крестьяне Коми края осуществляли опекунство. Так, 17 марта 1916 г. сельский сход крестьян Готовской волости и общества «тщательно между собой обсуждали» многие вопросы, в том числе и опекунские. Было принято постановление по четырем опекунам, в частности, «признали действия опекуна В.П.Высоких правильными», ...«опека попечителя И.Ф.Политова никаких опущений не замечено»... и т.д. [39].

Назначение опекунов касалось не только в отношении детей, но и взрослых больных людей. 3 февраля 1908 г. сход Богоявленской волости и общества постановил: «глухонемую крестьянку А.Федькову воздать на попечение племянникам М. и Д.П. Федьковым, которым и представить обрабатывать надел земли на одну платежную душу пополам и содержать по очереди помесечно, на готовом содержании, а также заводить ей по мере надобности одежды» [40]. В данном случае сход распределил попечительство на двоих, чтобы ни один из племянников не мог «впоследствии присвоить ее надел».

В 1911 г. Богоявленское сельское общество установило опекунство над душевно больной А.В. Пальшиной, которая была направлена на излечение в Ковшиновскую больницу. Опекунами были выбраны И.Т. Распутин и В.Т. Изьюров. Прошло два года и общество рассмотрело действия опекунов. В шнуровую книгу приговоров было записано: «По поверке действий опекунов Распутина и Изьюрова оказалось имущества оставшейся в пользу Пальшиной находятся в целости. На 1 января 1913 г. оставалось наличным деньгами 4 руб. 74 коп., а арендная плата за землевладение за 1913 г. составила 20 руб. Из этих денег опекунами израсходовано по принадлежности

Наряд земского начальника 5-го участка об опеках за 1914 г. [38]

на уплату долгов Пальшиной и на наем на натуральные работы 16 руб. 93 коп. Затем состоит на 1 января 1914 г. 7 руб. 81 коп.». Деятельность опекунов была одобрена, и они были оставлены опекунами на 1914 г. [41].

Мы проанализировали небольшую часть деятельности крестьянской общины, но она ярко показывает повседневную крестьянскую жизнь, ее проблемы и чуткое отношение односельчан к детям, к своим землякам, оказавшихся в трудном положении, к событиям всероссийского характера и военного времени.

Литература и источники

1. Чупров В.И. Крестьянская община в Коми крае в начале XX века: культура сельского поселения // Февральские чтения. Научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава и аспирантов Сыктывкарского лесного института по итогам научно-исследовательских работ за 2004 год. Сборник материалов. Сыктывкар, 2005. Т. 2. С. 87-90.
2. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 40. Оп. 1. Д. 476. Л. 44-45.
3. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 180.
4. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 29. Оп. 1. Д. 9849. Л. 2-3.
5. Там же. Л. 2 об.
6. НАРК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 127. Л. 2.
7. Там же. Л. 3.
8. Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 28. Л. 101.
9. Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 882. Л. 166-167.
10. Там же. Л. 169.
11. Там же. Л. 173.
12. Там же. Л. 145, 171.
13. Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.
14. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 163. Л. 33-34.
15. Там же. Л. 45-46.
16. Там же. Л. 13-14.
17. Там же. Л. 64-65.
18. Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 91. Л. 79-80.
19. Там же. Л. 57.
21. Там же. Л. 22 об.-23.
22. Там же. Л. 26-26 об.
23. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 105. Л. 32.
24. Там же. Л. 34.
25. Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 696. Л. 45.
26. Там же. Л. 59 об.-60.
27. Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 151, дело не пронумеровано.
28. Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 72. Л. 132.
29. Там же. Д. 100. Л. 2-3.

30. Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 522. Л. 40-41.
31. Там же. Д. 569. Л. 5.
32. Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 164. Л. 13.
33. Там же. Ф. 70. Оп. 2. Д. 519. Л. 72.
34. Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
35. Там же. Л. 4-6.
36. Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 696. Л. 14 об.
37. Там же. Л. 15-16.
38. Там же. Оп. 1. Д. 96. Л. 11-12.
39. Там же. Ф. 47. Оп. 2. Д. 89. Л. 2 об.-3.
40. Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 597. Л. 28-28 об.
41. Там же. Д. 696. Л. 14.

Р.Л. Попова

**«Ленчик! Не крашенные ...!»
(Мои родители и наша семья)**

– «Ленчик! Не крашенные!» – с такими словами, расталкивая танцующих, через весь зал бежал к молодому красноармейцу вихрастый мальчуган. «Ленчик» – так звали друзья и знакомые Леонида Попова. Вместе со своим другом Андреем Цембером-младшим они вернулись домой после окончания гражданской войны и устроились на работу. Андрея вскоре перевели в Военный комиссариат Усть-Куломского района, а Леонид, оставшись без друга, вечерами зачастил на танцы.

В те годы Усть-Сысольская молодежь собиралась на вечера в Народном доме или в здании бывшей женской гимназии. Гремел духовой оркестр, веселые пары легко кружились и неслись по натертому до зеркального блеска паркету. Леонид – высокий, красивый блондин в красноармейской форме, которая сидела на нем как-то по-особому щеголевато и подчеркивала его стройную фигуру, стоял недалеко от выхода на парадную лестницу. Веселый парень и остроумный рассказчик, заядлый рыбак и охотник, только что вернувшийся с фронта, овеванный романтикой походов на Северном Кавказе – он пользовался среди молодежи большим успехом. Леонид уже давно приметил среди танцующих яркую веселую девушку с васильковыми глазами и нежным румянцем на щеках. Она заразительно смеялась в кругу подружек и кавалеров, которые всегда окружали девчат. Наконец, он познакомился с ней, танцевал несколько раз и влюбился без памяти. Но ... его смущали пунцовые щеки девушки. «Уж не крашенные ли?» – постоянно думал он. – Почему она всегда такая румяная? Я ведь никогда не видел ее бледной, даже тогда, когда она только что пришла на танцы и еще не танцевала?» Эти мысли не давали ему покоя. Вот тогда и поручил Леонид Попов знакомому подростку незаметно подойти к девушке во время танца и провести пальцем по ее щеке, чтобы выяснить волновавший его вопрос. Паренек добросовестно выполнил поручение, но своим криком: «Ленчик! Не крашенные!» сконфузил и девушку, и заказчика.

Леонид Попов был младшим сыном В.Ф. Попова, известного в Усть-Сысольске общественного деятеля и заведующего статистическим управлением Облисполкома. По тем временам это был большой начальник. А девушку звали Анюта Сидорова. Она была дочерью П.И.Сидорова, мещанина из местечка Кодзвиль, занимавшегося, как большинство жителей города, сельским хозяйством. Родилась она в конце XIX в., в 1896 г. Самая старшая из детей, и поэтому много труда и забот выпало на ее долю. Еще маленькой девочкой она нянчила своих братьев Михаила и Александра. Девушкой ей опять пришлось нянчиться уже с младшими братьями – Павлом и Николаем. Когда старшие братья подросли, они вместе с Анютой стали главными помощниками отца в крестьянском хозяйстве. Пахотные земли Сидоровых находились недалеко от дома, а сенокосные луга располагались по берегу известного горожанам Сидор-полюя. Отец с дочерью и старшими сыновьями с утра и до вечера работали в поле и на сенокосе. Зимой мужчины заготавливали дрова и бревна. Строили новый просторный дом рядом с покосившимся, обветшалым домиком прадеда Федора Яковлевича. Из глины, обнаруженной рядом с огородом, всей семьей делали кирпичи и тут же обжигали в простенькой печи, сложенной в большой яме. Поработали все на славу! Кирпичи получились такие прочные, что печи, сложенные в новом доме Петра Ивановича, а затем и в доме братьев, Михаила и Александра, простояли без ремонта 70-60 лет! А потом Петр Иванович разрешил всем соседям, кто нуждался в кирпичах для ремонта печей или строительства дома, заняться изготовлением их на его дворе. Не пожалел своей глины. Помогал им советами, причем не просил никакой платы ни за глину, ни за печь. Только дрова для обжига кирпичей просил принести с собой. Об этом соседи рассказали в 1930-е гг. в период коллективизации, когда большевики и бедняки Лыткины, известные в округе лодыри, пытались раскулачить Сидоровых. Большую трудолюбивую семью, которая никогда не использовала наемный труд, объявили кулаками. Но соседи не дали их в обиду, не позволили раскулачить Петра Ивановича. Александра Павловна Попова, дочь бывшего Усть-Сысольского мясника П.А.Клыкова, расстрелянного в 1931 году, вспоминая свои молодые годы в одной из наших бесед о прошлом, много и довольно подробно рассказала мне про деда Петра Ивановича:

– Во дворе у Сидоровых всегда можно было видеть много молодежи, особенно на Масленицу и Пасху.

На высоком месте Петр Иванович соорудил качели и гигантские шаги. Столбы были установлены заранее, в летнее время. Расчистили площадку, поставили скамейки. Молодежь из Кодзвилья и Изкара собиралась в последние дни Масленицы качаться на качелях. Парни приходили принарядившиеся, наперебой брались раскачивать качели, переговаривались и пере-

смеивались с девушками. Те парни, кто не попал на качели с девушками, предпочитали гигантские шаги. Схватившись за концы веревок, бежали по кругу, подпрыгивали, стараясь как можно выше и дальше пролететь над землей вокруг столба. Они весело покрикивали, стремясь обратить внимание девушек на свое молодечество.

– Петр Иванович, – вспоминала дальше Александра Павловна, – строго следил за порядком на площадке. Смотрел, чтобы задиристые парни не обижали других, особенно девушек. Бывало скажет нарушителю: «Ты, фулиган, уходи отсюда и больше не показывайся на моем дворе», – продолжала свой рассказ Александра Павловна. И тому приходилось «не солоно хлебавши» уйти восвояси. Затем Александра Павловна добавила:

– У Сидоровых во дворе всегда было очень весело. Я со своими подругами часто ходила к ним. Анюта была мне двоюродной сестрой и нередко по просьбе моей мамы шила мне красивые платья. Никогда не отказывала. И сама она всегда нарядно одевалась.

Вторым любимым развлечением молодежи было катание на лошадях. Брат Анюты, Миша, запрягал отцовского коня Серко в розвальни и катал своих подружек по городу.

– Вашу маму, – продолжала Александра Павловна, – катал Саша из Кокулькара в расписных санях. Он приезжал с другого конца города. Бабушка, Евдокия Алексеевна, принимала его в своем доме весьма благосклонно. Но Анюте он почему-то не нравился. Тогда он начал ухаживать за Александрой Коданевой, которую катал Миша. Помните, два года назад Вы познакомились с ней у меня? Она рассказала Вам, как училась шить у жены Николая Платоновича Кулакова? Ее выдали замуж за Клыкова, а Саша из Кокулькара все ждал ее и даже, когда у нее родился ребенок, два раза приезжал за ней на лошади. Когда он вернулся из армии, молодежь устроила вечеринку. Хозяин дома Пиньтцм (Беззубый) Виктор ударил Сашу обухом топора по спине. Саша долго болел, а потом умер.

– Александра Павловна, расскажите мне подробнее, каким был дедушка Петр Иванович. Я его очень плохо помню. Он вскоре умер. Мы один раз с дедушкой пошли в гору на ближние луга, где коня Серко оставили пастись на ночь. Дед посадил меня на коня, а сам шел рядом. Я приехала домой очень довольная и гордая тем, что ехала верхом. Как всадница из романов...

– Петр Иванович был невысокий, худощавый, чернявый. Это был очень трудолюбивый крестьянин, хороший отец, добрый и щедрый человек. Анюта очень любила своего отца. Мать Анюты, Евдокия Алексеевна, была сестрой моего отца, Павла Алексеевича. А вот Евдокия Алексеевна в отличие от своего мужа, была женщина скуповатая, старалась на всем экономить и понемногу откладывать деньги на «черный день».

После революции царские ассигнации были отменены и небольшие сбережения бабушки, собранные больше чем за десяток лет, полностью пропали.

– Зимой, когда работы в крестьянском хозяйстве было значительно меньше, Анюта ходила к известной в городе портнихе и училась шить. Потом она даже немного поработала в этом ателье, – добавила Александра Павловна.

Вечерами вместе со старшими братьями, Мишей и Сашей, Анюта отправлялась на посиделки. Там всегда было весело, а главное – там всегда их ждали. Миша – яркий брюнет с темными глазами и румяными щеками, как у сестры, был прекрасным гармонистом. Без него не обходились ни танцы молодежи, ни частушки, которые они пели. Анюту любили за веселье и задор, которые она вносила в игры молодежи. Домой возвращались поздно, всегда с многочисленными провожатыми, веселые и довольные хорошо проведенным вечером.

Зато весной и летом работы было много. Вставали рано, трудились допоздна. Приходили домой сильно уставшими. Но молодость брала свое: хотелось погулять и повеселиться! И если мать не отпускала их, сестра и братья, дождавшись, когда родители заснут, уходили из дома через окно в Анютиной комнате. Благо, что дом прадеда был невысоким, поэтому и вернуться домой можно было через окошко. Спустившись на землю Анюта, Миша и Саша бежали на берег Сысолы, где молодежь устраивала летние гулянья. Нередко случалось и так – Евдокия Алексеевна заранее прятала выходное платье дочери. Но и это не было помехой для находчивой девушки: Анюта могла за час сшить на зингеровской машинке новое платье из ситца или сатина и вслед за братьями сбежать из дома. А на следующий день вставать надо было рано, с восходом солнца! Их снова ждала нелегкая работа в поле, на покосе, в огороде или на строительстве нового дома.

Когда Леонид Попов стал ухаживать за дочерью, встречать и провожать ее после танцев и гуляний, Евдокия Алексеевна была категорически против него. Она и мысли не могла допустить, что ее дочь выйдет замуж за человека, семья которого не имеет земли! У отца Леонида имелся большой двух-этажный дом из десяти комнат, двух кухонь и двух балконов, двор с разными хозяйственными постройками.

– Дом – это не земля и не луга, – ворчливо говорила Петру Ивановичу Евдокия Алексеевна. – Не нужен нам такой жених, найдем получше и с хорошими землями. У этого ничего нет кроме шинельки.

Она не пускала Леонида в свой дом, не называла его по имени. Увидев его стоявшим под окнами в ожидании дочери, Евдокия Алексеевна громко, чтобы молодой человек мог услышать, возмущенно говорила: «Тайё Кузь

шинеляйс, бара нин сулалё «миян ёшынь улын» (этот, в длинной шинели, опять уже стоит под нашими окнами). Когда пришли свататься Жижевы, имевшие землю, Евдокия Алексеевна не задумываясь дала согласие. Назначили день свадьбы, уже начали варить сур. Но несмотря на уговоры родителей и Миши Анюта упорно отказывалась. Она схватила подушку, затолкала ее в бочонок с суром и убежала из дома. Свадьба окончательно сорвалась. Мать не смогла помешать дочери встречаться с Леонидом. Так встретились, полюбили друг друга и в ноябре 1921 г. поженились мои родители. Венчались они в Троицком соборе при большом стечении родственников, друзей и знакомых. В приданное маме дали большой красивый сундук с периной, подушками, шубой, репсовыми платками, постельным бельем и другими вещами и корову. Поселились молодожены в доме отца Леонида, Василия Филипповича, который выделил им весь первый этаж своего большого дома. Дедушка Василий Филиппович, старший сын Иван Васильевич с семьей и бабушка Ульяна Георгиевна занимали второй этаж. В начале мы ходили к дедушке. Я частенько сидела у него на коленях и слушала чудесные сказки. Потом, когда родители узнали, что у дедушки туберкулез легких, меня перестали пускать к нему. Из последнего, что сохранилось в памяти о дедушке, – это его похороны. Я сидела на крестьянской телеге одна и между жердями смотрела на дорогу. Видела я только траву и песок, по которым двигалась траурная процессия. Взрослые шли пешком, а мне тогда было четыре года и семь месяцев.

Мама еще до свадьбы поступила в школу ликбеза, где закончила два класса, научилась читать и писать. Одновременно она продолжала учиться шить у лучшей портнихи города, отлично готовила и стряпала. А когда у родителей появились мы, дети, она шила нам самые красивые платья и костюмчики, которыми восхищались все соседи и знакомые.

Многое из раннего детства изгладилось из моей памяти, но кое-какие моменты возникают перед мысленным взором и помогают постепенно восстановить нашу жизнь из далекого прошлого.

В августе 1925 г. Сыктывкар встречал первый самолет. В погожее воскресенье сотни жителей города с семьями и детьми собрались на крутом берегу реки Сысолы. Начиная от ул.Свободы и до пристани все было запружено людьми, как говорят «И яблоку негде было упасть». Отец, мама, брат и я пришли пораньше и расположились прямо на краю берегового откоса. Всюду были слышны громкие голоса: «Самолет ... Самолет ... Скоро прилетит». Я тогда еще не понимала и представить не могла, что такое самолет? И как он выглядит? Вскоре послышался рокот мотора, зрители зашевелились, замахали руками, закричали, радостно поглядывая в голубое небо. Стук мотора становился все громче, отчетливее и мы увидели как огромная

«птица», развернувшись над городом, спланировала на спокойные воды Сысолы. Так приземлился в Сыктывкаре первый гидроплан. У самолета состоялся митинг, а потом было катание горожан на гидроплане.

Может быть именно после этого события у меня появилось желание: при первой возможности бежать на берег реки. Что я собиралась там увидеть, что делала, сколько времени там проводила, теперь уже не помню. Отчетливо помню один случай. Однажды бегу я к реке по улице Горького мимо обшитого тесом и покрашенного в бледно-розовый цвет дома Титовых. У распахнутого настеж окна сидела Христина Александровна, моя крестная мама. Она громко окликнула меня:

– Раенька, куда ты бежишь? Чем занимается сейчас твоя мама?

Я быстро ответила: – Тетя Тина, я тороплюсь на берег. А мама ушла в магазин. Скоро придет.

– Постой, – пытается она задержать меня. – Посмотри, у тебя на ногах обуты разные ботинки. Смотрю вниз на свои ноги и вижу: действительно, у меня на одной ноге коричневый, а на другой – черный ботинок! Но я не долго раздумывала, попрощалась с крестной и устремила дальше к реке...

Дедушкин дом стоял на углу улиц Кирова и Горького вблизи Парижского оврага. Мы жили в трех комнатах с окнами, выходившими во двор и на юг. Одну большую комнату снимали квартиранты – мать со взрослым сыном. Я часто забиралась к нему на колени и просила, чтобы он подождал, когда я вырасту и тогда «я женюсь на нем». Все взрослые от души смеялись над моими словами и рассказали мне об этом, когда я стала взрослой. В маленькой комнате рядом с кухней жила сестра отца, Татьяна Васильевна с сыном Борисом. Борис был старше меня на один год. Мы с ним часто играли, помнится одна игра – в доктора и больного.

В 1928 г. мне довелось присутствовать на нелегальной елке. Известно, что большевики, придя к власти отделили школу от церкви, а церковь от государства. Елки на Рождество и Новый год были запрещены, как пережиток прошлого. Священники в нашем крае, как и во всей стране, подвергались гонениям и репрессиям, многие из них были расстреляны. И вдруг меня пригласила на новогоднюю елку семья учителя Андрея Андреевича Заболоцкого. Их небольшой домик находился тоже на перекрестке улиц Кирова и Горького, по диагонали от нашего. Когда я вошла в дом вместе с мамой, разделась и прошла в комнату – елка мне показалась настоящим чудом! Она сияла блестящими игрушками, ленточками и гирляндами из цветной бумаги. Горели свечи, а на ветках висели еще конфеты и орехи в блестящей фольге. Детей собралось много и, хотя было тесновато, все веселились от души! Я была счастлива вдвойне – и от присутствия на первой елке в своей жизни, а еще и потому что среди детей я оказалась самой

нарядной: на мне было сшитое мамой красивое кремовое платье с кружевом на рукавчиках, расшитое бисером и блестками у ворота. Белый атласный бант украшал мою прическу. В конце детям стали раздавать подарки. Я тоже получила пакет с гостинцами. На прощанье взрослые предупредили нас, чтобы мы никому не рассказывали об этом празднике. Дома я поделилась со всеми: братом, сестрой, мамой и няней полученными гостинцами, а потом решила пойти погулять в соседний дом, где у меня было много знакомых среди взрослых и детей. И стала им рассказывать, какое замечательное платье мне сшила мама к Новому году. Они говорят: «Ну-ка, покажи! Я шубку сняла, а нарядного платья-то и нет! Я совсем забыла, что когда я пришла домой после елки, меня переодели в другое платье».

А вот праздники и утренники у новогодней елки восстановили в нашей стране только в 1935 г., когда я училась уже в 5-м классе.

Нашей гордостью был большой тополь, который рос во дворе дедушкиного дома. На ул. Кирова ни у кого не было тополей. Росли белоствольные березы на углу у дома Сухановых и дальше у бывшего Духовного училища. Теперь тополя являются обычным явлением не только на улицах Сыктывкара, но и в нашей Ухте. Поэтому трудно представить, что когда-то их совсем не было в наших северных городах. Первые тополя в Усть-Сысольск привез священник, затем еще кто-то и, наконец, наш дядя Ваня, старший брат отца, когда он был гимназистом и учился в Великом Устюге.

Два раза в тополь попадала молния, которая начисто срезала вершину и однажды рашешила ствол. Но тополь, как могучий богатырь из сказки, подымался из рашепа и вновь вырастал в могучее дерево. После первого удара молнии наши соседи, Старцевы, выбежали под дождем на улицу, подобрали вершину и воткнули ее в мокрую землю на своем дворе. И представьте – чудо! Тополь пустил корни, раскрылись листочки и он вскоре сам стал большим деревом. Когда мы жили у бабушки, так и стояли эти два тополя рядом, как два родных брата. А наш тополь конечно был «старшим братом».

Я любила ходить к Старцевым. Александра Павловна была сестрой известного в Усть-Сысольске инспектора народных училищ, Михаила Павловича Успасского. Очень добрая и приветливая женщина. Ее дочь Ирина старше меня на 3-4 года, училась она в I-III классах. В период летних каникул к ней собирались школьные подруги и устраивали разные игры во дворе. Играли в салки, прятки, бегали, скакали на досках, поставленных на чурбак. Раздавался веселый смех, крики, девичий визг. И я, услышав веселую компанию девочек, спешила к Старцевым. Как самую маленькую меня усаживали по середине доски и я раскачивалась вместе с ней то вправо, то влево. С восхищением и завистью смотрела на девочек, которые попере-

менно взлетали вверх, а потом ударяли ногами по доске, подбрасывая свою напарницу. Если кто-то из прыгуний слетал с доски на землю, ее сразу замечала девочка, ждавшая своей очереди. Вместе с Ириной я ходила навещать ее родственников Успасских, которые жили в большом двухэтажном доме на углу Советской и Коммунистической (теперь здесь жилой дом, ресторан «Спасский» и кулинария...). В доме, к сожалению, я ничего не помню, кроме большой крутой лестницы, которая вела на второй этаж... Меня интересовал сад, расположенный от дома до продмага № 1 (ныне детская библиотека). Мне нравилось гулять в тенистом саду и рассматривать кустарники и деревья. Потом Старцевы переехали в этот дом Успасских, а мы – в Кодзвиль. Наши пути с Ириной надолго разошлись. Встретились мы уже взрослыми в конце 1950-х гг., когда Ирина работала в Министерстве культуры Коми АССР под руководством министра Серафимы Михайловны Поповой. Наша детская дружба не возобновилась. Теперь мы изредка встречались только по делам своих министерств, где работали в те годы.

А в их бывшем доме на улице Кирова несколько лет размещалась детская поликлиника. Когда дом снесли, на его месте построили каменный жилой дом для летчиков Сыктывкарского аэрофлота.

Наша семья была небольшая: отец, Леонид Васильевич, мама, Анна Петровна и мы трое детей: я родилась в 1922 г., брат Филипп – 1924 г. рождения, сестра Фелицата – 1928 г. рождения. Брата назвали Филиппом в честь прадеда и брата нашего отца, трагически погибшего в 1913 г. Сестре Фине дали имя Фелицаты Павловны, жены старшего брата отца, Ивана Васильевича.

В 1929 г. наша семья переехала в новый дом на улицу Интернациональная в местечко, которое раньше называлось Кодзвиль. После нашего переезда старший брат отца, Иван Васильевич, вместе с матерью и сестрой в сентябре 1931 г. сдали дом бабушки в жилтоварищество «Пионер». В 1937 г. эта организация была ликвидирована, дом передали на баланс жилищного управления Горкомхоза (Дому поставили износ 70%, а стоимость 2288 руб). Прошло пятнадцать лет, за это время дом ни разу не ремонтировался, даже полы не красили. Уже после войны Иван Васильевич, видя, что ничего не делается для поддержания дома в хорошем состоянии и без капитального ремонта он будет сильнее ветшать и разрушаться, писал ходатайства в Сыктывкарский горкомхоз, горисполком и даже в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о возвращении их семье родного дома. Но, увы, дом Поповым так и не вернули. Его снесли в связи со строительством многоквартирного дома по ул. Горького. А мы в это время обживали наш новый дом. На высоком месте, где когда-то до революции стояли качели для молодежи, теперь возвышался большой высокий дом Сидоровых, маминых

родителей. В нем были три комнаты, большая кухня, коридор, сени, кладовка, длинный и широкий сарай с сеновалом. Внизу был хлев для домашних животных, где поместили и нашу корову Сераюрку.

Рядом с отцовским домом строили для себя дом – шестистенок – мамины братья Михаил и Александр. Они работали в типографии Следникова: Миша – наборщиком, Саша – печатником. Когда типографию национализировали, Следникова оставили заведующим до 1923 г. Власти учили, что он был хорошим специалистом. Мишу уважали в типографии. У меня сохранилась фотография, на которой Миша сидит в середине между двумя начальниками: Чирковым Федором Васильевичем – начальником наборного цеха и Петровым Павлом Варламовичем – начальником печатного цеха. Видно, что Миша похудел и щеки у него уже не прежние, румяные. Сначала Миша, затем Саша заболели туберкулезом. Александра Павловна Клыкова-Попова не раз видела, как дедушка Петр Иванович возил сына в больницу. Он лежал в санях похудевший, бледный как бумага. Миша и Саша скончались друг за другом во второй половине 1920-х гг. Тогда родители передали дом умерших братьев нашей маме. Однако дом еще не был достроен, работы по завершению строительства предстояло еще немало. Наш отец заказал в мастерской 16 рам для двух первых комнат и сам с помощью Петра Ивановича вставил их в оконные проемы. Затем поднимали землю на чердак и насыпали на потолок для утепления дома. Стелили полы из толстых плах в половину бревна и также насыпали землю между двойными полами. Установили двери, сложили печи из дедовских кирпичей. И под конец покрасили полы. Вот только хорошее капитальное крыльцо не сделали в самом начале, а потом и возможности заняться его строительством не было. Из двери мы выходили прямо на площадку без крыши или козырька. И если был дождь, то капало с крыши прямо на нас. Но мы в этом ничего плохого не видели. Идет дождь, капает – значит без надобности на крыльцо не надо выходить! Вот и вся проблема.

И так мы начали жить в новом, мамином доме. Еще хочется отметить, что у нас в семье не было каких-либо наказаний для детей за поведение или нарушение режима и порядка в доме. Один раз я старательно чинила карандаш, а брат сидел напротив и внимательно смотрел то на меня, то на карандаш. Раз – ножом, два – ножом – отлетают кусочки от карандаша. И вдруг нож попал в лицо брату, прямо в переносицу. Крик, плач, кровь ... Я в страхе забралась под кровать. Прибежала мама, успокоила маленького брата, обработала рану, а потом уже разыскала меня под кроватью. Но дело ограничилось только внушением.

Зато родители приучили нас, чтобы уходя из дома, мы сообщали, куда пошли, с кем и где будем гулять, примерное время, когда мы вернемся. Даже

летом светлыми вечерами и ночами не разрешали нам гулять допоздна. Эта привычка, воспитанная с детства, сохранилась у меня до настоящего времени и очень пригодилась, когда я была директором школы. Секретарь и завучи школы всегда знали, где я нахожусь, когда вернусь в школу, а при срочной необходимости могли позвонить мне и согласовать какой-либо важный вопрос.

Помнится, что вскоре после нашего переезда к отцу несколько раз приходил его друг юности Андрей Цембер-младший. А потом он вдруг исчез навсегда. Родители часто говорили о нем и не могли понять, как можно так таинственно и бесследно исчезнуть в нашем небольшом городе, где все жители были на виду? Только через 60 лет, работая в Национальном архиве Республики Коми, я случайно наткнулась на «Дело красного партизана А.А.Цембера» и узнала правду о его трагической судьбе. Осенью 1929 г. он выехал в экспедицию с профессором Маляревским в должности статистика-экономиста. Около села Ношуль его искусила бешеная собака. Болезнь быстро прогрессировала. Андрей понимал, что вылечить его не смогут и приближается страшный конец. Чтобы не травмировать жену и родных своими мучениями, 10 ноября он отправился на своей лодке подальше от города на реку Вычегду – была оттепель и реки еще не замерзли – и там застрелился. Тело его так и не нашли. О трагической смерти Андрея родственники и его отец узнали из записки, которую он оставил своей жене, Насте. Однако навсегда осталось тайной, почему А.А.Цембер-отец не сообщил об этом моему отцу и другим друзьям своего сына? А ведь слухи в городе ходили разные, вплоть до предположения, что его убил художник издательства В.А.Образцов. У Образцова обнаружили топор Андрея. Однако топор Образцов мог самовольно «позаимствовать» (!) после исчезновения Андрея Цембера из его охотничьей избушки. А как на счет убийства? Художник Образцов действительно убил ... через 13 лет в 1942 г. двух мальчиков – Попова Леню и Шатровского Юру – за то, что они самовольно копались в его рыболовных сетях, закинутых в реку и, вероятно, забрали часть улова. Убив мальчишек, он спустил их тела в озеро.

Второй друг отца периода юности был Владимир Суханов, младший брат И.Н.Суханова, один из первых заслуженных врачей Коми АССР и РСФСР. Владимир был старше нашего отца и Андрея Цембера на три года. Друзей объединяла страстная любовь к природе и охоте. Все лето друзья проводили в лесу и на реке. Купались, потом начали наперегонки переплывать реку Сысолу. Рыбачили на Вычегде, ходили в лес на охоту и собирать грибы. На берегу ниже дома Сухановых находились маленькие избушки рыбаков и охотников, где летом хранились сети и другие рыболовные снасти их отцов, а рядом лежали вытащенные на берег лодки. Добывая дичь и рыбу,

мальчики постепенно начали помогать своим семьям, и чем старше они становились, тем существеннее становилась их помощь.

В 1917 г. Владимир Суханов закончил Усть-Сысольскую мужскую гимназию. Осенью он поступил на Премское отделение Петроградского государственного университета. Но как только началась гражданская война и открылся Восточный фронт, в марте 1918 г. он выбыл с I курса и вступил в Кай-Чердынский полк Красной Армии. Участвовал в боях за город Кай, с. Троицко-Печорск, сражался с белыми на Северо-Двинском фронте. После гражданской войны поступил на работу в Госбанк, где и проработал до выхода на пенсию.

Его брат Иван Николаевич – это врач с большой буквы, был замечательным диагностиком. В 1914–1921 гг. он – военный врач на фронтах Первой мировой и гражданской войн, где спас от смерти и вернул здоровье тысячам солдат и офицеров. С 1922 г. он работает врачом в медицинских учреждениях г. Усть-Сысольска – Сыктывкара. Иван Николаевич организовал и много лет руководил Республиканским психоневрологическим диспансером и больницей. А для нас он был – семейным врачом, лечил маму и нас, детей, пока мы не перешли в старшие классы. Приходил к нам после работы. Раздевался, потом тщательно мыл руки и надевал белый халат. И только после этого входил в нашу комнату. Я очень боялась и белого халата, и аппарата, которым прослушивают сердце и легкие, и даже обычной блестящей чайной ложки, которую он просил у мамы, чтобы проверить горло. И хотя я знала, что это наш близкий знакомый Иван Николаевич, я громко плакала и отбивалась руками.

Помню хорошо, как я ходила с отцом в кино. Мне тогда было шесть или семь лет. Крепко держась за его сильную руку, я иду подпрыгивая, радуясь предстоящему зрелищу. Кинотеатров в те годы в Сыктывкаре еще не было. Только в Народном доме и в летнем театре, больше похожем на большой сарай, были киноустановки и демонстрировались фильмы. Летний театр находился в саду на углу ул. Кирова–Куратова, деревья в нем были посажены в конце XIX в. воспитанниками духовного училища. Все фильмы тогда были немые, сопровождалась игрой на пианино. И хотя я тогда была маленькой, не ходила еще в школу, многие интересные фильмы, которые я смотрела с отцом, мне запомнились на долгие годы. Так до сих пор я помню отдельные эпизоды из фильма «Сын Зорро», хотя после этого смотрела новые звуковые фильмы «Знак Зорро» и «Зорро» с Аленом Делоном в главной роли. Наверно, именно тогда в раннем детстве у меня появилась любовь к кино, и полюбившиеся фильмы я смотрела потом по несколько раз.

Вспоминаются еще голодные 1930-е гг. Однако надо признаться, что наша семья долго не испытывала недостатка в мясе и рыбе, поскольку отец

по воскресеньям ходил на охоту или рыбалку. Мама даже жаловалась своим подругам, что ей надоело чистить рыбу, а «Ленчик приносит ее целыми тазами». Со своими друзьями из Коми издательства, Степаном Семеновичем Поповым и Иваном Ивановичем Оплесниным в 1934 г. они построили в Трехозерке охотничью избушку, которая стала для них главной базой в охотничьем промысле. Иван Иванович Оплеснин – товарищ отца по издательству. Революция помешала ему закончить Высшее городское училище, и он в 14 лет поступил в типографию Следникова, которая к тому времени уже была национализирована. Работал сначала наборщиком, затем начальником печатного цеха (1921–1947 гг.). В 1947–1961 гг. был в Коми издательстве начальником производства и техническим редактором. Я навестила его два раза в 1989 г. Иван Иванович обрадовался, много рассказал мне про отца и отдельных сотрудников. Помнил он и Сидорова Мишу, даже его прозвище: «Якунь Миша был красивый брюнет, веселый, гармонист. Тоже был наборщиком, дружил с Хараповым из Кируля». Вспомнил и деда Василия Филипповича: «Среднего роста, очень вежливый и культурный. Приходил в типографию посмотреть корректуру своих статей». С нашим отцом его познакомил муж маминной кузины, Александры Павловны Клыкковой-Поповой, Степан Семенович.

От Ивана Ивановича я узнала названия охотничьих журналов, в которых сотрудничал наш отец. Сам Иван Иванович выписывал журнал «Уральский охотник». Рассказал он и некоторые охотничьи приключения, о которых любил рассказывать отец.

Вспоминается мне один случай нарушения отцом установленных сроков охоты. Однажды в понедельник рано утром отец вернулся с охоты. Вымылся, переоделся, позавтракал и отправился на работу. Был рабочий день. Когда я проснулась, увидела, что в комнате топится печь и в отверстиях дверцы виден ярко пылающий огонь. А на полу перед печкой лежали освещенные отблесками огня какие-то необычно большие птицы. До этого дня я видела только уток, которых отец приносил в большом количестве. А это определенно были не утки. Я быстро спустилась с кровати, оделась и подбежала к этим птицам. Оказалось это были серый гусь и белоснежный лебедь. Села на пол, смотрела на них, разговаривала с ними и гладила лебедя по голове и шее, удивляясь его красоте и величию. Но, увы, продолжалось это недолго. Пришли какие-то дяди – два охотинспектора – и унесли с собой папины трофеи. Вероятно, свой же брат, охотник-неудачник или завистник, донес в охотинспекцию на отца.

Хуже обстояло дело с промышленными товарищами: одеждой, бельем и обувью. Теперь родители начали постепенно продавать и обменивать вещи из маминого приданного. Хранилось оно в большом нарядном сундуке,

привезенном из Корткероса для Александры Павловны Клыковой. Но ей сундук показался слишком большим, и тогда его купили для нашей мамы. Одних полотенец в приданном было больше пятидесяти! Из них только два полотенца оставили для употребления в семье, остальные совершили один путь – на рынок. Однажды в холодный зимний день мы с братом и сестрой грелись и играли на полатах. Пришла мама, вместе с клубами холодного воздуха, быстро вошла на кухню, разделась и весело сказала:

– Ребята! Я сейчас вас угощу вкусным, очень вкусным маслом. Обменяла я полотенца на масло.

– Каким, мамочка? – спрашивает наша малышка Фина.

– Конопляным.

– А что это за масло – конопляное? Я еще не слышал про такое, – допытывается Филипп.

– Погодите, погодите. Попробуйте и увидите сами, какое оно вкусное – улыбается мама и ставит нам на край полатей блюдечко с маслом и дает по кусочку ржаного хлеба. Мы макали хлеб в масло, подсаливали и ели с большим аппетитом.

– Правда, мама, масло очень вкусное, – согласился брат.

– А прибавку, мамочка, можно? – просит Фина.

Мама долила немного масла в блюдце и мы продолжали есть. Жаль только, что хлеба было маловато. После этого случая не помню, чтобы я когда-то еще ела такое великолепное масло. А вот с семечками конопли я познакомилась. Однажды кто-то из ребят дал мне горсточку этих семян. Они были круглые, маленькие, в глянцевой серой скорлупе. Очень вкусные! Но такие маленькие, что жалко было тратить на них драгоценное время. Я и семечками подсолнуха не увлекаюсь, хотя они намного крупнее конопляных.

Затем дошла очередь и до нашей кормилицы – Сераюрки. Летом Сераюрку перевезли через реку и сдали пастуху, нанятому жителями города, имеющими коров. Отец построил для нее небольшой бревенчатый сарайчик с маленьким окошком, и она хорошо запомнила, что это ее летний дом. Вечером после пастбища всегда возвращалась в свой «домик», где двери в течение дня были открытыми, закрывали их только на ночь. А вот маме дважды в день приходилось переезжать через Сысолу для утренней и вечерней дойки коровы. Она не ходила на перевоз, а брала папину маленькую лодку, сама гребла и правила. Когда горожан лишили сенокосных угодий, родители поняли, что сена, заготовленного на своем дворе и по обочинам дорог, не хватит прокормить корову даже два месяца. Тогда они решили, что придется расстаться с Сеюркой навсегда – и участь нашей кормилицы была решена. Мы, дети, узнав об этом, долгое время не могли есть ни суп, ни второе блюдо, приготовленное с мясом. Много плакали. Прошло время,

и наше горе постепенно забылось. Но я после этого навсегда перестала пить коровье молоко.

В обычные дни мы ели на кухне, а в праздничные дни в комнате за большим столом. Кухня была не маленькая, 26 кв. м, с перегородкой. Стол был накрыт красивой клеенкой, сидели на деревянном диване с красиво выгнутыми ножками и стульях с высокими спинками, купленными специально для кухни. В комнате же были настоящие венские стулья. Мама приносила горячую еду прямо из русской печи, а папа ставил на стол шумящий самовар с заварным чайником в конфорке. Утром ели леща, зажаренного в большой глиняной плошке с молоком, мукой и сметаной. Или треску с картофелем по-польски. Потом пили чай с картофельными подрумянившимися сочными или блинами. Суп ели днем или вечером, он был приготовлен из лесной дичи (куропатки, рябчика, глухаря), или была уха из стерляди. На второе – зайчатина тушеная с картошкой или утка. Изредка была картошка, отваренная в чугушке. Каждый чистил себе в тарелку несколько картофелин и ел с капустой, засоленной по коми рецептам – четвертинками кочанов – или с солеными рыжиками и груздями.

Рыбу я не люблю из-за костей, которые часто застревали у меня в горле. Отец, посмотрев на меня, учил: «Не руками надо выбирать маленькие косточки из рыбы, а языком и зубами отделять. Посмотри, Рая, мы с мамой едим рыбу, но ведь ни разу не подавились». Но эти советы мне не помогали, я продолжала бояться, давиться и пальцами искать в кусочках рыбы маленькие косточки. Костей не было в стерляди. Убрав один ряд острых пластинок на боку, можно было есть ее безбоязненно. Замечательная и вкусная рыба! Только позднее я узнала, что нашу стерлядку в прошлом поставляли на великокняжеский, а затем и на царский стол. После завтрака мама заканчивала выпечку. Она пекла пышный торт из сухарей, сладкие плюшки, пирожки с разнообразной начинкой, шаньги с картофелем, рулеты с маком и черемухой и др. Несколько раз отец покупал шоколадный вафельный торт, поступавший из Ленинграда. В отличие от нынешних тортов «Причуда» и др. в ленинградском торте много было настоящего шоколада, как внутри, так и снаружи, кроме того сверху он был украшен шоколадными розочками. Очень красивый и вкусный торт! Но резали нам его маленькими кусочками, поскольку он был довольно дорогим. Поэтому мамина выпечка нам больше нравилась. Мягкая, пышная, долго не подсыхающая. И давали нам не ограничивая. Ешь – сколько хочешь! Еще в дедовском доме у нас была няня Зина, которая любила вкусно поесть и пить чай с мамиными плюшками и пирожками. Мама частенько вспоминала Зину и рассказывала, как лакомка-няня бывало говорила:

– Сегодня Анна Петровна ничего не постряпала. Я чай пить не буду.

– Я тоже не буду пить чай без торта и свежих колобков, – весело посмеиваясь, поддерживал ее отец.

Когда в доме были гости, рассказывая об охотничьих приключениях, отец в шутку говорил:

– Вот развелся бы я с Анютой, да уж больно хорошо и вкусно она готовит и стряпает. Судите сами, насколько вкусный получился этот рыбный пирог. Вроде бы это и не рыбник, и не расстегай, а еще вкуснее.

А гости в ответ на его шутку смеялись и с аппетитом пробовали все подряд – воздушные торты, сладкие пирожки, рулеты и все остальное.

Уже впоследствии мама научила некоторых моих подруг и новых друзей выпекать по ее рецептам рыбный пирог и торт из размолотых белых и черных сухарей, а также варить варенье, которое не засахаривается и сохраняется несколько лет таким душистым и сочным, как будто было сварено только вчера.

Когда мы были маленькими, отец часто ходил за грибами один, собирал грузди и рыжики. Ягоды собирать он не любил. Но однажды он случайно вышел в лесу на большую поляну, сплошь покрытую гроздьями крупной, спелой брусники. И тут он не выдержал – собрал полный пестерь ягод и с гордостью вручил маме. Когда мы подросли, тогда мы всей семьей ездили собирать грибы и ягоды в Озельский бор. Одни без родителей мы ходили в сторону речки Дырнос. На горе проходили через два-три лесочка (теперь на этом месте ул. К.Маркса, магазин «Товары для дома» и Октябрьский проспект). Лесочки небольшие, сохранившиеся между обработанными полями. Собирали чернику, цветы и очень немного душистой земляники. Но ягод было так мало, что мы ничего не приносили домой. Затем шли дальше к речке Дырнос. Речка была не широкая и не глубокая. Ее оживляли живописные берега, пышные ели и лиственные деревья. Вода была чистой, она струилась и весело журчала на перекатах и камнях. На дне виден был каждый камешек, прыгающие и плавающие насекомые и стайки маленьких рыбок.

Уже теперь, когда я начала писать воспоминания, в газете «Вечерний Сыктывкар» прочитала, что на всем протяжении речки Дырнос (14 км) без соблюдения водоохраной зоны расположены АТП, гаражи, промышленные предприятия, дачные поселки, фермы, личные хозяйства. В некоторых из них содержится скот. В результате все стоки этих предприятий и ферм попадают в речку. Дырнос не может теперь самоочищаться, она просто гибнет. Посмотрели бы эти люди на Дырнос времен нашего детства!

Теперь подробнее расскажу про нашего отца. Отец перед революцией закончил высшее городское училище. Его учителем по изобразительному искусству был талантливый педагог и художник А.Н.Поросятников. Он сразу

заметил и оценил художественный талант своего ученика, старался развить его способности и художественный вкус. Учил его наблюдать природу, повадки лесных зверей, жизнь и отношения людей, писать с натуры акварелью, маслом и чертежным пером.

Женившись отец работал в Коми издательстве, затем главным бухгалтером в Республиканской типографии и художником-графиком в литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Ордым» (Лесная тропа). Художественные способности отца для издательства открыли наш коми поэт В.А. Савин и ответственный редактор журнала «Ордым» Н.П. Попов (Жугыль), с которым он вместе учился в высшем городском училище.

В.А. Савин часто посещал типографию и бухгалтерию по издательским делам. Он обратил внимание на рисунки и дружеские шаржи, которые делал Леонид Васильевич, беседуя с посетителями. Вскоре Савин узнал, что молодой бухгалтер обладает еще одним талантом – прекрасным голосом-баритоном. Тогда Виктор Алексеевич решил привлечь отца и его друга Степана Семеновича Попова, работавшего тоже в издательстве (сначала в редакции журнала «Коми му», затем корректором и выпускающим газет «За новый Север», «Вцрлэдзысь» и «Красное знамя») в созданный им театр солистами. Он даже узнал, что друзья еще до революции пели: один – в церковном хоре, другой – в народном доме. Но работа, заботы о семье, постоянные многочасовые репетиции не оставляли свободного времени для любимых занятий. К тому же особенно протестовала против участия в театре жена Степана Семеновича, Александра Павловна, воспоминания которой о масленичных развлечениях молодежи во дворе Сидоровых я написала выше. Ей рассказали, что кое-кто из артистов после репетиций устраивает выпивки. Поэтому друзья выступили несколько раз, и на этом закончилась их артистическая карьера. Но они продолжали петь. Теперь они распевали в два голоса в лесу, на реке, у костра, в своей охотничьей избушке, удивляя и восхищая рыбаков и охотников, а также пассажиров, проходивших мимо пароходов.

По приглашению Н.П. Попова (Жугыль) отец приступил к оформлению журнала «Ордым». Его рисунок с охотником, идущим по лесной тропе, украшал обложку журнала в 1927, 1928 гг. и большинства номеров в 1929 г. Посмотрим какую идею вложил художник в этот, казалось бы, простой по сюжету рисунок. Охотник выбирается из дремучего леса, олицетворяющего здесь отсталую лесную Коми область, в светлое будущее нашего края с развитой экономикой и культурой. Расступаются покрытые снегом темные ели и открывается вдали вид на освещенный лучами восходящего солнца город с большими заводами, каких в Коми крае в те годы еще не было. Он

сумел правдиво показать в своих рисунках различные стороны трудовой деятельности коми народа: лесозаготовки в лесу, охоту, крестьянский быт, эпизоды гражданской войны, создание сельской кооперации и т.д. Он был талантливым художником-анималистом. Его рисунки и картины, изображающие лесных обитателей, животных и птиц, никого не оставят равнодушными. Вот небольшой рисунок «Куропатки». Из пушистого снега торчат веточки кустарника, а в центре две белоснежные куропатки настороженно глядят по сторонам. Чернеют клювики и яркие бусинки глаз на изящных маленьких головках. Так и кажется, что при малейшем шорохе птицы вспорхнут и устремятся в небо. Не раз писал отец большие картины маслом о жизни пушных зверей и промысловых птиц по заказу правления «Северпушнина». Оформлял отец обложки книг коми писателей и поэтов 1920–1930-х гг., сотрудничал в охотничьих журналах «Северный охотник» и «Уральский охотник».

Зимой, когда отец рисовал для газет и журналов, мы, дети, садились рядом за большой стол, стоявший у теплой печки. Разложив бумагу, альбомы, карандаши, резинки, краски, мы рисовали свои незамысловатые детские рисунки. А если он готовился на охоту или рыбалку, мы и тут были рядом. Готовили бумажные пыжи или отмеряли маленькой металлической меркой дробь, набивали камешками грузила для рыболовных сетей.

В большой комнате над столом висели разнообразные охотничьи атрибуты и трофеи отца: охотничье ружье – двухстволка, патронташи, нарядный мешочек для дроби, бинокль, черные с фиолетовым отливом глухариные хвосты и крылья, а над ними – огромные оленины рога, привезенные прадедом из Печорской экспедиции 1843 г. Эти рога почему-то передавались по наследству не старшим, а младшим сыновьям. Теперь, изучив историю семьи и предков, я объясняю это тем, что младшие сыновья были большими любителями природы родного края и воспели ее: дед Василий Филиппович в своих произведениях, статьях и очерках, а отец – в картинах, рисунках и иллюстрациях. Вот поэтому именно им передавались эти красивые и памятные рога.

Летом по воскресеньям всей семьей, прихватив кого-либо из моих одноклассников, выезжали на большой лодке к озерам, где отец ботал и ловил карасей. Он выбирал для воскресных поездок самые красивые места по Сыsole и Вычегде. На лесных опушках мы собирали поспевшую душистую землянику, а на лугах – букеты цветов. Искали сухие дрова, а потом все собирались у ярко пылавшего костра. Мама варила в котелке уху и чай с лепестками шиповника, а мы продолжали собирать сухие дрова, ветки и подбрасывать в костер. С аппетитом ели уху и пили чай с запахом шиповника и дыма. Потом купались, бегали по воде, стараясь забрызгать друг друга. В

рабочие дни, когда отец не мог ездить с нами, руководила нашей прогулкой в природу мама. Мама отлично правила лодкой, а желающих сесть за весла и грести было хоть отбавляй. Выезжали теперь не к озерам, а поближе – в Мидлапцв (Заречье). Купались, загорали, собирали цветы. Искали сухие дрова, щепки и зажигали костер. Не было, конечно, вкусной свежей ухи, зато к чаю были мамины шаньги, колобки и плюшки.

Перед революционными праздниками в доме появились кумачовые полотенца. Отец писал плакаты и лозунги, чтобы зарабатывать для семьи лишние 25-30 руб. В те годы труд художников и дизайнеров оплачивался очень низко, не то что в нынешние времена. И опять работала вся семья, кроме нашей мамы. Через две комнаты натягивали на полу плакат. Мы с сестрой Финой туго натянутой мелованной бечевкой отмечали будущие строчки, разводили мел. Отец с Филиппом садились на стулья и, перематываясь на них вдоль плаката, быстро писали текст.

Мы все трое любили читать книги. Я часто ходила в детскую библиотеку, которая в 1930-е гг. размещалась в небольшом доме на улице Куратова. В конце мая и в июне в светлые ночи я читала не только вечером, но и ночью. В зимнее время, когда все засыпали, тайком зажигала свет и читала, спрятав книгу под одеяло. Меня интересовали книги о выдающихся путешественниках, географах, полярниках, исторических деятелях. Русскую классическую литературу мы изучали в школе на уроках литературы и в кружках, поэтому мне хотелось познакомиться с зарубежной литературой. Я читала книги французских писателей (Корнель, Расин, Дюма, Гюго, Стендаль и др.), американских (Фенимор Купер, Майн Рид, Джек Лондон), немецких (Шиллер, Гете, Цвейг и др.). Если книга была о путешествиях, то я вынимала карту и прослеживала по ней путь главных героев. Филипп и Фина вслед за мной читали большинство этих книг. Так что чтение художественной и научно-популярной литературы стало нашим общим увлечением.

Однако в связи с этим надо признаться: чтение не только углубляло мои знания и расширяло кругозор, но привело к тому, что я невзлюбила игру на гармошке. А это получилось потому, что живший на противоположной стороне улицы, в третьем доме от нашего, взрослый парень Маегов светлыми ночами тоже «полуночишал». Но не читал, а играл на гармошке какие-то заунывные мелодии. Я читаю, а в уши мне лезут эти печальные звуки, мешают мне читать, мешают думать и наполняют душу каким-то унынием и тоской. И это продолжалось несколько лет подряд. Самого Маегова я встретила на улице всего два-три раза. Это был парень среднего роста и с широким лицом, вздернутым носом, смуглый, в сапогах гармошкой. Так что и внешне он не вызывал симпатии. Зато вечерами его можно было

ежедневно видеть у открытого окна. Как только люди начинали укладываться спать, он брал гармошку и начинал свои многочасовые заунывные рулады.

Несколько лет назад, приехав в Сыктывкар, я случайно встретила сестрой моей одноклассницы Ксении Мальцевой (по мужу Рочевой), Ниной. Когда мы были учащимися 6-8 классов, Нина ходила в начальную школу. Жили они недалеко от нас, в доме Гавриловых, поэтому я частенько заходила к ним, а они с сестрой навещали нас. Нина закончила экономический институт в Москве и с того времени проживает и работает в столице. Встретились с Ниной, поговорили, и вдруг она с большой теплотой начала вспоминать наш домашний театр и детские спектакли. Свой театр мы организовали, можно сказать, как протест против учащихся-старшеклассников Жеребцовой, Сорвачевой и Вали Турьевой, которые ставили спектакли, но вывесили на двери объявление «Маленьким входа нет»! Мой брат Филипп и сестра Фина тайком пробирались к окошку. Они что-то видели, но ничего не слышали. Вот они и попросили меня организовать свой домашний театр и позволить смотреть всем желающим, в том числе и «маленьким».

Театр наш работал в летнее время, в период каникул. Ставили сказки и различные пьесы для ребятшек всей округи. Тут я была незаменимым режиссером и художником. С братом Филиппом рисовали декорации на картоне и бумаге, создавали эскизы костюмов. В огромных сенях вешали самодельный занавес, маленькие зрители рассаживались на стульях, табуретках и скамейках, а кому не доставалось «литерное» место, те садились прямо на пол. Занавес раздвигался под аплодисменты нетерпеливых зрителей и перед очарованными малышами возникали живые картины и персонажи из сказок Пушкина, Андерсена и братьев Grimm. Как и все наши самодеятельные артисты я мечтала сыграть роли положительных героев. В сказках обязательно хотелось быть принцессой или доброй феей. Однако в интересах общего дела мне, как режиссеру, всегда приходилось уступать. В первой же сказке, поставленной нами «О спящей царевне и семи богатырях», я играла не царевну, а злую мачеху-царицу. На мне надето нарядное мамино серебристо-серое платье из шелкового репса. Это платье из маминого приданного, оно переливается и приятно шуршит, на голове – красивый кокошник, вышитый бисером. Сделав хитрое лицо, я поднимаю зеркало и надменным голосом царицы, которая не сомневается в своем превосходстве, вопрошаю его: «Свет мой, зеркальце, скажи и всю правду Расскажи. Кто на свете всех милее, всех румяней и белее?». А в это время одним глазом я поглядываю на зрителей – как им нравится? Как они реагируют на эти и другие слова?

Эти навыки постановки сказок и пьес, приобретенные в 7-9-х классах пригодились мне в дальнейшем, когда я стала учителем истории и работала

в средней школе с.Усть-Цильма. Мне пришлось стать руководителем художественной самодеятельности учащихся, ставить большие, многоактные пьесы.

Хочется подробнее рассказать о нашей маме. Даже в самые трудные и голодные годы она оставалась доброй, щедрой и гостеприимной. До войны мама занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. Скрамная, умная, наблюдательная, она многое могла увидеть там, где другие ничего не замечали. К тому же у нее была великолепная зрительная память, даже через 10-15 лет она могла вспомнить, где видела впервые какого-либо человека. Очень быстро распознавала она людей, могла дать им меткую характеристику, подметив положительные и негативные черты характера и поведения.

Как активную общественницу ее избрали в классный и общешкольный родительский комитет средней школы № 1, где она проводила большую работу и поэтому пользовалась большим уважением. А мы, дети, своей учебной и поведением не подводили ее. Мама была мужественной женщиной, без нытья и жалоб она переносила все трудности, болезни и неурядицы. Эти черты характера у нее сохранились до старости. Даже ближайшие родственники и подруги никогда не слышали от нее жалоб. Мама была очень находчивой и остроумной. Зная, что она недостаточно грамотная, однажды послала мне письмо без единого знака препинания. Зато в конце на целую строчку нарисованы были точки и запятые (.....) и написано «марш по местам!». Долго смеялась я над этим письмом, показала своим коллегам-учителям. Они тоже от души посмеялись. До сих пор не перестаю удивляться, как она все успевала делать: готовить, стряпать, шить, стирать, топить печи, ухаживать за коровой, косить с отцом сено, ходить на собрания и заседания родительского комитета, даже посещать некоторых учеников и родителей на дому. Теперь с сожалением думаю, что я мало помогала ей. Я мыла полы, заносила воду, дрова – когда не было отца. При стряпне только была на подсобных работах: раздробляла сухари скалкой, взбивала яйца, отделяла отваренную рыбу от костей, рубила в деревянной миске грибы, что-то мешала, чистила и т.д. Голова у меня в это время была занята своими мыслями: школьные друзья, уроки, кружки и секции, книги, кино, цветы, собаки и т.д. Поэтому я так и не сумела перенять от мамы ее мастерство и умения.

У мамы полно было забот по дому, а мы еще привели на ее голову двух бездомных собак. Однажды мы выбрали на улице больную бездомную собаку, которую выгнал бездушный хозяин – породистого английского сеттера с щенком. Привели домой и спрятали в бабушкиной черной бане. Щенка мы назвали Динго в честь собаки Семюэля Вернона из романа Жюль

Верна «Пятнадцатилетний капитан», а мать Динго – Найдой. Сначала тайком от родителей кормили их, тащили из дома все что можно. Найда понемногу начала поправляться, белая шелковистая шерсть с голубоватыми пятнами снова заблестела. Это была добрая и умная собака, но мы тогда не понимали, что ее надо показать ветеринару и серьезно лечить. Через несколько месяцев Найда умерла. А наша наблюдательная мама уже поняла, почему мы так часто бегаем в бабушкину баню. Она нашла Динго и разрешила перевести его в дом, хотя до этого совсем не любила собак. Как только Динго подрос, он стал хорошим помощником отцу на охоте. Это был великолепный гончак, который быстро находил в лесу зайцев и гнал их под папино ружье. Во второй половине 1930-х гг. Динго исчез, оказалось, его украли. Кто-то из папиных знакомых случайно видел Динго в Котласе и узнал его. Рассказал об этом отцу. И хотя отец очень сожалел о пропаже своего великолепного помощника, но ехать в незнакомый город и разыскивать там собаку он не решился. В это время у меня уже подрастали эстонские гончие Джерри и Майкель, названные в честь главных героев Джека Лондона в книгах «Джерри – островитянин» и «Майкель – брат Джерри». Затем появился последний щенок, Форвард. Но кормить собак при постоянных командировках отца стало труднее. Мама настояла, и Джерри продали кому-то в Заречье. Он еще убежал от них, переплыв реку, но мы сразу возвращали его хозяевам. Майкеля я уступила дяде Коле, а Форвард каждый день провожал меня в школу, и однажды он, как и Динго, не вернулся домой. Так исчез мой последний любимец, и я надолго, почти на 60 лет, рассталась с собаками.

О том, как изменилось отношение мамы к собакам, подтверждают два факта. Однажды Джерри, играя в комнате, обнаружил мамин пуховый платок, который она очень берегла, накинутым на швейную машинку. Он стал играть с платком, тянуть к себе и порвал его в нескольких местах своими зубами и металлическими стержнями для катушек. Я испугалась – думала, что мама в сердцах прибьет Джерри и выгонит навсегда из нашего дома. Но к моей радости – все обошлось! Джерри даже не наказали. Он ведь был еще маленький – только щенок, и не понимал, что сделал с платком. А мама заштопала дырочки на платке и продолжала его носить, пока через несколько лет не удалось купить новый платок. Мама всегда запрещала щенкам подниматься ко мне на постель и, найдя их на кровати, сбрасывала их на пол. А я ложась спать, убедившись, что родители заснули, тихо посвистев, звала щенка к себе. Маме пришлось привыкнуть к этому и разрешить им запрыгивать на мою постель.

На всю жизнь мама осталась верной дружбе, которая связывала ее со времен юности с двоюродными сестрами: Христиной Александровной

Титовой и Александрой Павловной Поповой (Клыковой). Мы, дети, называли их: тетя Тина и тетя Саня.

Христина Александровна молодой девушкой работала в конторе Зингеровской компании, которая распространяла швейные машинки в Коми крае. Часто она вспоминала, что владельцы компании к праздникам поздравляли и дарили своим служащим разные подарки. После Первой мировой войны она встретила вернувшегося с фронта знакомого солдата, Ивана Васильевича Титова, и вышла за него замуж. Ушла с работы, занималась домом и детьми, спокойно жила за спиной своего мужа. Очень хотела иметь девочку, но у нее, как назло, рождались только мальчики. Им дали имена: Леонид, Анатолий и Владимир. Тетя Тина любила наряжаться и показываться в обществе. До старости она сохранила быструю, легкую походку и не раз посмеиваясь говорила: «Спереди пенсионерка, а сзади я пионерка». Она отмечала все религиозные праздники, а после войны частенько приглашала к себе на обед и богослужение священников из Кочпонской церкви.

У Александры Павловны в жизни было много трагических событий. Она работала в военном комиссариате, где встретила с будущим мужем Степаном Семеновичем Поповым, когда он вернулся после гражданской войны. Ему дали направление в редакцию журнала «Коми му». Не успели они пожениться, как дом ее отца национализировали. Сначала ему с женой и сыном временно разрешили пожить на кухне первого этажа, а потом дали бесхозный обветшавший домик на ул.Орджоникидзе рядом с кирпичным домом М.Ф.Жеребцова. Теперь на месте этого домика стоит здание бывшего фотоателье «Объектив». Павел Алексеевич в свободное время строил дом для дочери и зятя, а пока до завершения строительства они ютились в погребе на родительском дворе. Когда у Александры Павловны родился сын, он заболел в таких условиях воспалением легких и умер на руках несчастной матери.

Зимой 1931 г. национализированный дом Клыковых сгорел. Павел Алексеевич вернулся с сплавных работ продрогшим, поужинал и забрался на печь греться. В это время у жены были соседки, они пили чай и потихоньку разговаривали. Вдруг прибежали соседи, увидевшие пожар, и наперебой начали кричать: «Павел Алексеевич! Павел Алексеевич! Наверно, Ваш дом горит!». Все побежали на пожар, но спасти дом было уже невозможно. Пожарные спасали соседние дома, поливали крыши, на которые летели искры и головешки, выносили детей. К дому Чуистовых, где жила Синцова-Попова Ксения Александровна, прибежали учащиеся ремесленного училища. Они, как вспоминает Ксения Александровна, закидывали снег на крышу и тем спасли дом от огня.

Павла Алексеевича обвинили в поджоге дома и тут же арестовали. Но проведенное следствие установило настоящих виновников пожара. Ими оказались сторожика тетя Поля и ее сын Ким, которые постоянно выпивали, а в тот злополучный вечер не проследили за топившимися печами. Павла Алексеевича выпустили. Но прошло несколько дней и его вновь арестовали, обвинив на этот раз в контрреволюционной деятельности. Сидел он в Верхнем Чове. Его жена, Анна Ивановна с дочерью Александрой Павловной и внуками, взяв лошадь у моего деда Петра Ивановича, съездили в Верхний Чов навестить Павла Алексеевича. Он держался бодро, не хотел их расстраивать. Через несколько дней группу заключенных в количестве 30-35 человек повели под конвоем в Сыктывкар. Впереди колонны шагали Павел Алексеевич и священник. Когда заключенные проходили по Тентюково, сторожика школы увидела Павла Алексеевича и поклонилась ему. Он же, узнав ее, показал рукой на грудь (его ведут на расстрел), но малограмотная женщина решила, что он хочет есть и надо передать родственникам. Сторожика побежала к его сестре, Татьяне Алексеевне, а та уже поспешила в город и рассказала Анне Ивановне. Всю ночь Анна Ивановна с дочерью стряпали и готовили еду для передачи Павлу Алексеевичу. И когда все было готово, рано утром, так и не спавши, с несколькими узлами они направились в тюрьму. Там их просто обманули, заявив, что заключенных отправили на пароходе в Архангельск. Прибежали, запыхавшись, на пристань, где узнали, что в этот день ни один пароход не отходил от Сыктывкарской пристани. Тогда они вернулись в тюрьму, а теперь им заявили: «Ищите сами»...(!)

Павла Алексеевича в числе десяти человек 14 мая 1931 г. ночью расстреляли в местечке Дырнос. Анна Ивановна с дочерью и Татьяна Алексеевна с сыном Василием две ночи искали могилу расстрелянных. Ходили в лес к Дырносу с уздечкой, делая вид, что разыскивают пропавшую лошадь. Раскопали какую-то могилу, но Павла Алексеевича не нашли. Дальше копать не решились, так как пугались каждого шороха.

Трагической была судьба и его сына Ивана. Иван Павлович был скромный и деликатный молодой человек. Работал в Горкомхозе шофером, возил песок и гравий. Любил покатать по городу своего племянника Леню с товарищами. В середине 1930-х гг. трое водителей после работы решили выпить. Сторожика принесла вареную картошку, мужчины – водку и рыбу. Посидели, выпили, закусили и поговорили. Собственно говоря, разговаривали только двое – водители Гамзин и Сорвачев. А Иван Павлович был из категории молчунов, он только слушал. На них донесли, что кто-то из них сказал: «Скоро будет война». Всех троих судили и посадили.

Иван Павлович, отсидев свой срок, не решился вернуться домой. Он уехал в г. Печора и работал на прокладке электролиний. В летние каникулы

1944 г. его племянница Тамара, дочь Александры Павловны, решила с несколькими подругами прокатиться на пароходе по р. Печора, посмотреть Север нашей республики и зайти с поручением в Районный потребсоюз. Вышли из вагона на вокзал и попали на базарчик. Здесь Тамара случайно встретила своего дядю, узнала его и заговорила с ним. Для Ивана Павловича это было полной неожиданностью. Он не узнал ее и спросил: «А кто Вы такая?». Узнав, что она дочь его старшей сестры, пригласил к себе в барак. В его крохотной комнате была железная печка, стол и деревянные нары. Поговорили по душам: Иван расспрашивал о семье, Тамара уговаривала его вернуться домой. Затем написала ему мать, чтобы он не стыдился, что был в заключении, и поскорее вернулся в Сыктывкар. Наконец, Иван Павлович решился, вернулся домой. Но он был уже неизлечимо болен, прожил всего несколько месяцев и умер от воспаления мозга. Сказалась работа на высотных линиях, на пронизывающем ветру и в зимние морозы.

Есть такая меткая русская пословица: «Пришла беда – отворяй ворота!» В годы войны Александре Павловне пришлось пережить еще одно – уже четвертое горе! Летом 1942 г. ее сын Леня был убит в Трехозерке, в той охотничьей избушке, которую построили наши отцы.

Несмотря на все эти горести и печали Александра Павловна осталась добрым, сердечным человеком, щедрой и гостеприимной. Больше 60 лет встречались кузины и делились своими радостями и печалью, всем чем могли помогали друг другу.

Я любила бывать у Александры Павловны, играть с ее дочерьми Тamarой и Ирой. За домом у них стоял двухэтажный амбар, где я нашла две толстые старинные книги «История Петра Великого» и «Астрономия». Тетя Саня разрешила мне взять себе эти книги. В конце огорода росла большая черемуха. Под руководством Лени, брата Иры и Тамары, мы влезали на нее, расселись на толстые ветви и разговаривали, воображая, что мы находимся в лесу. Осенью мы лакомились поспевшими ягодами. Мне до сих пор снятся сны, что я прохожу по улицам какого-то селения мимо частных деревянных домов по тропинкам и рассматриваю кусты черемухи с крупными черными ягодами, которые хочу сорвать.

Дочери Александры Павловны, Ира и Тамара – не просто сестры, они – двойняшки. Ира была брюнеткой с голубыми глазами, похожая на маму, а Тамара – блондинка, точная копия отца. Росли они довольно капризными. Если что-то было не по ним, они ложились на землю и могли плакать и кричать, пинаясь и топая ногами, выпрашивая то, что им нужно. Александра Павловна однажды в беседе со мной рассказала, что наш отец мог очень быстро отвлечь ее дочек от капризов. Как-то плачущую Тамару посадил себе на колени, нарисовал на листе бумаги большое красивое яблоко и начал

что-то рассказывать ей. Тамара смотрела на рисунок, слушала, сама потянулась к карандашу и вскоре перестала и плакать, и капризничать.

Наша мама дружила с Александрой Павловной, но не очень-то хотела, чтобы наш отец встречался и дружил со Степаном Семеновичем. Дело в том, что Степан Семенович, выпив немного, становился неуправляемым, поднимал руку на тетю Саню. Мама это знала и боялась, как бы эта отрицательная привычка не повлияла на ее Ленчика. Отец наш не пил ни вина, ни водки более девяти лет. Когда он бывал в гостях и сидел трезвым, друзья подшучивали над ним, называя «красной девицей».

Но постепенно дружеские застолья после работы в типографии, а также в лесу после успешной охоты или рыбалки в компании друзей-охотников сломили его упорное сопротивление, и отец начал употреблять спиртное. Конечно, в меру и без рукоприкладства. И что примечательно, что даже под хмельком в самое грязное время возвращался домой, не запачкав свои красивые блестящие сапоги.

В начале 1930-х гг. наш отец продолжал работать в издательстве. Но начались страшные годы сталинских репрессий. Комиссия по чистке советского аппарата дважды, в 1933 и 1934 гг., увольняла отца под разными предлогами с работы. В 1931 г. ему объявили выговор «За необсуждение в коллективе сотрудников выводов бригады комиссии по чистке Издательства и за недачу заключения «Об опыте электрозавода в Москве, перешедшего на хозрасчет». Областная комиссия этот приказ отменила и выговор сняла. В приказе за март 1934 г. написали, что «Попов Л.В. уволен за грубое отношение к рабочим». А вот совершенно противоположное мнение сотрудницы типографии А.С. Овериной-Модяновой, которая несколько лет работала под руководством отца и благодаря ему выросла из кассира-счетовода до главного бухгалтера издательства.

– Заметно выделялся Леонид Васильевич, – вспоминает она, – внутренней культурой и тактом в обращении с людьми. Особенно вежлив он был с нами – женщинами. Неважно, кто с ним разговаривал: интеллигентная женщина с высшим образованием или малограмотная уборщица, каких много было в типографии. Не помню ни одного случая, когда бы он повысил голос на своих подчиненных, всегда был приветлив с нами. Он никогда ни приказывал, а просил или убеждал.

Агния Степановна в своих воспоминаниях называет отца «своим добрым наставником»:

– Прошло 55 лет, как я переступила порог бухгалтерии, но до сих пор отчетливо помню, каким был мой учитель и добрый наставник Леонид Васильевич ... Это был молодой, высокого роста, стройный, красивый мужчина. Веселые серо-голубые глаза еще больше красили его. Всегда акку-

ратный, подтянутый, в хорошо сидящем костюме, в хромовых сапогах, начищенных до блеска. Все наши сотрудники любили и уважали своего «главного финансиста». Все понимали, что его увольняли за отца, бывшего земского деятеля, объявленного буржуазным националистом. Городской народный суд отменил приказ об увольнении и восстановил отца на работу. Но отец после этого второго увольнения не захотел восстанавливаться, навсегда порвал с издательством и перешел бухгалтером-ревизором в отдел «Союзпечать» Управления связи Коми АССР. По условиям работы теперь он выезжал в командировки, поэтому мы уже реже видели его дома.

Зимой 1940–1941 гг. отец приезжал в Ухту с ревизией в районное отделение связи. Совершенно случайно он встретил на улице Агнию Степановну, которая вместе с мужем С.В. Модяновым в 1940 г. переехала в Ухту. Степан Васильевич тоже был сотрудником Республиканской типографии, его направило руководство в Ухту для организации районной типографии. Агния Степановна устроилась работать главным бухгалтером в Ухтинский городской отдел народного образования. Случайная встреча обрадовала их, они надолго сохранили теплые воспоминания о годах сотрудничества и об этой последней встрече.

Как только отец приезжал из командировок, по воскресеньям он как и прежде отправлялся в лес, на охоту, но уже без своего хорошего помощника – Динго. Теперь с ним изредка ходил на охоту мамин младший брат, Николай со своим гончаком Майклом, которого я когда-то ему подарила. Николай учился в Коми государственном педагогическом институте на физико-математическом факультете. Уже несколько лет он был чемпионом республики по лыжным гонкам на разных дистанциях. Как и отец, он был удачливым охотником, но времени у него было меньше, так как ему приходилось часто ходить на тренировки, соревнования, участвовать в многодневных дальних лыжных походах.

Еще хотелось бы вспомнить наш двор и рассказать о моих цветах. Из всех времен года я особенно любила весну и с нетерпением ждала, когда наступит эта чудесная пора. Конечно, я любила искристую, белую, снежную зиму с катанием на лыжах и коньках, с деревьями, покрытыми пушистым снегом и веселым хрустом снега под ногами. Любила и осень, сухую и солнечную, расцвеченную желтыми и красными листьями наших берез, рябин и осины. Но весна для меня была как большой радостный праздник и не только потому, что оживала природа после зимней спячки, наступали чудесные белые ночи, когда можно было читать книги у окна, и одновременно начинались интересные поездки, экскурсии и походы ... Но главное – весной я начинала свой многолетний кропотливый труд по преобразованию нашего двора и созданию цветника. Стоит мысленно

обозреть то, что представлял наш двор после нашего переезда? Значительную часть двора занимал красивый естественный лужок с желтыми лютиками и калужницей в серых местах. Зато вся территория у дома была неровной, с ямами, буграми и рытвинами. Глубокие ямы остались там, где брали глину для изготовления кирпичей и землю для утепления полов и потолков. Только две ямы до половины были заполнены стружками и опилками, оставшимися после строительства. В одной из ям с чистыми светлыми стружками мы прыгали как на батуте, пока стружки не рассыпались от наших прыжков.

Но как только я перешла в 6-й класс и немного поумнела, я занялась полной перепланировкой дворовой территории. Срезала все бугры, закапывала ямы, ведрами носила землю со всех мест, где можно было найти песок или чернозем. На это ушло несколько лет. В это же время я копала клумбы и рабатки и затем начала свои первые посадки. Принесла три ветки, срезанные со «старшего брата» – тополя на дедовском дворе по ул. Кирова. Поставила в воду и, как только появились корешки, высадила их рядом с клумбами. Прижился и вырос из трех веток только один тополь. За 55 лет он стал настоящим гигантом, который превзошел высотой и пышной кроной все деревья в округе. А его деточки-веточки уже двинулись дальше: в Усть-Цильму и в школу-интернат № 2 (теперь № 6) в Ухте.

С моей подругой Гертой мы несколько раз ходили в городской парк смотреть цветы и однажды осенью собрали семена с каких-то цветов. Посадили весной около своих домов. Когда появились первые цветы, на очередь дня стал вопрос сооружения забора. Надо было защитить цветы от кур, коз и собак, которые свободно гуляли по всем дворам, так как тогда еще не было между ними плотных заборов. Заборы строились со стороны фасадов домов и выходили только на улицу Интернациональную. На мою просьбу построить забор отец ответил: «Рая, доски, штакетник, надо покупать. Они стоят не дешево, денег мы сейчас не найдем. Но я подумаю и заборчик тебе сделаю». В воскресенье он вместо рыбалки пошел в лес, заготовил там тонкие жердочки и столбики, потом перенес все домой. Вечерами после работы начал сооружать забор. Мы с братом помогали копать ямы для столбиков, отмечали на жердочках необходимую длину и т.д. За три-четыре вечера цветник был надежно загорожен. Но, увы, забор спасал цветы от животных, но не от людей-воров. Те же Лыткины, точнее их молодое поколение, забирались в мои владения в те дни, когда мы всей семьей отправлялись на целый день. Когда мы возвращались домой, я с огорчением видела, что некоторые цветы похищены с корнями, другие вырваны и разбросаны вокруг клумбы. Но, как говорят, «не пойман, не вор». Я плакала, но потом терпеливо высаживала на опустевшие места новую рассаду.

Однажды летом 1937 г. я пошла в парк посмотреть, какие цветы расцвели там на клумбах и какие из них я хотела бы развести у себя в цветнике. Через некоторое время я обратила внимание на небольшую группу людей, которым пожилая женщина что-то рассказывала о цветах. Они переходили от одной клумбы к другой и продолжали беседу. Тут уж я не выдержала и потихоньку присоединилась к этой компании, а потом расхрабрившись и сама начала задавать вопросы. Когда гости ушли, я познакомилась с этой женщиной. Ее звали Вера Степановна Камбалова, она была большая любительница цветов. Дом ее по улице Бабушкина на спуске от Драматического театра расположен был в глубине, а всю территорию от улицы до дома занимали сад и цветник. Вера Степановна на несколько лет стала для меня главным консультантом по цветоводству. Она делилась со мной своими знаниями и опытом, дала мне первый кустик сирени, поделилась майскими ландышами, дельфиниумом и другими многолетними цветами.

В следующий раз я принесла от Веры Степановны кустики жасмина и белой сирени. Жасмин вырос и зацвел кристально белыми упоительно пахнущими цветами, но в сильные морозы через два года он замерз и после этого я не заводила жасмин. Поняла, что такой кустарник предназначен для более теплых краев. Не раз замерзала и белая сирень, но нижние ветки и молодые стебли, выходящие из земли, спасал снег. Куст этот постоянно замерзал и вновь вырастал. Кусты сиреневой сирени росли быстро, морозов не боялись. В июне они стеной стояли, покрытые душистыми кистями. Из семян вырастила желтую акацию и посадила десяток кустов вдоль забора, который теперь отделял наш двор от бани и огорода Лыткиных. Затем появились на клумбах и рабатках анютины глазки (в честь нашей мамы), аконит, ночная фиалка, турецкая гвоздика, даурская лилия, розовые флоксы, а позднее всех – тюльпаны и душистые нарциссы.

С марта на подоконниках у меня стояли ящики, где я выращивала рассаду однолетних цветов. Когда в 1950-х гг. я стала работать в Министерстве просвещения Коми АССР, рассаду я стала покупать на станции юных натуралистов.

Рано утром, только проснувшись, я спешила в садик. Хотела посмотреть, как растут, набирают бутоны и распускаются мои цветы. Я знала каждый кустик, каждый бутон. Для меня это было большое удовольствие, настоящее счастье – смотреть, любоваться и вдыхать аромат распустившихся цветов. Подбирала красивый букет цветов и ставила в вазу на большой стол. Вечером переносила вазу с цветами поближе к изголовью моей кровати. Удивительно, что от запаха цветов у меня никогда не болела голова, хотя многие предупреждали меня об этом. Вечером предстояла большая работа – надо было поливать цветы. Воду я носила из колодца, наливая в корыта, чтобы в

течение дня она нагрелась. Приходилось носить до 32-35 ведер! И здесь мне никто не помогал. Ни брат, ни сестра никогда не изъявляли желания копать, садить и поливать в цветнике. А я постепенно расширяла цветник в сторону дома Сидоровых, и так он становился все больше и красивее, пока не стал настоящим украшением двора. Все любовались цветами, но, увы, так никто и не помогал!

За все годы я не продала ни одного кустика, ни одного цветка. Как и В.С.Камбалова, раздавала рассаду всем друзьям, знакомым и желающим. Мой цветник просуществовал 55 лет, пока не началось по соседству строительство огромного жилого дома завода «Орбита». Завод не построили, а наш двор разорили. Цветы и кусты растащили строители. На стройку они привозили стройматериалы, а обратно – все, что можно было выкопать у меня и посадить около своих домов или на дачах. Тополь спилили, но справиться с ним не могли – слишком большим он для них оказался. Тогда распилили его на чурбаки и затолкали в наш колодец. Все, что было создано за 55 лет, было уничтожено за лето!

Сейчас, вспоминая свой прекрасный цветник, я не могу понять, откуда у меня появилось желание разбить в цветнике не только клумбы, но и рабатки, откуда такое стремление к строгой симметрии и выравниванию всего и вся? В те годы я еще нигде не бывала кроме Архангельска (1937 г.), не читала специальных книг по цветоводству и садоводству. Только теперь, когда я побывала в Германии, Болгарии, Франции, в Прибалтике, в Крыму, Москве, С-Петербурге и других местах, я отличаю английские пейзажные парки от французских регулярных парков, знаю как выглядит партер перед дворцом, что такое итальянский партер, итальянский огород и многое другое. Может быть, помогли в этом две книги, которые я внимательно изучала в те годы, а также и впоследствии – это «Париж» и «Рим эпохи барокко». Теперь за давностью лет уже не помню – были или нет в этих книгах кроме истории и архитектуры снимки садов и парков? И книги о Париже у меня теперь совсем другие, современные с яркими цветными иллюстрациями.

Так шли годы. Первое сентября 1930 г. я пошла в школу. Начался новый период в моей жизни. У меня появились школьные друзья, дружба с которыми сохранилась на всю жизнь.

О.В. Золотарев

***Теневые стороны жизни Коми автономии
в период НЭПа****

Окончание гражданской войны страна Советов встретила глубоким экономическим кризисом. Недовольство тяжелым экономическим положением вызвало активизацию негативных сторон жизни общества: пьянства, наркомании, агрессивного поведения, хулиганства, проституции и преступности. Причем, если в военный период несмотря на всю тяжесть жизни наблюдалось сокращение количества нарушений общественного порядка, ибо в стране работали нормы военно-коммунистического режима, нарушение которых каралось по законам военного времени, то с возвращением к относительно мирной жизни волна девиантного поведения и преступности резко возросла. Ведь теперь контингент лиц, склонных к насилию и просто антиобщественному поведению, не мог «выпускать пар» в революционной или же контрреволюционной активности. Кроме того, переход к нэпу вызвал развитие частного предпринимательства и торговли. Возросло количество рынков, трактиров и других значных мест, которые являлись благоприятной средой для развития преступного мира. Причины общего плана дополнялись и частными. В начале 1920-х гг. в стране имелось большое количество беспризорников, у жителей на руках находилось значительное количество оружия, органы правопорядка были ослаблены серьезными сокращениями, слабым материальным обеспечением (вследствие экономии бюджетных расходов) и неудачным подбором сотрудников (в милиции было большое количество новичков, имеющих весьма смутное представление об особенностях милицейской службы). Сосредоточение у представителей делового мира немалых денежных средств вызвало увели-

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Повседневная жизнь сельского и городского населения Коми края в XIX–XX веках»).

чение такого рода преступлений, как вымогательство, мошенничество и т.п. Активизация преступности в особенности коснулась промышленных центров страны. Это было быстро замечено обывателями крупных городов. Петроградский врач Л.М.Василевский писал: «До времени новой экономической политики улица большого города носила характер строгости и труда, но в последнее время она порядком загрохотала» [1].

Но, конечно, негативные проявления жизни общества были заметны не только в крупных промышленных центрах страны. НЭП обострил эти проблемы и в далекой провинции, где нэповское влияние наблюдалось с неменьшей остротой и отвратительностью. В первую очередь, это касалось такого явления, как пьянство, ведь нередко оно получало свое распространение от безделья, людям было просто нечем себя занять. На далеких окраинах государство не смогло должным образом организовать культурно-просветительную работу, досуг людей.

Кроме того, если в период гражданской войны довольно быстро и решительно подавлялись проявления пьяной анархии, велась борьба с самогонованием, при этом пьяница или самогонщик могли быть объявлены и контрреволюционерами. Декретом от 19 декабря 1919 г. была резко ограничена и возможность торговли спиртными напитками. Фактически была введена государственная монополия на продажу спирто-содержащих веществ. Советская власть способствовала и складыванию мифологизированного образа контрреволюционера, неотъемлемыми характеристиками которого были разврат, бессмысленная жесткость и пьянство, как символы уходящего мира [2].

В то же время определенная мягкость мер в борьбе против пьянства была связана и с идеализацией руководителями советского государства образа пролетария. В.И.Ленин не раз говорил о том, что рабочий класс «не нуждается в опьянении, которое оглушило бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянение половой несдержанностью, ни опьянение алкоголем». Исходя из этих соображений, В.И.Ленин не раз настаивал на полном запрете торговли спиртным [3].

Однако с приходом новой экономической политики меняется и отношение власти к потреблению алкоголя. Политбюро ЦК РКП(б) обсуждает вопросы о разрешении употребления вина, об использовании вина для товарообмена и т.п. Но руководство страны столкнулось на этом пути с труднопреодолимой сложностью – самогонованием. Оно постоянно росло. Если в 1922 г. было выявлено 94 тыс. очагов самогонования, то в 1924 г. – 275 тыс. [4]. Во многом из-за безуспешности борьбы с самогонованием руководство страны было вынуждено легализовать торговлю спиртным (которая, впрочем, никогда и не прекращалась).

В 1924 г. была введена государственная винная монополия: начался выпуск водки, были определены и санкции за нарушения правил торговли спиртным. Декретом СНК СССР от 28 августа 1925 г. продажа водки была официально разрешена. По имени тогдашнего Председателя Совнаркома А.И.Рыкова эту тридцатиградусную водку прозвали «рыковкой». Власти считали, что эти меры, направленные в основном на пополнение бюджета, носят временный и вынужденный характер. Они будут действовать до тех пор, пока не появятся устойчивые источники бюджетных доходов. И.В.Сталин в конце 1927 г. в этой связи подчеркивал, что продажа водки необходима как средство извлечения оборотных средств «для развития нашей индустрии своими собственными силами» [5]. Действительно, продажа спиртного быстро стала существенным источником государственных доходов. Доля от продажи спиртных напитков выросла в государственном бюджете с 2% в 1923/24 финансовом году до 12% в 1927/28 году. Это сделало для власти весьма соблазнительным увеличение продажи спиртных напитков. Производство алкоголя быстро росло. Однако немедленно выявились и отрицательные последствия потребления спиртного. Например, в Ленинграде годовое потребление спиртных напитков на душу населения достигло в 1927 г. 59 литров. Рост пьянства привел к увеличению смертности от отравления спиртным (почти в 18 раз), выросло и число больных алкогольными психозами (почти в 10 раз) [6].

Такое обострение ситуации вынудило власти возобновить антиалкогольную кампанию. К тому же общая идеологическая концепция говорила о том, что советский человек должен вести трезвый образ жизни, ведь причины, порождавшие пьянство в дореволюционной России, в Советской стране изжиты. Поэтому алкоголизм стали считать пороком, с которым нужно бороться. Антиалкогольная пропаганда возобновилась. В ее проведение было вовлечено большое количество людей. Целью данной кампании было создание нетерпимой обстановки вокруг пьяниц. В молодежной среде в моде были политсуды и демонстративное закрытие питейных заведений комсомольцами. Пик пропаганды пришелся на время Всесоюзного комсомольского культпохода (конец 1928 – начало 1929 г.). Именно тогда был создан Всесоюзный совет противоалкогольных обществ (в 1928 г.), в январе 1929 г. принят антиалкогольный закон (в городах и рабочих поселках в целях укрепления трудовой дисциплины запрещалась продажа спиртного в общественных местах, в праздничные и предпраздничные дни) [7].

К концу 1920-х гг. кампания по осуждению пьянства стала принимать довольно отчетливо выраженный политический характер. Людей, злоупотреблявших спиртным, теперь считали не только жертвами капиталистического прошлого, нередко они объявлялись и пособниками «троцкистско-

зиновьевской банды». Комсомол объявил пьянки «главным методом вражеской работы среди молодежи». Постепенно профилактические и воспитательные мероприятия заменялись жесткими административными мерами, производство спирта стало уменьшаться. Вскоре официальная статистика стала свидетельствовать о постепенном сокращении употребления спиртного [8]. Возможно, приводимые официальной пропагандой цифры были занижены, но, наверное, нельзя отрицать и определенный положительный эффект от принятых мер.

Впрочем, это происходило уже в 1930-е гг., а нэповский период был временем неумеренного потребления спиртных напитков. И не менее остро чем в центре, это ощущалось на окраинах страны. Яркой иллюстрацией такого положения служила и ситуация в Зырянской автономии. Коми обыватели очень быстро освоились с нэповскими правилами. И в крае уже с 1922 г. семимильными шагами развивается самогонование. «Из всех частных предприятий быстрее всех восстанавливается самогонное производство», – признается в статье местной газеты, многозначительно озаглавленной «Новая самогонная политика». В 1922 г. в области было выпито 85 тыс. ведер самокура, на производство которого было истрачено 100 тыс. пудов хлеба. Власти патетически восклицают: «Это ли не преступление, не срыв совработы, направленной к благу же крестьян». Власти пытаются штрафами бороться с самогонщиками и пьяницами. За январь–март 1923 г. в области было отобрано 37 самогонных аппаратов, 158 ведер закваски, 16 ведер самогона, оштрафовано 105 чел. Только во время одной облавы на дорогах, ведущих в столицу автономии, в октябре 1923 г. было конфисковано 20 ведер самогона. Однако эти меры плохо помогали. Уже в 1927 г. власти признают, что на водку население тратит 700 тыс. руб., гораздо больше, нежели было ассигновано на социальные нужды (всего 679 тыс. руб.). Указывается, что «поголовно идет самокурство и пьянство – не только рядовых жителей, но и начальствующих лиц, начиная с председателей Исполкомов, милиционеров и кончая низшим служащим. Над изданным обязательным постановлением о прекращении самокурства и пьянства только посмеиваются». Призывы об усилении наказания за самогонование и даже ужесточение мер борьбы с алкоголизмом результатов не приносили. Милиция в большинстве сел смотрела сквозь пальцы на самогонщиков, ибо, как печально констатировалось в газетах, «сама является большим любителем спиртных напитков». Местная пресса тех лет пестрит заголовками типа: «Милиционер поощряет пьянство и дебоши», «Пьяный секретарь», «Послепраздничные итоги» и т.д. Только после начала продажи 40 % водки самогонование в автономии довольно быстро пошло на убыль [9].

В определенной степени рост пьянства был вызван неумением власти организовать досуг населения. Партийные и комсомольские активисты полагали, что молодежи «нужно отставать от всего бесполезного, вредного, как-то от танцев, курения», что молодое поколение «необходимо...вырвать из-под мелкобуржуазного, мещанского влияния». Но заменить обычное времяпровождение из-за неразвитости культурной работы было нечем. Поэтому-то среди населения и были развиты пьянство, хулиганство, порой принимавшее колоссальные размеры. Например, из одной партиячейки сообщали, что из 63 коммунистов непьющих было только четверо. «Все остальные пьют...Самообразование коммунистов поставлено из рук вон плохо». В Сысольской волости «широко распространено пьянство... Есть магазины Центроспирта... в раз 5-6 больше употребляется самогон». И такое положение было не исключением, а скорее правилом. Особенно значительные масштабы пьянство принимало среди молодежи. Власти были всерьез озабочены этой проблемой, ведь, например, только за 1925–1927 гг. продажа водки в области возросла в три раза. Пленум Коми обкома партии в 1928 г. подчеркивал: «Важнейшим участком на культурной работе является борьба с пьянством». Пытаясь искоренить бытовое пьянство, власти стремились наладить организацию свободного досуга, много говорилось о необходимости борьбы с самокурением, закрытии лавок Центроспирта, создании «обществ по борьбе с алкоголизмом». Особые надежды в борьбе с зеленым змием возлагались на культурно-просветительную деятельность. Впрочем, эти надежды не оправдались в полной мере, и даже в 1937 г. областная партконференция была вынуждена констатировать: «Из-за отсутствия культурно-массовой работы среди рабочих и служащих развито пьянство... Пьют так, что умирают от водки». Пили и женщины, и даже дети [10].

При этом неумеренным потреблением спиртного оказались заражены не только рядовые жители области. Увлечению алкоголем в значительной степени был подвержен советско-партийный аппарат. Причем в пьяном угаре чиновники совершали поступки, которые явно дискредитировали власть. Сообщениями о таких проявлениях пестрят страницы местных газет. Так, только в 1925 г. таких происшествий было множество: Председатель Айкинского потреббщества А.М.Бьяков на масленицу «под влиянием самогона избил шесть человек», приехавший в Щугор для борьбы с самокурением милиционер Бажуков «напился, буянил, сломал два окна, железную печку, кое-кого грозил пристрелить». В с. Кобра председатель волостного исполкома Турубанов в Октябрьские праздники пришел на спектакль «пьяным, скандалил, приставал к учительнице». При этом подвыпивший руководитель хвастливо заявлял: «Я местная власть, что захочу, то и сделаю. Захочу – провожу праздники, а не захочу – также не пройдет». Местные жители

жаловались, что и на службе Турубанов «всегда пьянствует». В Турье Председатель волисполкома Кутысев после праздников не бывал на службе по несколько дней и «пакеты весьма срочные и секретные... ожидали прибытия застрявшего после масленицы или другого праздника главы волости». И эти случаи не были исключительными. Власти признавали, что пьянством «заражено до 30 % деревенских ячеек». Призывы же «освободить советский аппарат от пьянствующих работников» помогали слабо [11]. Ведь даже на областном уровне властные структуры были не чужды этого порока.

На V Областной партийной конференции (март 1924 г.) делегаты признавали: «Абсолютно непьющих среди нас едва ли кто найдет... Одной из ненормальностей и, пожалуй, главной среди работников является пьянство... Пьянство... наблюдается главным образом в самом областном центре... Пьянству летом и зимой подвержены работники советско-партийного аппарата и руководящая часть. С этим надо бороться». Однако несмотря на эти призывы мало что менялось. И на VI Областной конференции (октябрь 1924 г.) делегаты свидетельствовали: «Пьянство в организации почти поголовное, очень мало найдет непьющих товарищей, и борьба с этой болезнью не ведется». Подобные же речи велись и на VII партконференции (январь 1926 г.): «Основной болезнью в нашей организации является пьянство, а от него все последствия». Особенно делегаты были озабочены тем неблагоприятным впечатлением, что производит подобное поведение руководящих коммунистов на население: «Пьянство, хулиганство и прочее сильно отражаются в массе и подчас вызывают совершенно справедливые нарекания». Делались жесткие выводы о том, что «пьяная болтовня партийцев контрреволюционному шагу подобна». Действительно, ведь в пьянстве были замечены даже представители верхушки политической «элиты» Коми автономии: В. Сорвачев, А. Чирков, Е. Мишарин, А. Маегов и др. Конечно, подобное поведение столь видных коммунистов не могло не сказываться на авторитете власти. Тем более что сама власть учила, что «пьяницам не должно быть места на советской стройке», ибо «пьяный работник социализм строить не может». Ставилась задача: «Ни одного случая появления в выпившем виде на глаза беспартийной массы» [12]. Однако в реальности дело обстояло по-другому.

Даже в конце 1920-х гг. областная парторганизация признавала, что «пьянство остается пребывать нашей основной болезнью», «вот где самое больное место». Впрочем, к этому пороку стали относиться, очевидно, устав бороться, гораздо снисходительнее: «пьют все, и в этом большого партийного греха нет» [13].

Алкоголизм порождал и другие отрицательные явления – хулиганство и т.п. В местной прессе рост преступности обоснованно связывался именно

с пьянством: «Пьянство – и убийства, преступления на почве пьянства постоянно». В газетах мелькали сообщения, что в автономии хулиганство приняло такие размеры, что стало уголовной карточкой области в СССР. Власти самокритично считали, что это – результат «слабости... культурно-образовательной работы». Действительно, активность молодежи постоянно росла, а вот удовлетворить её запросы оказывались «не в состоянии». На Пленуме Коми обкома ВКП(б) в 1925 г. отмечалось, что «отсутствие увеселительных мест... не может не отразиться на массах. Не имея культурных очагов, она вынуждена заниматься пьянством, а отсюда хулиганством» [14].

Но, конечно, рост девиантного поведения не был особенностью Зырянской автономии. Именно в нэповский период по всей стране резко участились случаи хулиганства. Причем, как и в Коми области этому в немалой степени способствовали пьянство и самогоноварение. В некоторых регионах в середине 1920-х гг. число приговоренных к заключению за нарушение порядка возросло более чем в десять раз. При этом основная масса хулиганов была представлена молодыми (до 25 лет) рабочими. Рабочая молодежь составляла до 80 % всех хулиганов. Способствовало распространению хулиганства среди молодежи и снисходительное порой отношение новой власти к противоправным поступкам. Основным методом воздействия власти на совершившего правонарушение, даже преступление пролетария было порицание. Даже в 1927 г. А.В.Луначарский, выступая на диспуте, посвященном «есенинщине», говорил о том, что существует тип хулигана, полезный для социализма, отдавая дань большевистским теориям об уровне нравственных устоев молодого рабочего класса. После окончания гражданской войны распространению хулиганства способствовала тоска по вседозволенности и лихости военных времен. Характерно в этой связи одно из писем в «Комсомольскую правду», в нем признавалось, что рабочая молодежь «скучала за военным коммунизмом и шла орудовать финкой». Да и сам внешний вид приблатненных представителей молодежи выдавал эту тоску: брюки клеш, пышный чуб, тельняшка (полный комплект атрибутов анархистствующего революционного матроса с его вседозволенностью). Способствовала развитию хулиганства и среда рабочих городских окраин и изменившийся состав рабочего класса. Среди рабочих появилось много антисоциальных и асоциальных элементов – этому в немалой степени способствовало и решение НКП РСФСР (1925 г.) о перевоспитании беспризорников в рабочих коллективах, в результате огромное количество уже испорченных улицей подростков становилось рабочими, сохраняя при этом свое прежнее поведение. Сыграло свою роль и культивируемое властью пролетарское чванство. Молодые пролетарии воспринимали переход из угнетаемых в правящие как наделение привилегиями без обязанностей.

Нередко власть сама поощряла подобное поведение, когда в ходе проведения всякого рода пропагандистских кампаний (антирелигиозной и т.п.) одобряла хулиганские выходки молодежи. Таким образом, хулиганство именно в рабочей среде стало гораздо более заметным явлением, нежели до революции [15].

К этому времени выделился и типичный представитель советского правонарушителя: «Это человек человеком, чаще всего даже «свой парень». С рабочим номером и профбилетом в кармане... Его ореол – буза, мат, скандал, мордобой. Его царство – пивная, бульвар, клуб, киношка. Это он – король окраины, властелин предместий, гроза темных переулков» [16].

Однако к середине 1920-х гг. по мере нормализации мирной жизни власти спохватились, ибо осознали, что поощряют конфликт рабочей молодежи с общественным порядком. А действия хулиганов дискредитируют саму власть, демонстрируют её слабость, неспособность навести порядок. Но начавшаяся борьба с хулиганством, когда государство больше не желало мириться с нарушениями порядка, приняла политический характер. Под хулиганские действия стали подводить политическую подкладку. Фактически хулиганство было возведено в ранг политического преступления. А с середины 1930-х гг. практически все правонарушения стали рассматриваться именно с политической точки зрения и рассматриваться как преступления против устоев социализма. Однако и тогда, несмотря на придание этому весьма распространенному виду городской преступности острополитического характера, справиться с проявлениями хулиганства не удалось, и оно оставалось довольно типичной формой отклонения в поведении рабочей молодежи. Возможно, именно политизация хулиганства не позволила власти уяснить истинные причины его развития и наметить верные пути его ликвидации [17].

Не избежал бурного развития хулиганства и Коми край. Как и во многих других регионах страны этому способствовали революционные времена с их вседозволенностью, белый и красный террор и начало становления системы ГУЛАГа на Коми земле, которая становилась прибежищем всякого рода уголовных элементов. В итоге уровень преступности в крае уже к концу 1920-х гг. резко увеличился. Выросло и количество хулиганских проявлений. При этом нередко жители сами не осознавали, что в их поведении было что-то антиобщественное. Например, в областной газете «Югд туй» за сентябрь 1922 г. сообщалось о проезде по одной из центральных улиц столицы автономии Усть-Сысольска – Советской – отряда кавалеристов с песней. Казалось бы, ничего особенного. Но какие это были песни! «Слова их были настолько неприличны, что проходящие по тротуарам женщины отворачивались и старались скорее пройти этих «любителей песни». Автор

статьи делает глубокомысленный вывод: «Кавалеристы не должны забывать, что они не хулиганы банд Семенова,... а солдаты рабоче-крестьянской Красной Армии». Впрочем, такие морализаторские призывы не помогали... Вскоре хулиганствующие элементы стали обыденным явлением для столицы края. Газеты пестрят сообщениями о том, что по центру Усть-Сысольска «чуть ли не ежедневно ходят пьяные с криками, гиканьем, свистом, вламываются в квартиры жителей и нарушают спокойствие граждан». Такие явления не были уделом исключительно горожан. В деревнях положение ничем не отличалось от столичного. Так, газеты пишут о том, что в Чухломе «ежедневно на улицах пьяные». Драки и кулачные бои – «ежедневное украшение вечеров». В Сысольской волости «хулиганство развертывается во всю ширь. Становится опасно показываться вечером на улице» [18].

Милицейские сводки начала и середины 1920-х гг. полны сообщениями о хулиганских выходках молодежи, столкновениях с милицией. Так, в мае 1922 г. «в Усть-Выме было нападение толпы молодежи на патруль милиции», в Визинге Сысольского района «толпа пьяной молодежи напала на милицию, пытаясь разоружить... Побит один милиционер, ранен один гражданин». На почве повального пьянства обычным явлением стали массовые драки. Дрались деревня на деревню. Всюду молодежь подкарауливала и избивала «чужаков». В одном из милицейских рапортов сообщалось: «Рост преступности громадный, есть с человеческими жертвами. Хищений не так много. Свиристуют драки. Дерутся молодежь, зрелые и даже старики и бабы» [19].

К середине 1920-х гг. массовое хулиганство принимает в области столь значительные масштабы, что становится визитной карточкой автономии на севере страны. Газета «Югд туй» в 1926 г. в этой связи сетовала: «Хулиганство особенно пустило свои корни в коми деревне, являясь большим вредом в быту молодежи нашей области. В каждый христианский праздник бывают драки, зачастую убийства. В этом наша область отличается от других губерний нашего Союза ССР. Хулиганство в деревне имеет массовый характер. Учиться этому начинают с малых лет, следуя примеру старших. Наиболее активные, ловкие в этом озорстве, пользуются авторитетом среди остальной молодежи. Вред от этого хулиганства бывает в первую очередь крестьянам. Выйдут парни на улицу, телегу опрокинут среди улицы, крышу или баньку разберут, окна где-нибудь выбьют, крадут в огороде без всякой цели и т.д. Драки имеют большое распространение в деревне. Являясь как бы спортом, удовольствием для нашей молодежи. Дерутся обыкновенно деревня на деревню. Такие явления происходят почти во всех волостях и всем они общеизвестны». Последствиям же массовых драк являются убийства и ранения. Особенно страдают от хулиганских поступков девушки,

собирающиеся на посиделки: «Похабные песни, хулиганские выходки, кроют матом, срывают платья и т.д., но это делается парнями из простого хулиганства». Массовый алкоголизм, хулиганство, воровство практически дезорганизуют деревенскую жизнь. Так, в дер. Иб Сысольского уезда наблюдалась следующая картина: «Среди населения царит воровство и пьянство. Из народной библиотеки похитили все книги. Из нардома украли занавес. У школьного здания из двух углов стащили 4 звена водосточной трубы. У нескольких граждан «потерялись» одежда и хлеб. Из амбара волисполкома пропало 40 пудов хлеба, из них 10 пудов было школьного. Похитители обнаружены. Убийства процветают. В течение месяца было три трупа с ножевыми ранами. Молодежь опивается самогонкой». Причиной столь сложной ситуации был, по мысли представителей прессы, «хозяйственный подъем в деревне», приведший к улучшению материального положения крестьян. Это способствовало активизации сельской молодежи, которая, не сдерживаемая партийной или комсомольской дисциплиной, просто не знала, куда себя деть. Вывод более чем сомнительный. Ведь даже комсомольцы были подвержены и пьянству, и хулиганству. И никакая комсомольская дисциплина не могла их сдерживать. Газета «Югид туй» в этой связи сообщала из с. Пажга: «Комсомольская ячейка распадается. Молодежь предаётся пьянству и хулиганству». В хулиганских поступках на почве неумеренного потребления спиртного были замечены и ответственные работники. Так, из Сысольской волости в 1927 г. сообщали, что инструктор укома Князев «пьянствует и хулиганит» – избил пионеров. Впрочем, призыв шире разворачивать в деревне комсомольско-партийную работу, культурную пропаганду («газета должна вытеснить водку») был вполне уместен. Другое дело, что данное пожелание не подкреплялось в должной мере делом, серьезным сдерживающим фактором являлась нехватка средств. Поэтому призывы, что «газета должна вытеснить водку» оставались тщетными [20].

Не лучше, а, пожалуй, даже тревожнее, нежели в деревнях было положение и в рабочих поселках. Так, в Кажиме постоянные хулиганские выходки обозлили как жителей, так и представителей органов правопорядка. На каждый праздник устраивались массовые пьянки, заканчивавшиеся массовыми драками нетрезвой молодежи с тяжелыми последствиями. Упившиеся до чертиков пускали в ход ножи, топоры, ружья. Палили друг в друга просто так, из озорства. Имелись и жертвы [21].

К концу 1920-х гг. хулиганство в области приняло в определенной мере уже организованный характер. Очагами преступности в столице автономии стали окраины города – Тентюково и Чит. Появились и местные преступные «авторитеты», ставшие фактически руководителями шаек. Особую известность приобрели некто «Махно» из Вильгорта и его помощник по прозвищу

«Епипанович», тентюковские воры П. Тентюков, П. Конанов, Маегов и др. Их появление практически сразу вызывало массовые драки с применением ножей и топоров. Местная пресса даже публиковала на своих страницах списки самых известных усть-сысольских хулиганов, уже получивших тюремные сроки за свои «подвиги». Так, в октябре 1926 г. в газете «Югд туй» был напечатан довольно длинный перечень осужденных за хулиганство (в него вошли И. Коковкин, В. Забоев, А. Габов, С. Корытовский, Л. Попов и др.) [22].

Таким образом, несмотря на попытки искоренения хулиганства, оно на протяжении всего нэповского периода (да и значительно позже) оставалось наиболее типичной формой отклонения в поведении молодежи.

Хулиганство сопровождалось и проявлением сопутствующих росту преступности явлений, таких, как азартные игры, наркотики и проституция.

Что касается наркотиков, то революции, мировая и гражданская войны демократизировали тип российского наркомана. Способствовал развитию потребления наркотиков и запрет на производство спиртных напитков. Кроме того, власти фактически не противодействовали распространению наркотических веществ. В результате в Советской России наркомания перестала быть привилегией столичных городов, протянув свои щупальца в губернские, уездные центры и даже в сельскую местность, став чуть ли не бытовым явлением. Тем более, что достать наркотики в 1920-е гг. не было проблемой. Ими чуть ли не в открытую торговали на рынках городов мальчишки-беспризорники. В первую очередь наркоманами становились представители маргинальных групп: беспризорники, проститутки и т.п. Получили распространение наркотики и среди представителей преступного мира. В 1920-е гг. в России проявилась и новая тенденция: потребителями наркотиков становятся и стабильные социальные слои. Причем, не только творческая богема, но и молодые рабочие и даже представители правоохранительных структур. Этому в немалой степени способствовали в начале 1920-х гг. запрет на производство спиртных напитков и тесная связь рабочих с проститутками. Рабочие составляли свыше 10 % среди наркоманов [23].

Новая власть пыталась бороться с наркоманией. С 1919 г. за распространение наркотиков было предусмотрено наказание до 10 лет лишения свободы. Однако в тот период власть рассматривала наркотики как наследие «проклятого прошлого». Поэтому нэповский период был временем довольно либерального отношения к наркоманам. Государство высказывалось против идеи административного воздействия на наркоманов и их принудительного лечения. Политику властей в отношении наркоманов можно назвать социальным контролем. Основную тяжесть борьбы с наркоманией взяли на себя органы здравоохранения. Серьезный удар по наркомании был нанесен,

когда были разрешены выпуск и продажа водки. Кроме того, с середины 1920-х гг. ужесточился контроль за охраной государственных границ (что привело к резкому сокращению притока наркотиков) и за отпуском и использованием обезболивающих препаратов в аптеках и больницах. Наркотический бум постепенно стал сходить на нет. В провинции раньше, в крупных городах – несколько позднее. Изменилась и структура потребляемых наркотиков: место кокаина и морфия заняли так называемые легкие наркотики (анаша и гашиш) [24]. Однако начало 1920-х гг. было расцветом потребления наркотиков. Докатилась наркомания и до далекой Коми автономии.

Осенью 1922 г. в Усть-Сысольске был прикрыт притон наркоманов-кокаинистов. Наркотиками притон снабжал врач Иванов. Среди постоянных посетителей притона были как бывший белогвардеец, так и советский чиновник, и даже работник угрозыска. Помимо кокаина наркоманы баловались и азартными играми: играли в карты (игры «Алабама», «хап-хап» и др.) [25]. Так что наркотики и азартные игры шли рядом.

Причем, если поначалу отношение к азартным играм со стороны Советской власти было резко отрицательным и выдвигалась задача «закрыть все клубы и притоны, где производится игра в карты», то вскоре большевики, озабоченные пополнением бюджета, осознали, сколь выгодным может быть контроль над этой человеческой слабостью. С приходом нэпа эти тенденции усилились. В ноябре 1921 г. издается постановление, по которому допускается продажа игральных карт на территории страны. И органы местной власти стали охотно разрешать деятельность игорных домов, руководствуясь необходимостью пополнения бюджета. Так соображения финансовой выгоды привели к отказу от запрета на работу игорных домов и клубов. Действительно, доход от игорных домов достигал немалых размеров, составляя значительную часть бюджета местных организаций Деткомиссии и Всерокомпома [26].

Дошли эти послабления в области азартных игр и до автономии. В 1923 г. газета «Югд туй» сообщала: «Обфинотдел получил партию игральных карт около 2000 колод всех сортов. Продажа будет производиться в ближайшее время» [27]. Так что Коми край и в этом плане не отставал от других регионов страны, хотя, конечно, до открытия официальных игорных домов дело здесь не дошло, тем более, что законодательство запрещало открытие подобного рода заведений в уездных центрах и рабочих поселках.

Бок о бок с наркотиками и азартными играми шла проституция. Сохранению проституции в первые годы Советской власти способствовали как кризис семейных отношений, распад многих семей, ставший результатом войны и экономической разрухи, так и разрушительной политикой властей

в семейной сфере. Введение новой экономической политики и установление рыночных отношений усилили деструктивные тенденции в этой области. «Сексуальная революция», обострение профессиональной конкуренции, безработица, беспризорность в совокупности с относительной неналаженностью многих сторон быта, непродуманное реформирование школы и институтов воспитания привели к возрождению деятельности «жриц любви». Милицией Петрограда в 1922 г. отмечалось: «Все более или менее оживленные улицы города в вечерние и ночные часы кишат... женщинами, откровенно торгующими своим телом и обращающими на себя внимание вызывающим поведением». В северной столице, по данным милиции, промышляло проституцией не менее 30 тыс. женщин. И эта цифра оставалась неизменной до конца 1920-х гг. [28].

Поначалу власть не считала нужным вести борьбу с проституцией, полагая, что с «утверждением коммунистических основ хозяйства и общежития» она исчезнет. «Коммунизм – могила проституции», – провозглашалось в опубликованных в 1921 г. «Тезисах по борьбе с проституцией». Таким образом, проституция, как и многие другие человеческие пороки, провозглашалась «пережитком позорного прошлого» [29].

Работу созданной межведомственной комиссии по борьбе с проституцией на местах осуществляли местные Советы по борьбе с проституцией. При этом акценты этой работы постепенно смещались. Если поначалу подчеркивалось, что «борьба с проституцией не должна быть заменена борьбой с проституткой», ибо «проститутки – это только жертвы или определенных условий, или тех мерзавцев, которые их в это дело втягивают», то вскоре речь уже шла о социально-паразитическом элементе, составной частью которого являются и профессиональные проститутки. Они не способны исправиться, и поэтому к ним необходимо применять жесткие меры воздействия. Смещение акцентов во многом было обусловлено тем обстоятельством, что улучшение социально-экономического положения в стране должно было (по крайней мере, по мысли властей), но не вызвало уменьшение остроты проблемы проституции. Между тем, проповедуемая идея борьбы с проституцией, но не с проституткой не давала возможности властным структурам оказывать воздействие на представителей самой древнейшей в мире профессии. НКВД планировало вовлекать профессиональных проституток в трудовую деятельность. Однако трудности их адаптации в трудовых коллективах и острая ситуация с безработицей фактически сорвали эти планы. Поднимался вопрос и о воздействии на потребителей продажной любви. Предлагалось применять к потребителям (в зависимости от частоты их обращения к услугам жриц любви) такие меры воздействия, как товарищеское порицание или выговор, предание огласке, общественный

открытый суд и лишение избирательных прав. И даже было принято решение о публикации в прессе имен и фамилий мужчин, уличенных в связях с проститутками. Ужесточение мер борьбы с проститутками привело в 1929 г. к принятию специального постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О мерах по борьбе с проституцией». Оно рекомендовало создание учреждений трудового перевоспитания. Указывалось, что проститутку следует рассматривать «как социально вредный элемент с применением в отношении ее существующих мер воздействия». Началась принудительная чистка городов от проституток, которые ссылались в лагеря [30].

Но это было потом. А двадцатые годы были расцветом «самой древней профессии». Причем не только в столицах, но и в малых городах и даже деревнях. Это можно проследить и на примере Коми края.

Так, в 1926 г. местная пресса сообщала о раскрытии в столице автономии притона, который содержала Евдокия Кочева. Она в 1924 г. переселилась из Кирова в Вильгорт, вела мелочную торговлю. Но главным ее делом была вербовка девушек для занятий проституцией, и этим «она зарабатывала деньги». В итоге Кочева получила три года тюрьмы как содержательница «притонов разврата» [31].

Не отставала в этом плане от Усть-Сысольска и коми деревня. В 1925 г. милиция раскрыла притон в Ижме. Причем содержателем его был ссыльный монах Бодряшкин, прибывший в автономию вместе с архимандритом Ефремом. В Ижме «служитель культа» совместно с неким Федоровым организовал притон для подростков, занимаясь с ними гомосексуализмом [32].

Нередко выходцы из Коми края были и жертвами «сексуального рабства». В 1925 г. на всю область прогремела история жешартских девушек (сестер Мингалевых, Козыревой и др.), уехавших на заработки в Ленинград. Минина (бывшая прислуга купца Выдумкина, возобновившего свое дело) наняла их на работу на трикотажную фабрику. Однако трудились они не только на производстве. Им запрещалось выходить из мастерских, а ночью девушек заставляли работать проститутками, ибо при фабрике был попутно организован публичный дом. Ленинградский угрозыск прикрыл это дело, освободив всех «сексрабынь», в том числе и прибывших из Коми области [33].

Конечно, в удаленной от столичного разврата автономии проституция не принимала столь значительных размеров, как в Ленинграде или Москве, однако, как мы видим, и здесь эта теневая сторона жизни общества проявилась отчетливо.

Еще одним чрезвычайно тревожащим власти явлением был рост детской преступности. Дело в том, что гражданская война привела к гигантскому росту детской беспризорности. К началу 1921 г. в стране насчитывалось более 5 млн. беспризорников. НЭП не только не уменьшил, но даже увеличил

их число. Оно возросло к концу 1922 г. до 7 млн. чел. Ведь экономия финансовых средств, характерная для новой экономической политики, вела к закрытию целого ряда воспитательных заведений, позволявших хоть как-то наладить подростковый быт. В целях экономии средств увольнялись работники, проводившие воспитательную и профилактическую работу среди подростков. Итогом стала бесконтрольность подростков, порой полное отсутствие у них средств для существования, что вело к возрастанию на них влияния преступной среды (порой только с её помощью они находили возможности для пропитания). У беспризорников вырабатывалась привычка к антиобщественному поведению, развивались навыки преступных наклонностей. Дети-беспризорники организовывали преступные банды, которые совершали не только кражи, но и грабежи и даже вооруженные налеты (хотя все же основную массу преступлений, которые совершали подростки, составляли кражи – до 70 %). Бороться с детской преступностью должна была милиция. Работники угрозыска должны были выявлять беспризорников, а участковые были обязаны оказывать им всяческое содействие. Эти действия регулировались специальным приказом «О борьбе с детской беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних» [34]. В некоторой степени способствовало этому и решение Наркомпроса РСФСР (1925 г.) о перевоспитании беспризорников в рабочих коллективах: в итоге большое количество беспризорников влилось в рабочие коллективы (правда, непонятно, кто оказал большее влияние, во всяком случае, увлечение молодых рабочих уголовной романтикой стало гораздо заметнее).

В Коми крае проблема детской преступности так же была выражена весьма явственно. Ведь при нэпе в связи со значительным сокращением дотаций из центра и уменьшением расходов на учреждения народного просвещения для и без того немногочисленных учреждений области наступили непростые времена. В результате их число резко сократилось. Если в 1920 г. только в Усть-Сысольском уезде функционировали 20 детских садов и 21 детский дом, то в 1922 г. по всей автономии работали девять детдомов и 11 детсадов, которые обслуживали всего 350 детей. К 1925 г. сеть дошкольных учреждений еще больше уменьшилась: восемь детсадов, изолятор, детприемник и детгородок. Правда, обслуживали они большое количество детей (около 600 чел.). Положение еще больше осложнялось тем обстоятельством, что вследствие сокращения бюджетных расходов резко уменьшилось и количество школьных работников (к 1922 г. на 75 %), что способствовало развитию безнадзорности детей и, как следствие – увеличению детской преступности. Власти фактически признавались, что даже обследовать положение дел с детской преступностью они из-за недостатка

кадров (детские инспекции организовать не представлялось возможным) не в состоянии [35].

Да и имевшиеся детские учреждения, работавшие с большим напряжением, не были в должной степени обеспечены ни квалифицированным персоналом, ни одеждой, ни обувью, ни питанием. Их положение в этом плане было даже хуже, нежели в непростые времена гражданской войны. Кроме того, расположены они были на значительном удалении друг от друга, что затрудняло как оказание необходимой помощи, так и обмен опытом [36]. Впрочем, хотя о нормальной работе детских учреждений говорить не приходилось, необходимо все же отметить, что местные власти пытались сохранить их сеть, но ограниченные финансовые возможности не позволяли это сделать.

Именно материальные проблемы вели к тому, что дошкольные учреждения автономии обслуживали вплоть до начала 1930-х гг. мизерный процент детей (менее 2 %). Что и способствовало развитию в области детской преступности и беспризорности. Только, по официальным (вероятно, заниженным) данным, в 1925 г. в Коми области насчитывалось более тысячи беспризорных детей. Это была весьма значительная цифра, если учитывать сравнительно небольшое население автономии. Беспризорность вела к распространению подростковой преступности (воровство, хулиганство и т.п.). Для борьбы с ней еще в июле 1920 г. в Усть-Сысольске была создана комиссия по делам несовершеннолетних правонарушителей. Немало сделало для искоренения беспризорности и детской преступности общество «Друг детей» (организовано в 1924 г.). Поначалу оно ограничивало свою деятельность борьбой с беспризорностью, но после объединения местных организаций во Всероссийское общество, оно стало вести и культурно-массовую работу среди подростков, педагогическую пропаганду, осуществляло общественный контроль над внешкольными детскими учреждениями. Способствовала искоренению беспризорности и работа Коми отделения Фонда помощи детям им. Ленина (особым циркуляром ВЦИК в 1925 г. местным отделениям фонда была предоставлена полная самостоятельность в деятельности). С целью борьбы с детской преступностью в автономии практиковалась и такая мера, как прикрепление детей к крестьянским хозяйствам. Местные власти проводили и многочисленные кампании по оказанию помощи детям: шел сбор средств, усиливалась агитационная работа [37].

Однако решить проблему этими полумерами не удавалось. Нужна была хорошо организованная широкая сеть детских домов, а на ее создание средств не было. Наркомпрос пытался изыскать необходимые ресурсы путем превращения детдомов в «самопроизводящие коммуны», где дети получали

бы и рабочую специальность (на подобное решение вопроса было направлено постановление «О мероприятиях по подготовке воспитанников детских домов к трудовой общепольной деятельности (1925 г.)). Но в автономии данные действия особого успеха не имели [38].

Сама сеть детских учреждений в области была и к концу нэповского периода неразвитой. На территории народа коми действовало всего 51 детучреждение. Они обслуживали около 1,5 тыс. детей. Нехватка мест часто вынуждала власти отказывать в приеме в детдома. Наркомпрос справедливо указывал на «зачаточность» дошкольного дела в автономии. Поэтому количество беспризорников в области практически не уменьшилось: к концу 1920-х гг. их насчитывалось около 750 чел. И тенденции к уменьшению их числа не прослеживалось. Причины подобного положения нередко крылись не только в отсутствии средств, но и равнодушии местных властей, которые не проявляли должного внимания как к нуждам детских учреждений, так и к проблемам беспризорности. Пленум Коми обкома ВКП(б) в 1928 г. указывал, что «на местах не обращают никакого внимания на беспризорность» [39]. Именно поэтому и к концу 1920-х гг. проблема как беспризорности, так и детской преступности в автономии стояла по-прежнему весьма остро.

Но, конечно, еще более серьезные вопросы вызывал рост не детской и подростковой, а взрослой преступности. Ему в определенной степени содействовало и поначалу весьма снисходительное отношение новых властей к уголовным преступлениям. Так, например, в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. максимальное наказание за кражу составляло всего три месяца лишения свободы, за квалифицированную кражу личной собственности – один год лишения свободы, кражу госсобственности – два года, грабеж – пять лет, квалифицированный грабеж – десять лет лишения свободы. В реальности наказания были гораздо мягче. Такой подход был связан с марксистским взглядом на природу преступности, согласно ему преступность порождали социальные условия жизни общества, бедность и нищета населения. Ликвидация социальных язв, по мысли новой власти, должна была привести к ликвидации не только условий, порождавших преступления, но и самой преступности. Постепенно формировались и характерные черты нового уголовного и уголовно-процессуального права. Это, прежде всего, классовый подход, вынесение наказания не только на основе вины, но и социальной опасности подсудимого и приоритет государственных интересов над личными [40].

Однако действительность оказалась гораздо сложнее теоретических выкладок. Преступность и не думала исчезать, она быстро изменилась и приспособилась к изменившимся условиям. Нэп же вызвал всплеск пре-

ступности. Резко увеличивается число, прежде всего, экономических и имущественных преступлений, бандитских проявлений. К 1924 г. (по сравнению с 1922 г.) число осужденных за уголовные преступления возросло в два раза (до 2 млн. чел.). Рост преступности заставляет власть изменить точку зрения на деятельность криминального мира. Начинает преобладать взгляд на уголовника как на деклассированный элемент, чья деятельность угрожает задачам строительства социалистического общества. Постепенно начинают преобладать карательные меры воздействия на уголовные элементы. Права ГПУ в борьбе с бандитизмом были серьезно расширены. Ужесточается отношение к рецидивистам и в местах лишения свободы. Основой государственной политики в отношении борьбы с профессиональной преступностью становится постоянное ужесточение карательных мер. Эти действия власти опровергают один из весьма устойчивых мифов советского периода истории, о «социальной близости» уголовной преступности большевистскому режиму, который фактически и не боролся с уголовниками. В целом, опыт борьбы с преступностью советского режима свидетельствует о том, что сколь бы жесткими не были карательные меры государства, они не в состоянии искоренить преступность, хотя и заметно снижают ее влияние на жизнь общества, сравнительно быстро «обуздывая» криминальные взрывы и не допуская значительного ухудшения криминальной ситуации [41].

Однако осуществление новой экономической политики весьма способствовало росту преступности, в том числе не только в крупных городах, но и в таких отдаленных провинциях, как Коми область. Власти автономии констатируют значительный рост хозяйственных преступлений, взяточничества, мошенничества, выросло и число весьма серьезных преступлений, в том числе и убийств. Особенно тревожило власти широкое распространение взяточничества в советском аппарате (оно «достигло громадных размеров»). Мздоимство проникло в самые глухие уголки автономии. При этом развитие этого рода преступлений связывалось именно с нэпом. Так, в газете «Красная Печора» подчеркивалось: «Взяточничество, как один из крупных родов преступлений, развивается за последнее время в Советской республике в связи с нэпом и, в частности, по Коми области в довольно крупных размерах, начинают нити доходить и в Ижмо-Печорский уезд». Всего же, согласно статистическим данным, только за 1926 г. коми областная милиция завела свыше 2,7 тыс. дел, угрозыск – еще свыше 500 уголовных дел. В том числе были совершены 373 кражи и 29 убийств [42].

Росту преступности, как и по всей стране, способствовала и определенная неадекватность наказаний, их чрезвычайная мягкость даже за тяжкие преступления. Так, например, за покушение на убийство милиционера в

Усть-Выми некий Тренькин получил в 1922 г. пять лет лишения свободы, за убийство целой семьи давали 8-10 лет. В то же время за взятку в пуд хлеба можно было получить три года тюрьмы, за мзду в 1-2 бутылки самогона – четыре года, за опоздание красноармейца из отпуска – шесть месяцев заключения. В последнем случае газеты даже подчеркивали тяжесть наказания: «Так наказывает пролетарская власть дезертиров-изменников и предателей трудового народа» [43].

В результате количество тяжких преступлений в автономии росло. Этому способствовало и то, что к середине 1920-х гг. преступность стала менять свой вид (особенно это стало заметно в крупных населенных пунктах): значительно увеличилось количество преступлений, совершаемых преступниками-профессионалами. В особенности это касалось таких преступлений, как кражи и мошенничество. Не обошла стороной эта тенденция и Коми автономию. В 1920-е гг. по области прогремело несколько весьма громких дел о мошенничестве. В частности, наверное, самой крупной мошенницей в Коми области в этот период была некая Дербенева-Клобукова-Гусева, «личность весьма загадочная, обладающая сильной волей». Она собирала с населения якобы оставшиеся то от мужа, то от брата (в зависимости от ситуации) долги. В итоге милицией у нее было конфисковано одной мануфактуры 100 кусков, десятки пудов вещей и огромная сумма денег. Все это было собрано мошенницей по коми селам [44].

Нередко мошенники представлялись или даже являлись сотрудниками органов правопорядка или иных властных структур. Так, в 1922 г. начальник усть-куломского отделения уголовного розыска Трошев подделал акт изъятия церковных ценностей из Ульяновского монастыря, присвоив себе часть конфискованного имущества. Когда дело раскрылось, он был отстранен от работы. Представлялся председателем Коми областного революционного трибунала и А.В.Айбабин, рассчитывая на бесплатное угощение в волисполкомах где-нибудь в глуши края. Но жестокое убийство им ямщика Киселева положило конец преступной деятельности. В июне 1922 г. председатель «Коми ревтрибунала» был пойман. В 1930-е гг. фактор милицейской формы мошенниками использовался еще чаще. Они под видом сотрудников НКВД, а то и прокурорских работников грабили квартиры, магазины и т.д. [45].

Очень часто в нэповский период в мошенничестве были уличены бывшие купцы и промышленники. Так, крупным мошенником стал усть-цилемский купец А.Н.Поздеев (прозвище «Крот»). Только в 1924 г. он был арестован в Архангельске. Причем его защитником на суде выступал популярный столичный адвокат Муравьев, которому удалось добиться смягчения наказания: расстрел был заменен шестью годами тюрьмы. Еще одним аферистом был сын купца и лесопромышленника из Керчомья

А.И.Самарин. В начале 1920-х гг. он стал агентом Госторга и в этом качестве скупал пушнину у вычегодских охотников. Самарин додумался инсценировать крушение лодки, на которой вез партию пушнины. Однако милиция обнаружила меха спрятанными на берегу реки. В итоге агент Самарин получил три года тюрьмы. В немалой степени подобно рода преступлениям способствовала полная бесхозяйственность, господствовавшая во многих экономических структурах автономии. Газеты отмечали, хозяйственные преступления провоцируются «недостаточным учетом», в итоге «продукты, материальные товары расхищаются, портятся... Коми трест торгует, а не знает, что у него есть». Пресса советовала «обратить на хозяйственные преступления самое серьезное внимание» [46], ведь новая экономическая политика весьма способствовала их распространению. Действительно, примеров подобного рода преступлений можно было привести множество.

Немало было в двадцатые годы и краж. Например, только в 1926 г. в области было зафиксировано около 400 такого рода преступлений. Причем воровство наблюдалось как личного имущества граждан, так и государственной и кооперативной собственности. Последние, конечно, вызывали гораздо больший общественный резонанс. Как в силу особой значимости, что придавалось властью охране государственной собственности, так и более солидными масштабами ущерба. Особо следует выделить кражу в Областном союзе кооперативов в 1926 г. Тогда в столицу автономии прибыл обоз с продовольствием из Мурашей. Ямщики (жители Межадора и Вотчи) доставили в Усть-Сысольск партию товаров, в том числе сахар, махорку и т.п. Когда ящики и мешки были вскрыты, то обнаружилось, что значительная часть товаров заменена: вместо продуктов положены кирпичи и камни, а сахар смешан с песком. Эту кражу правоохранительным органам раскрыть не удалось [47].

Наблюдались в автономии и более серьезные преступления, нежели хулиганство, кражи и мошенничество. Так, в 1926 г. в области милицией было зарегистрировано почти 30 убийств. В основном такие тяжкие преступления совершались на почве пьянства. Нередко убийства были сопряжены и с другими преступлениями (кражи и т.п.).

Среди наиболее резонансных преступлений следует назвать убийство семьи Лютовых из Керчменя в мае 1922 г. Тогда были зарублены топором пять человек: муж, жена, сын и две дочери. Одновременно были похищены все запасы хлеба из амбара. Преступников удалось довольно быстро задержать. Ими оказались: неоднократно судимый вор-рецидивист Е.Попов и три молодые женщины – А.Напалкова, Г.Башлыкова и А.Качанова. После очередной пьянки собутыльники решили добыть средства для продолжения застолья, и поиски вылились в это страшное преступление. Схожее по

жестокости убийство произошло в 1926 г. в Спаспорубе. Церковный сторож Клементьев был убит 22 ножевыми ударами. Очевидно, он мешал ограблению: в церкви был взломан денежный ящик и похищены 500 руб. денег. В отличие от убийства Лютюевых это преступление не было раскрыто. Встречались и более дикие случаи. В 1925 г. в с. Куниб Вотчинской волости доведенная до отчаяния пьянством мужа А.Аксенова убивает супруга, отрубив ему голову топором. Труп она с помощью дочери прячет под полом дома. Односельчанам же было сказано, что муж пропал в лесу. Летом труп начал разлагаться. Женщины несколько раз углубляли могилу, но без особого успеха. Ужасное зловоние в избе вынудили женщин сознаться в содеянном. Суд приговорил мать к шести годам тюрьмы, дочь получила два года условно [48].

Порой в Коми происходили и запутанные, настоящие детективные истории. В мае 1922 г. в Палевицах был убит Егор Торлопов. Убийство произошло в Николин день в праздничной пьяной толпе. Убийца был тут же схвачен. Им оказался А.Белых. Казалось бы, суду оставалось только вынести приговор. Тем более что имелись многочисленные свидетели преступления. Однако в январе 1923 г. в суд поступает заявление от красноармейца А.Размыслова, который пишет, что именно он убил Торлопова, причем в порядке самозащиты – Торлопов на него напал. В итоге несколько лет разбирались, что же на самом деле произошло в Палевицах в тот праздничный Николин день 1922 г. В конце концов, выяснилось, что Белых посулил Размыслову хорошие деньги за то, чтобы красноармеец взял вину на себя (призывника Красной Армии, дескать, наказывать строго не будут). Только в начале 1926 г. суд вынес приговор: убийце – четыре года лишения свободы (лжесвидетель получил условное наказание) [49].

Имели место и трагикомичные истории. Мохчинский крестьянин К.Сметанин, попав в годы Первой мировой войны в германский плен, сошелся там с молодой немкой. После окончания войны супруги приехали на родину мужа. Однако пьянство Сметанина довело не привыкшую к такому поведению мужа женщину до отчаяния. Тем более, что возлияния сопровождались постоянными дикими побоями (Сметанин бил супругу и кулаками, и ногами, и веревками и т.д.). В конце концов, за издевательства над женой Кирилл Сметанин был осужден на два года [50].

Нередко преступниками становились и представители власти. Характерный в этом плане случай произошел в декабре 1923 г. Секретарь Усть-Немского волисполкома К.Опарин приехал в с. Лебяжское для организации крестьянского схода. Успешное проведение мероприятия, как водится, отметили. После застолья Опарин вместе с учительницей из Лебяжьего Мозимовой отправился в деревню Нижнее-Лебяжскую. По пути учительница была изнасилована и убита. Секретарь так перепугался совершенного, что,

бросив около трупа шапку и папку с документами, попытался скрыться. Но был пойман. Опарина приговорили к восьми годам тюрьмы [51].

Еще одной негативной стороной жизни нэповской России было значительное распространение случаев суицида. Количество самоубийств, по сравнению с периодом гражданской войны, в 1920-е гг. серьезно выросло, что вызвало повышенное внимание психиатров к данной проблеме: пытались установить связь между возрастом, социальным происхождением, национальностью, состоянием здоровья и самоубийствами. Однако постепенно становилась общепринятой точка зрения, выраженная на Втором психоневрологическом съезде (1924 г.): «Та нервно-психическая атмосфера, которая создается в советской общественности, является лучшим предупреждающим и лечебным средством для борьбы с нервно-психическими болезнями». Постоянно подчеркивалось, что только социально неполноценные люди склонны к самоубийству. На XXII Ленинградской губернской конференции ВКП(б) Е.Ярославский в этой связи подчеркивал, что самоубийцами могут быть исключительно личности «слабонервные, слабохарактерные, изверившиеся в мощь и силу партии» [52].

Обострение данной проблемы произошло после гибели С.Есенина в 1925 г. Это вынудило власти усилить пропагандистскую кампанию, направленную против попыток суицида. В ходе ее делались многозначительные заключения о том, что самоубийца является «законченным типом, интеллигентом-нытиком, склонным к самобичеванию». При обсуждениях случаев самоубийств в рабочих коллективах шли еще дальше. О самоубийцах говорили в следующих выражениях: «Она совсем опустилась, и ей ничего не оставалось делать, как отравиться», «он – выродок» и т.п. Немалую роль в борьбе с самоубийствами сыграла и книга Н.А.Островского «Как закалялась сталь», где самоубийство было названо предательством дела революции. Однако особых успехов эта борьба все же не имела. И в 1930-е гг. случаи добровольного ухода из жизни, в том числе и молодых рабочих, не были редкостью [53]. Впрочем, Коми край эта волна серьезно не затронула. Одно из самых нашумевших самоубийств произошло в конце 1933 г., когда свел счеты с жизнью затравленный политическими преследованиями первый директор Коми пединститута А.Ф.Богданов.

Если же вернуться к проблемам преступности, то надо заметить, что в немалой степени ее распространению способствовали как чрезвычайная мягкость наказаний (мы помним, что за жестокое убийство давали всего несколько лет тюрьмы), так и неблагоприятное положение в самих правоохранительных органах. Тем более что уже с середины 1920-х гг. неопытным милицейским работникам стали противостоять преступники-профессионалы. Высокий уровень преступности вызвал немалую озабоченность

властей, признавших малоэффективными те методы работы, что практиковались во время гражданской войны (обыски, облавы, обходы и т.п.). Однако производство этих мероприятий, дававших все-таки определенные результаты, вызывало серьезное недовольство граждан, от которых поступали многочисленные жалобы. И эти жалобы были справедливы. Ведь нередко милиция действовала по ложным доносам. Порой во время обысков употреблялись «приемы, совершенно недопустимые со стороны представителей охраны порядка, а скорее напоминают вторжение бандитов... благодаря чему неоднократно имели место нечаянные выстрелы, от которых гибли ни в чем неповинные люди», отмечалось в одном из отчетов приказов милиции республики. Имело место и нехватка наличного состава сил правопорядка. Поэтому в помощь милиции и уголовному розыску привлекались члены партии, красноармейцы и т.д. Тесно взаимодействовала милиция и с органами ГПУ. Все дела о разбойных нападениях и бандитизме фактически были отданы в ведение ОГПУ. Это приводило к дублированию и параллелизму в работе, межведомственным трениям, что не могло не отражаться на результатах борьбы с преступностью. Работники милиции, касаясь взаимодействия с ГПУ, отмечали, что «это не только мешало работе уголовного розыска, но и умаляло его авторитет» [54].

Между тем, усиление преступности требовало от власти принятия срочных мер по ее обузданию. Важнейшей из них явилось увеличение количества работников (для чего выделялись дополнительные пайки и денежные ставки). Однако привлечение новых сил в милицмейские структуры привело к снижению и без того невысокого уровня подготовки работников. В итоге, например, увеличилось число случаев неосторожного и неумелого обращения милиционеров с оружием. Работники правоохранительных органов применяли оружие по любому поводу, например, «чтобы воспрепятствовать выезду лошади на улицу, по которой движение запрещено». Пришлось четко определить порядок применения оружия милицией: при самозащите от преступников и отражении нападения их на кого-либо; при преследовании бандитов и других опасных преступников и т.п. Пытались внедрить и новые, более совершенные методы работы: развивалась учетно-регистрационная система, были созданы научно-технический отдел и Центральное бюро дактилоскопической регистрации, вводилась специализация в уголовном розыске, совершенствовалась система осведомления и т.д. Однако основной акцент по-прежнему делался на усиление карательных, репрессивных действий в отношении преступных элементов [55] (что отражало возобладавший в советском обществе взгляд на преступника-рецидивиста как на деклассированный элемент, чья деятельность угрожает задачам строительства социалистического общества). Данные действия

позволяли снизить криминогенную обстановку в стране, ликвидировать наиболее опасные преступные группировки, но в условиях слабой подготовки личного состава правоохранительных органов вело и к росту злоупотреблений со стороны милиции на местах.

Для Коми милиции были характерны те же проблемы, что и для правоохранительных органов в целом. Прежде всего, она испытывала «отсутствие не только образованных, но в большинстве случаев просто грамотных работников». Во многом это объяснялось явно недостаточным материальным обеспечением милиции. В середине 1920-х гг. оклад коми милиционера составлял 17 руб. В то время как зарплата рабочих чугунолитейных заводов колебалась в пределах 22-46 руб. в месяц, и то рабочие проявляли недовольство ее размерами. Понятно, что соблазниться таким материальным обеспечением могли немногие. Понятно, что неблагоприятное материальное положение приводило не только к нехватке милицейских работников и их далеко не удовлетворительному составу, но и к недовольству служащих правоохранительных структур, развитию взяточничества и упадку дисциплины. Способствовало этому и недостаточное материальное обеспечение самой работы милиции, что так же не позволяло ей в должной мере выполнять свои обязанности. Поэтому милиция и вела борьбу в основном с пьянством и самокурением, не уделяя должного внимания на уголовные преступления [56].

Работники правоохранительных структур Коми автономии были подвержены многим порокам, характерным для общества 1920-х гг., в частности, пьянству. Причем нередко работники милиции и прокуратуры пили конфискованный у населения самогон (именно за это прегрешение 14 чел. было уволено из органов). Даже председатель Коми облтрибунала М.Трубачев лишился своей должности именно за пьянство (впоследствии он уехал в Ижму, где и принял сан священника – последний эпизод ярко свидетельствует о неблагоприятном для властей положении в составе правоохранительных органов автономии). Еще более странный случай (и опять на почве пьянства) произошел в октябре 1926 г. в Усть-Сысольске, где пьяный милиционер Цивунин арестовал Коми областной комитет комсомола в полном составе и отвел арестованных в участок. Впоследствии сам милиционер так и не смог объяснить, за что были арестованы комсомольские работники. И таких случаев проявления алкогольного своеволия со стороны правоохранительных структур можно привести еще немало. Беспробудное пьянство сотрудников милиции серьезно мешало борьбе с преступностью. Особенно это было заметно в праздничные дни. Сводки ГПУ по Коми области нередко сообщали о том, что праздники прошли при широком пьянстве милиции, что обусловило значительное

количество преступлений [57]. Конечно, приведенные примеры говорили о крайнем неблагополучии с кадровым составом коми милиции. Наверное, такая милиция была просто не в состоянии эффективно бороться с преступностью в автономии. Хорошо еще, что Коми край в 1920-е гг. еще не стал местом заключения и ссылки преступных элементов со всей страны, хотя такие проекты уже и выдвигались.

В целом же повседневность Коми края в нэповский период свидетельствует о том, что возвращение к мирной жизни привыкшее к жестокостям гражданской войны общество встретило ростом негативных проявлений: больше стало бытового пьянства, хулиганских поступков, развитие денежных отношений вызвало рост мошенничества, краж, проституции и т.п. Население прекрасно осознавало отрицательное влияние нэповских нравов. В одной из газет Коми края сетовали: «Да, страшно-загадочное слово НЭП. И действует оно как-то опьяняюще. «Деньги, деньги», – лозунг дня. Хорошо как-то сказал Мефистофель: «Люди гибнут за металл. Сатана там правит бал» [58]. Власти видели тлетворное влияние новой политики на общественные нравы. И пытались смягчить негативные тенденции. Однако безуспешность попыток сделать это относительно мягкими методами привела к возобладанию во властных структурах линии, когда любое отклонение от привычных норм поведения рассматривалось с политических позиций и расценивалось как стремление (вольное или невольное) помешать строительству социалистического общества. Что выливалось в новое ужесточение карательной политики. Но в условиях относительной слабости правоохранительных структур и эта жесткая линия не слишком способствовала серьезному уменьшению негативных проявлений общественной жизни.

Литература и источники

1. Василевский Л.М. Проституция и рабочая молодежь. М.; Л., 1924. С. 20.
2. Николаев А.В. Антиалкогольные кампании XX века в России // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 73.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 120; Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М., 1955. С. 50.
4. Алкоголизм в современной деревне. М., 1929. С. 31.
5. Сталин И.В. Соч. М., 1954. Т.10. С. 232.
6. Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20–30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 41.
7. См.: Николаев А.В. Указ. соч. С. 74.
8. См.: Комсомольская правда, 1936. 5 сент.; Лебина Н.Б. Указ. соч. С. 41.
9. См.: Югид туй, 1922. 14 фев. (№ 31). С. 2.; 31 окт. (№ 171). С. 2; 1923. 1 фев. (№ 15). С. 1; 22 марта (№ 45). С. 3; 17 окт. (№ 213). С. 4; 1927. 17 июля (№ 83). С. 4; 27 окт. (№ 128). С. 4 и др.

10. НАРК. Хр. № 2. Ф. 73. Оп. 1. Д. 34а. Л. 6, 10; Ф. 70. Оп. 1. Д. 136. Л. 27; Д. 54. Л. 10; Ф. 97. Оп. 1. Д. 7. Л. 6; Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. Л. 180; Д. 50. Л. 25; Югид туй, 1926. 19 мая (№ 138). С. 3; 1927. 9 окт. (№ 120). С. 4; 1928. 6 сент. (№ 108). С. 3.
11. См.: Югид туй, 1928. 11 марта (№ 31). С. 3; 1925. 17 марта (№ 60). С. 4; 26 нояб. (№ 238). С. 3; 30 дек. (№ 260). С. 4; 1924. 18 марта (№ 62). С. 6.
12. См.: НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Л. 40; Югид туй, 1928. 6 сент. (№ 108). С. 3; Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Крашенные. Сыктывкар, 2000. С. 11-12.
13. См.: НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 110. Л. 21; Д. 73. Л. 13; Д. 94. Л. 36.
14. Югид туй, 1926. 29 сент. (№ 183). С. 4; 1926. 19 мая (№ 138). С. 3; НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. Л. 180; Д. 50. Л. 25.
15. См.: Лебина Н.Б. Указ. соч. С. 31-32; Павлов А.Н. Борьба милиции с преступностью в годы нэпа // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 141.
16. См.: Хулиганство и хулиганы. М., 1929. С. 24-26; Хулиганство и поножовщина. М., 1927. С. 28; Хулиганство и хулиганы. М., 1929. С. 31 и др.
17. См.: Лебина Н.Б. Указ. соч. С. 34-35.
18. См.: Югид туй, 1922. 28 сент. (№ 154). С. 4; 1923. 5 окт. (№ 203). С. 4; 17 нояб. (№ 237). С. 3; 1927. 9 окт. (№ 120). С. 4.
19. См.: Югид туй, 1922. 9 июля (№ 109). С. 4; Таскаев М.В. Краткая история преступности в Коми АО (По материалам Коми областной периодической печати 1920–1930-х годов) // Известия Общества изучения Коми края. 2007. № 1(10). С. 198.
20. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 94. Л. 36; Югид туй, 1927. 9 окт. (№ 112). С. 3; 30 янв. (№ 11). С. 4; Таскаев М.В. Указ. соч. С. 199.
21. Таскаев М.В. Указ. соч. С. 200.
22. См.: Югид туй, 1926. 3 окт. (№ 204). С. 4; Таскаев М.В. Указ. соч. С. 198-200.
23. См.: Панин С.Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917–1920-е годы) // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 130-132.
24. См.: Там же. С. 132-133.
25. См.: Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачев М.Б., Колегов Б.Р. Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен. Сыктывкар, 2002. С. 109; Таскаев М.В. Указ. соч. С. 202.
26. См.: Азартные игры в СССР середины 20-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 138-139; Всерокомпом – Всероссийский комитет помощи инвалидам войны, больным и раненым красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне (образован в 1924 г.); Деткомиссия – Комиссия по улучшению жизни детей (образована в 1921 г.).
27. Югид туй, 1923. 31 мая (№ 31). С. 3.
28. См.: Панин С.Е. Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 113-114; Лебина Н.Б. Указ. соч. С. 38.
29. Материалы межведомственной комиссии по борьбе с проституцией. М., 1921. Вып. 1. С. 7.
30. См.: Панин С.Е. Указ. соч. С. 116-118; Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге. 40-е гг. XIX – 40-е гг. XX вв. М., 1994. С. 139; Броннер В.М. Проституция и пути ее ликвидации. Л., 1931. С. 42-43.

31. См.: Таскаев М.В. Указ. соч. С. 203.
32. Там же. С. 202.
33. Там же. С. 202.
34. Павлов А.Н. Указ. соч. С. 141.
35. См.: Коми область в борьбе за социализм. Сыктывкар, 1931. С. 216; Югид туй, 1922. 2 нояб. (№ 172). С. 3.
36. Протоколы 4-го Областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Коми области. Усть-Сысольск, 1925. С. 226.
37. См.: Золотарев О.В. История народного образования в Республике Коми. Сыктывкар, 2002. С. 82.
38. Протоколы 3-го Областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Коми области. Усть-Сысольск, 1924. С. 100 и др.
39. См.: Золотарев О.В. Указ. соч. С. 82.
40. См.: Уголовный кодекс РСФСР. М., 1953. С. 48-52; Говоров И.В. Советское государство и преступный мир (1920–1940-е гг.) // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 143-144.
41. Говоров И.В. Указ. соч. С. 143, 151.
42. См.: Югид туй, 1922. 31 окт. (№ 171). С. 2; Красная Печора, 1923. 29 марта (№ 7). С. 3; Таскаев М.В. Указ. соч. С. 200.
43. Югид туй, 1922. 9 дек. (№ 190). С. 3; 2 нояб. (№ 172). С. 3; 20 июля (№ 122). С. 4 и др.
44. См.: Таскаев М.В. Указ. соч. С. 195-196.
45. См.: Там же. С. 196-197.
46. См.: Таскаев М.В. Указ. соч. С. 197; Югид туй, 1922. 31 окт. (№ 171). С. 2.
47. См.: Таскаев М.В. Указ. соч. С. 197.
48. См.: Югид туй, 1922. 25 июня (№ 98-99). С. 4; Таскаев М.В. Указ. соч. С. 204-205.
49. См.: Таскаев М.В. Указ. соч. С. 204.
50. См.: Таскаев М.В. Указ. соч. С. 204.
51. См.: Таскаев М.В. Указ. соч. С. 205.
52. Партийная этика: документы и материалы. М., 1989. С. 246.
53. Лебина Н.Б. Указ. соч. С. 36-37.
54. Павлов А.Н. Указ. соч. С. 139-140.
55. Павлов А.Н. Указ. соч. С. 141-143.
56. См.: НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 430. Л. 68; Д. 277. Л. 89; Д. 276. Л. 5, 46; Югид туй, 1923. 15 июня (№ 112). С. 4.
57. См.: НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 430. Л. 68; Д. 11. Л. 81; Таскаев М.В. Указ. соч. С. 200-201.
58. Югид туй, 1922. 8 фев. (№ 24). С. 2.

Н. И. Сурков

*Детскими глазами
(Орловское село в послевоенные годы)*

Уходят в прошлое от нас страшные военные годы. С каждым годом остается все меньше участников войны, тружеников тыла, людей, переживших оккупацию, фашистский концлагерь.

Мне помнится в детстве, укажи на любого взрослого мужчину – это фронтовик. А теперь уже состарились люди, по возрасту не участвовавшие в войне. Несколько дольше будут помнить лихую годину, кто тогда был в детском возрасте. Мне, родившемуся, когда шла война, вспоминаются первые послевоенные годы. Самое раннее относится к 1946 г. Только одного года не хватило мне, чтобы зацепить в памяти 9 мая 1945 г. Поэтому эта дата для меня как будто бы из другой эпохи.

Говоря о том далеком и трудном времени, надо вспомнить людей, живших тогда. Это в основном женщины, дети, старики. В редком доме был жив хозяин, мужчина средних лет. Зачастую мы росли в неполных семьях. Безотцовщина была трагической нормой. А людей объединяло общее несчастье, нищенский образ жизни.

Ютились в землянках, погребах, подвалах. Военным вихрем все без исключения были сорваны со своих насиженных мест, испытали горькую участь беженцев и даже узников фашистских концлагерей, натерпелись издевательств гитлеровцев и полицаев, пережили страх от стрельбы и бомбежки. Многие потеряли своих близких. Все лишились скота. Поэтому приходилось все наживать заново. Почти в каждом доме были трофейные предметы – таганы, ящики и сундуки от военного снаряжения и боеприпасов, канистры, примитивные светильники, изготовленные из сплюснутых снарядных гильз. Ходили в лохмотьях, одежде не по размеру, в галошах и лаптях, а нередко и босиком. Питание было более чем скудное. Не хватало самого необходимого – хлеба. Некоторым приходилось побираться. Весной тщательно осматривали огороды, чтобы собрать прошлогоднюю картошку.

Из нее пекли оладьи. В муку добавляли лебеду. Часто лакомством была тюря. Иногда я интересуюсь у своих студентов, что это за слово. Не получив ответа, говорю им: «Хорошо, что не знаете», – и популярно рассказываю рецепт этого блюда.

Повсеместно можно было видеть тяжелую картину – физически искалеченных на полях сражений молодых мужчин – без рук и без ног, на костылях, на тележках с подшипниковыми колесами. Но постепенно люди отходили от потрясений, пережитых за годы войны. Отстраивали свои неказистые хатенки, налаживали мирный быт, светлее становились измученные лица.

Взрослые люди опасались заходить в окрестные леса, лощины, поля. Все было напиговано минами, снарядами, патронами. Смертельная опасность не страшила вездесущих парнишек. Но не всегда это проходило без трагических последствий. Некоторые ребята погибли во время извлечения из мин и снарядов пороха и тола.

Как-то на сельском кладбище в Архангельском я наткнулся на могилу с надписью «Булычев Николай Алексеевич (1929–1945)». Я сразу понял, что это двоюродный брат моей матери. Раньше я о нем не слышал, но моя догадка подтвердилась. В июне 45-го он подорвался на mine. К слову, Булычевы – мои предки по материнской линии. Из этого рода происходила моя бабушка Евдокия Сергеевна Мотина. Своим троюродным братьям и сестрам, проживающим в Глазуновке, Орле, Липецке, Минске, Донбассе, я рассказал бы трехсотлетнюю (с начала XVIII в.) историю рода Булычевых.

Через дом от нас жила семья Тюренковых. Старший их сын, Александр, мы звали его Шуриком, в 1946 г. погиб при распашке поля трактором. Он был прицепщиком. Годом раньше на куски разорвало, что нечего было хоронить, его брата Ивана.

Каждое лето к нам приезжали минеры. Это солдаты – стриженные, в пилотках, выцветших гимнастерках, изношенных сапогах. С того времени у меня сложилось уважительное и почтительное отношение к солдату – защитнику и освободителю родной земли. В 90-е гг. прошлого века много грязи было вылито на нашу армию, что вызывало у меня возмущение. Солдаты обследовали и прощупывали миноискателями окрестности. Найденные боеприпасы увозили в безопасные места и уничтожали, а иногда обезвреживали на месте.

В близлежащих лесах в избытке находилась исковерканная военная техника. На опушке Заказника стояла железная громадина с разорванной гусеницей, через щели которой пробивалась трава, а ствол ее был направлен на станцию Малоархангельск. На опушке лесочка Крутая Гора были врыты артиллерийские пушки с обгоревшей резиной на колесах. Притом резина

была необыкновенной плотности. Мы пытались отрезать, отрубать куски, чтобы сделать мячи для игры в лапту. Но они получались плотными и тяжелыми, как камни. Синяк от удара такого мяча долго сохранялся. Вдоль Конторки проходил окоп, там мы находили много медных гильз и патронов, много их было и в районе нынешнего обелиска, что в двух километрах от села Архангельское. Также много цветного и железного металла мы собирали в Высечке. В ней моя бабушка Акси́ня вместе со своей односельчанкой Натальей Лобановой сняла парашют. Вот была удача! Парашют разрезали пополам, нашили всякой одежды, в чем тогда был большой дефицит. Между Крутой Горой и Горгоном нашел мотор от самолета. От него я отламывал карболитовые и алюминиевые пластинки, отрывал провода. Листы алюминия были разбросаны по всей округе. Все это мы собирали и сдавали, чтобы получить какие-то деньги, такие редкие тогда. Собирали желуди, семена акации, за что тоже получали копейки. А военную технику в начале 1950-х гг. как металлолом убрали. Но и сейчас можно найти медные винтовочные патроны и в избытке осколки от снарядов. Каждый год я привожу их домой в качестве сувениров и наглядных пособий при чтении лекций о войне.

На протяжении нескольких послевоенных лет люди ждали своих родных с фронта, а эти ожидания иногда подпитывались слухами, что кто-то вернулся из плена или госпиталя. Я на себе испытал такие настроения.

Мой отец Иван Захарович по состоянию здоровья не был призван в Красную Армию, и на фронт его не мобилизовали. Но мне он всегда представлялся солдатом. Мы жили тогда в селе Никольское (Щербатово). У нас была маленькая хатка, мать купила ее у Гурьяновых. Напротив входа была дверь в погреб, слева стояла русская печка, занимавшая почти половину площади, справа – крохотное оконце. И мне приснился сон. Ситуация такова: сижу я на печке, своим любимом месте в детстве, дверь открыта настежь. Солнечное утро. Мой отец в гимнастерке рубит дрова. Радости – полная грудь. Но потом я проснулся. Каково же было мое разочарование! Сердце будто клещами сжало. Я пожалел, что проснулся. В одном фильме герой произносит: «Мужчина не плачет, мужчина огорчается». Вот я тогда сильно огорчился, и мать меня долго успокаивала.

Любимым временем года для меня всегда было лето, потому что тогда легче было прожить. Сколько росло всякой съедобной травы – собирай, не ленись: щавель, дикий лук, баранчики, сергибица, ягоды. Хорошим подспорьем были дикие груши и яблоки, которые росли в окрестных лесах. Обдираясь и искалываясь, мы собирали дикие плодовые деревья, делили поровну собранное. Но сразу есть их было невозможно. Поэтому мы укладывали их на потолке в сено. Они улеживались, становились мягкими,

вполне съедобными. В сентябре, когда начиналась учебная пора, отправляясь в школу, набивали полные карманы припасами и с удовольствием их потребляли. Сейчас вряд ли они покажутся такими соблазнительными. Большим лакомством были зерна созревшего хлеба, колхозный горох. Но за это можно было схлопотать большие неприятности, так как это было уголовно наказуемо. Школьников посылали собирать колоски, а сейчас пройдешь по жнивью – от них в глазах рябит.

Тяжелые были годы, но и в них порой встречались светлые мгновения, которые поддерживали надежду на лучшие времена.

***Из жизни сыктывкарцев в 1960 году
(по материалам газеты «Красное знамя»)****

Москва – ближе

Четырехмоторный воздушный гигант позавчера после полудня показался над Сыктывкарком. Сделав несколько кругов над городом, серебристый лайнер приземлился на глади аэродрома. Так закончился первый полет современного турбовинтового самолета «ИЛ-18» по маршруту Москва – Сыктывкар...

Первый полет длился менее двух часов и закончился на Коми земле очень удачно...

Итак, Москва стала ближе...¹

(8 января, с. 4)

Таким будет аэровокзал в Сыктывкаре

В конце улицы Советской ведутся земляные работы. Здесь будет новый аэровокзал.² Здание аэровокзала... запроектировано трехэтажным, с вышкой в центре. Оно будет состоять из многочисленных помещений.

В первом этаже разместятся светлый, просторный вестибюль со справочным бюро, кассой и почтой-телеграфом, вместительные багажные залы, а также светлый, просторный и красивый зал ожидания на 200 пассажиров с буфетом. На втором этаже будут не менее красивые, хорошо отделанные

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Повседневная жизнь сельского и городского населения Коми края в XIX–XX веках»).

¹ В конце января 1960 г. в Сыктывкаре совершит посадку самолет АН-10А.

² Здание аэровокзала было открыто в конце 1963 г. (см.: Фото «Новый аэровокзал в Сыктывкаре» // Красное знамя, 1963. 6 дек.). Он кирпичный, со световой иллюминацией на углах – летящий самолет и летящий вертолет. Огромные цветные витражи на лицевом фасаде. А первая световая иллюминация – облетающая Земной шар ракета – была оформлена в городе к ноябрьским праздникам 1959 г. на здании «Комистроя».

торговый зал ресторана, гардеробы. Кстати, через одну из дверей зала ресторана можно попасть в небольшой, но уютный банкетный зал. На этом же этаже разместятся помещения кухонного блока, багажные кладовые, комнаты матери и ребенка, парикмахерская, комната врача и другие помещения.

Третий этаж здания посещать будут в основном сами работники аэропорта, так как здесь будут располагаться только административно-служебные помещения.

Внутреннее оформление... будет привлекать высококачественной отделкой, спокойными и приятными тонами окраски стен, белизной плафонов и лепных деталей. В помещениях с наиболее интенсивным движением пассажиров, в зале ожидания, в вестибюле, в багажном отделении полы будут мозаичными, в ресторане, в банкетном зале, гардеробах и других служебных помещениях будут паркетные полы. Наружные плоскости стен, фасады должны быть оштукатурены терразитовым раствором светлого тона. Издалека обращающие на себя внимание громадные витражи фасадов будут выполнены в металле, с последующей окраской антикоррозийной серебрянкой. Витражи будут изготовлены из толстого зеркального стекла.

...По обе стороны аэровокзала вырастут большие трехэтажные жилые дома... В центре площади будет разбит скверик с фонтаном.³

Е. Ежов (13 января, с. 4)

Сыктывкар в 1960 году.

Интервью с председателем Городского совета Г.Г. Елизаровым

Много нового и радостного принесет трудящимся Сыктывкара 1960 год. ... Конечно, трудящихся столицы и других городов и сел республики интересует строительство в Сыктывкарском лесопромышленном узле. Нынче здесь будет создаваться база строительной индустрии, а также начнется строительство жилья в рабочем поселке Слобода.⁴

Пожалуй, самым радостным событием будет предполагающееся в августе открытие рабочего движения на железнодорожной линии Микунь – Сыктывкар.⁵

³ Вместо скверика 1 мая 1965 г. на привокзальной площади будет открыт памятник В.И. Ленину (см.: Северцев Б. Праздника звенящие песни // Красное знамя, 1965. 4 мая).

⁴ Первоначально предполагалось будущий жилой район возле ЛПК назвать Эжвакар, потом сократили до Эжва. Описание строительства см.: Пояснения к плану застройки местечка «Эжвакар» // Красное знамя, 1961. 25 марта.

⁵ Реально это событие произойдет в январе 1961 г. (см.: Попов Е. Пассажирский идет на Микунь // Красное знамя, 1961. 27 янв.). Открытие трассы затянулось из-за строительства моста через Вычегду в районе М. Слуды.

Из числа новых предприятий, строительство которых начнется в текущем году, следует назвать завод крупнопанельных блоков, хлебозавод производительностью 60 тонн хлебобулочных изделий в сутки, комбинат бытового обслуживания⁶. Начнется реконструкция кондитерской фабрики⁷, горпищекомбината, механического завода.

К новостройкам текущего года следует отнести строительство аэро- и железнодорожного вокзалов, городской поликлиники на 500 посещений в смену⁸, специализированных овощного, молочного и других магазинов⁹, клубов в пос. Емваль и В. Чов, школы-интерната на 520 мест¹⁰, двух школ на 800 мест в городе¹¹ и в пос. Краснозатонский... Предполагается начать строительство нового здания республиканского музыкально-драматического театра¹² и реконструкцию кинотеатра «Октябрь» для демонстрации широкоэкранных фильмов¹³..., замостить 120 тысяч кв. м улиц и тротуаров¹⁴...

(23 января, с. 4)

Улицы индивидуальных домов

...В прошлом году более двухсот сыктывкарских семей вселились в свои индивидуальные дома. В районе поселка Мясокомбината появились улицы Складская, Земляная, Садовая, Зимняя и другие. За последние несколько лет между мясокомбинатом и улицей 5/10 вырос новый большой рабочий поселок с добротными домами. Кроме частных построек, здесь возвышается

⁶ КБО располагался на ул. Советская около студенческого общежития пединститута в полуподвальном этаже четырехэтажного кирпичного дома.

⁷ О работе реконструированной кондитерской фабрики см.: Шарков В. Чтоб потребитель был доволен // Красное знамя, 1960. 12 апр. В ней говорится о начале изготовления на фабрике первых партий тортов и пирожных.

⁸ Вступит в строй в 1961 г.

⁹ О специализированных магазинах см.: Литвинов В. Магазин для маленьких // Красное знамя, 1960. 14 марта; Он же. Магазин кулинарии // Красное знамя, 1960. 31 авг.

¹⁰ Строительство ее будет проходить по ул. Печорская.

¹¹ Речь, скорее всего, идет о строительстве средней школы № 2 в городе. Стройка эта была знаменита тем, что в возведении здания школы и ее отделке принимали участие и учащиеся школы, для чего летом был создан комсомольский строительный лагерь.

¹² О проекте см.: Александров Т. Это будет в Сыктывкаре // Красное знамя, 1962. 10 окт.

¹³ О реконструкции кинотеатра см.: «Октябрь» будет широкоэкранным // Красное знамя, 1960. 15 авг.

¹⁴ Кроме всего перечисленного в конце года были сданы в эксплуатацию четырехэтажный 48-квартирный жилой дом по ул. Карла Маркса (до 1960 г. – ул. Совнаркомовская) и новое здание техникума советской торговли.

начальная школа, по улице Печорская строится школа-интернат, а на улице Энгельса – городская больница с несколькими корпусами.¹⁵

Перспективы этого района большие... В сторону Тентюково будут возводиться двухэтажные дома, детские учреждения. На углу улиц Громова и Энгельса отведен участок под новый магазин...

(4 февраля, с. 4)

Таким будет колхозный рынок

...Здание рынка будет находиться по улице Орджоникидзе, против гормолзавода, рассчитано оно на 260 торговых мест.

Рынок будет представлять из себя громадное одноэтажное каменное сооружение. Отметка конька крыши превышает 10 м – выше трехэтажного дома..., площадь застройки 1945, 5 кв. м, объем здания 18. 480 кубм, площадь торгового зала – 1. 578 кв. м, складские площади – 601 кв. м.

В торце здания, обращенном к дворцовому фасаду, запроектирован второй этаж, в котором разместятся административные помещения, в первом этаже – основной торговый зал и обслуживающие помещения.

...Торговые места расположены по принципу островной торговли. Для кратковременного хранения овощей и фруктов в подвальном помещении запроектирован склад. Здесь же будут находиться два подъемника грузоподъемностью 500 кг каждый,... холодильники для мяса и молока, состоящие из машинного отделения и шести охлаждающих камер.

...Помимо самого рынка, на его территории будут построены котельная, обособленный товарный склад, крытые торговые столы, закусочная, места для продажи с автомашин и подвод, а также для стоянок авто- и гужевого транспорта.

Кладка стен будет произведена из отборного ухтинского кирпича. По фасаду здания предусмотрены бетонные плоско-барельефные вставки с элементами национального орнамента. Внутри здания высокие панели стен зала и почти всех других помещений будут облицованы керамической плиткой. Полы... в основном отделываются керамической плиткой, потолки белятся.

Е. Ежов (16 февраля, с. 4)

«Столы заказов» в магазинах

Во многих магазинах города совсем недавно появились белые таблички с надписью «Стол заказов». В магазине № 50 он занимает целую комнату.

¹⁵ Позднее там расположится детская республиканская больница, в которую волеется и городская детская больница, находящаяся на ул. Оплеснина. В 1959 г. для нее будет построен специальный двухэтажный корпус (см.: Красное знамя, 1960. 1 янв.).

Здесь дежурит продавец Анастасия Губинская. Она и по телефону принимает заказы на продукты из ассортимента магазина. Вскоре после получения заказа нужные продукты отбираются и упаковываются, машина доставляет их на дом в любой пункт города.

В. Густов (25 февраля, с. 4)

Парк Сыктывкарской автоконторы недавно пополнился одиннадцатью новыми автобусами «ЗиЛ-158» и легковыми машинами – такси «Волга». Это сразу же положительно сказалось на обслуживании населения города пассажирским автотранспортом.

(5 марта, с. 4)

Магазин для маленьких

Оживленно было в пятницу на ул. Орджоникидзе в Сыктывкаре. В этот день тысячи жителей города побывали в новом магазине «Детский мир»¹⁶.

...Что нового в нашем магазине?.. Установлено четыре автомата по продаже карандашей и тетрадей, в двух салонах открыт свободный доступ к товарам, впервые в городе у нас стали выдавать товарные чеки. Они дают право покупателям на обмен покупок...

В. Литвинов (14 марта, с. 4)

Зал технической литературы

В республиканской библиотеке имени В.И. Ленина на днях открылся читальный зал технической литературы со свободным доступом посетителей к книжным полкам. В зале представлена литература по важнейшим отраслям промышленности: машиностроительной и химической, металлургической и горной, нефтяной и угольной, лесной и деревообрабатывающей; описания отечественных и зарубежных изобретений и общесоюзные стандарты, технические чертежи, типовые проекты, материалы технической информации, специальные и популярные технические журналы...

Ю. Пажитнева, А. Степанова (2 апреля, с. 4)

Звучит русская песня

Два вечера сыктывкарцы слушали чудесные русские песни. Пела известная исполнительница русской песни Антонина Сметанкина..., с которой сыктывкарцы были знакомы только по радио.¹⁷

А. Северный (2 апреля, с. 4)

¹⁶ Здание на перекрестке ул. Ленина и Орджоникидзе.

¹⁷ Исполнялись песни: «Как пойду я на быстру речку», «Два друга», «Ошибка», «Мой костер», «Окрасился месяц багрянцем», «Воронежские страдания», песни советских авторов.

Знаменательная дата. К 40-летию издания декрета

«Об организации государственных мероприятий по борьбе с огнем»

...Бойцы городского гарнизона пожарной охраны имеют в своем распоряжении мощные машины-вездеходы «ПМЗ-13», «ПМЗ-15», «ПМГ-19», «ПМГ-20» и другие. Руководитель тушения пожара имеет возможность держать постоянную связь с помощью радиоустановки с командованием и подчиненными в пути, а также с любой точки в черте города. Кислородно-изолирующие противогазы, электромагнитофон для подачи приказов на расстоянии 200-300 метров в сложной обстановке, механические выдвижные лестницы с ручным приводом... все это позволяет быстро справиться с огнем.

Г. Богданов (18 апреля, с. 4)

Новая аллея парка

В этом году площадь парка будет увеличена. В широкую аллею превратится участок улицы Кирова от улицы Куратова до спуска к переезду через Сысолу. Здесь будет запрещен проезд машин и других видов транспорта. Улица будет полностью предоставлена гуляющим. Вдоль нынешней проезжей части ее будут расставлены скамейки, разбиты клумбы, газоны, цветники. Сносится высокий забор, который сейчас отделяет парк от улицы, его заменит низкая фигурная ограда...

М. Виталев (14 мая, с. 4)

Будет заводской бульвар

Большая сила – коллективный труд. Прямо от заводских ворот двинулись колонны рабочих и служащих, вооруженных лопатами, кирками, ломami, к будущему месту бульвара, что протянулся за ремесленным училищем № 6 и поселком Лесозавода. Сейчас это голый пустырь. Но пройдет время, и он станет неузнаваемым. Разрастутся кедры, зазеленеет трава на газонах, заалеют цветы на клумбах, пышные кроны деревьев бросят на землю густую тень. Бульвар будет замыкать Дворец культуры, который намечают построить лесозаводцы в недалеком будущем.

Л. Стругач (24 мая, с. 3)

Сквер и детская площадка

В центре города Сыктывкара возле бани № 1 многие годы пустовал большой участок земли. Когда начался поход за благоустройство и озеленение, на заброшенный пустырь пришли жильцы улиц Орджоникидзе, Советская, Ленина¹⁸. Закипел дружный коллективный труд... Здесь будет

¹⁸ Орджоникидзе, д. 10, 12; Советская, д. 4, 6.

сквер и детская площадка. Сквер окружит зеленое кольцо кустарников, в центре будут цветочные клумбы, газоны. Высаживаются деревья. Заказаны скамейки, строится новый штакетник...

Не забыта и детвора. Для них оборудуется детская площадка. Здесь же рядом и волейбольная площадка.

(26 мая, с. 3)

«Октябрь» будет широкоэкранным

Кинотеатр «Октябрь» закрыт, но не на ремонт, а на реконструкцию.

Он станет широкоэкранным. В 2,5 раза увеличивается площадь экрана. Это улучшит восприятие фильма зрителями. Расположенные по всему периметру зала девять динамиков обеспечат стереофоничность звука...

Перестройка фойе уже закончена, ... в кинобудке устанавливается широкоэкранный аппарат.

(15 августа, с. 4)

Магазин кулинарии

Вывеска с такой надписью появилась недавно в первом этаже здания по улице Коммунистической¹⁹ и сразу привлекла внимание жителей Сыктывкара, особенно женщин. Неузнаваемо изменился бывший магазин «Рыба-мясо» – здесь теперь белоснежный кафель стен, стекло и никель.

Много покупателей... Здесь же происходит отпуск обедов на дом. В мармитах происходит подогрев обедов. В магазине установлены столики, где посетители могут выпить горячее кофе с пирожком или булочкой.

(31 августа, с. 4)

Публикация Б.Р. Колегова

¹⁹ Магазин располагался в торце ресторана «Дружба» (ныне – ресторан «Спасский»). В этом же здании, но со стороны ул. Советской находились два магазина, кафе, детская поликлиника. В целом, на ул. Советская тогда располагались следующие учреждения: средние школы № 2 и 14, поликлиника (см. предыдущую сноску), Минпрос, горисполком, радиокомитет, парикмахерская (рядом со зданием общежития пединститута), Госбанк, КБО (см.: Попов Е. Всем городом // Красное знамя, 1960. 19 апр.).

Содержание

Мацук М.А. «...Почести несли ему 20 алтын» (Повседневные реалии взаимодействия выборных лиц местного самоуправления и представителей уездной администрации Яренского уезда в XVII веке)	3
Полезные советы губернской газеты (По страницам «Вологодских губернских ведомостей» 1838–1839 гг.) (<i>публикация И.И.Лейман</i>)...	13
Летопись Нившерской церкви (<i>публикация И.Л.Жеребцова</i>).....	18
Лейман И.И. Ярмарки: как считали и как обсчитывали (охрана правопорядка и статистика на ярмарках в XIX в. на примере Европейского Севера России)	34
Чупров В.И. Крестьянская община в Коми крае в начале XX в. и ее роль в организации кооперативно-благотворительной деятельности	42
Попова Р.Л. «Ленчик! Не крашенные ...!» (Мои родители и наша семья)	55
Золотарев О.В. Теневые стороны жизни Коми автономии в период НЭПа	84
Сурков Н.И. Детскими глазами (Орловское село в послевоенные годы).....	111
Из жизни сыктывкарцев в 1960 году (по материалам газеты «Красное знамя») (<i>публикация Б.Р. Колегова</i>).....	115

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КОМИ КРАЯ

Выпуск 3

Научное издание

Оригинал-макет – Н.К.Забоева

Компьютерный набор. Уч.-изд.л. 7,4. Усл. печ. л. 7,75.
Тираж 150 экз. Заказ № 112.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

ISBN 978-5-89606-376-6

